Герритсен Тесс

Гробовое молчание

Биллу Хейберу и Дженет Тамаро — за то, что поверили в моих девчонок

Благодарности

Ни в одном из написанных мной романов не было столько личного, сколько в этом. Сюжет родился под влиянием маминых рассказов о ее детстве, проведенном в Китае, а также о духах, таинственных мастерах боевых искусств и — да, о героическом Царе Обезьян. Спасибо, мама, что познакомила меня с чудесным миром китайских легенд.

Я также благодарна Тони Еэ и полицейскому из Бостонского ПУ Томми Юню за то, что посвятили меня в жизнь местного Чайна-тауна; Хэлфорду Джонсу — за то, что так долго подбивал меня написать историю о боевых искусствах; моему сыну Адаму Герритсену за то, что помог разобраться со словами из мандаринского диалекта и малоизвестным огнестрельным оружием; доктору Рине Рой, адъюнкт-профессору программы криминалистики Пенсильванского университета, за неоценимые сведения, касающиеся анализа шерсти приматов; Джону Р. Мишу, адъюнкт-профессору правоведения, и его студентам из Клуба уголовного судопроизводства Университета имени Хассона за советы по поводу анализа металла старинных мечей; и наконец — Расселу Гранту из Бостонского ПУ за постоянную готовность отвечать на мои вопросы. Ошибки, допущенные в этом романе, мои и только мои.

А еще есть преданная команда, которая страховала каждый мой шаг во время работы над книгой — поддерживала советом, подбадривала или наливала порой очень необходимый мартини. Это несравненный литературный агент Мег Рули из Агентства Джейн Ротрозен, редактор из издательства «Баллантайн» Линда Марроу, моя защитница в издательстве «Трансуорлд» Селина Уокер, а также Брайан Маклендон — человек, благодаря которому во время путешествий я всегда остаюсь в безопасности и здравом уме.

Но больше всего я благодарна своему мужу Джекобу — он радостно сносит испытания, которыми богат брак с писательницей. Дни напролет я общаюсь с людьми, существующими лишь в моем воображении, а потому особенно счастлива, что у меня есть настоящий герой, из плоти и крови, к которому всегда можно вернуться.


~~~
~~~

«Что тебе необходимо сделать — так это выманить чудовище из логова, — сказал Царь Обезьян, — однако ты должен быть уверен, что выживешь в этой битве».

У Чэнъэнь (ок. 1500–1582) «Обезьяна: китайский народный роман». (Сокращенный и адаптированный перевод на английский язык Артура Уэйли, 1942)

1

САН-ФРАНЦИСКО

Весь день я наблюдаю за этой девочкой.

Она не подает виду, что заметила меня, хотя машина, взятая мною напрокат, хорошо видна с того угла, где девочка и другие подростки собрались этим вечером — убить время так, как это обычно делает скучающая молодежь. Она выглядит младше остальных, но, возможно, так кажется, потому что она азиатка, и в семнадцать по-прежнему миниатюрна — тростинка, а не девочка. Ее черные волосы острижены коротко, как у мальчишки, а синие джинсы потерты и разорваны. Это не дань моде, думаю я, а последствия долгой носки и уличной жизни. Закурив сигарету, она небрежно, словно бандит в подворотне, выпускает облако дыма; это поведение не идет к ее бледному китайскому личику с тонкими чертами. Она достаточно красива, чтобы привлечь голодные взгляды двух проходящих мимо мужчин. Девочка замечает их интерес и, ничуть не испугавшись, тоже сердито смотрит на них, однако бесстрашие дается легко лишь тогда, когда опасность — всего-навсего абстрактное понятие. А как поведет себя эта девочка, если столкнется с настоящей угрозой? — размышляю я. Станет защищаться или растеряется? Мне нужно узнать, из какого теста она сделана, но пока у меня не было возможности проверить.

С наступлением темноты собравшиеся на привычном месте подростки начинают расходиться. Сперва от группки отделился один из них, затем — второй. В Сан-Франциско вечерами прохладно даже летом, а потому оставшиеся ребятки в свитерах и куртках сбиваются в тесную кучку и, поднося друг другу зажигалку, прикуривают и наслаждаются мимолетным жаром пламени. Однако холод и голод в конце концов прогоняют последних подростков, и на улице остается только девочка, которой некуда идти. Она машет вслед удаляющимся друзьям и некоторое время стоит в одиночестве, словно ожидая кого-то. Наконец она пожимает плечами и покидает место сборищ — сунув руки в карманы, девочка двигается в мою сторону. Проходя мимо моей машины, она совсем не глядит на меня, а смотрит куда-то вдаль — ее взгляд кажется самоуглубленным и неистовым, словно она мысленно

пытается справиться с какой-то дилеммой. Вероятно, она размышляет о том, где сегодня можно отхватить ужин. А может быть, ее гнетет нечто более важное. Ее будущее. Способность выжить.

Наверно, она не замечает, что за ней идут двое мужчин.

Всего через несколько секунд после того, как девочка прошла мимо моей машины, я вижу мужчин, выныривающих из переулка. Я узнаю их — те же двое, что пялились на нее чуть раньше. Когда, следуя за ней, они минуют мою машину, один из мужчин смотрит на меня сквозь ветровое стекло. Его быстрый взгляд оценивает, представляю ли я угрозу. Похоже, увиденное не вызывает у него ни малейшего беспокойства, так что оба товарища продолжают путь. Они передвигаются, словно два уверенных в себе хищника, преследующих более слабую добычу, которая вряд ли может оказать сопротивление.

Выбравшись из машины, я иду за ними. Точно так же, как они следуют за девочкой.

Она направляется в район, где слишком много заброшенных зданий, а тротуары словно вымощены битыми бутылками. Ничто в ней не выдает ни страха, ни сомнений, словно ей хорошо знакомы эти места. Девочка ни разу не оглядывается, и это свидетельствует о том, что она либо до безрассудства смела, либо не представляет, как этот мир может обойтись с девочками вроде нее. Преследующие ее мужчины тоже не оглядываются. Даже если эти двое заметят меня (а я ни за что не позволю такому случиться), они не испугаются. Никто никогда не видит во мне угрозы.

Девочка минует еще один квартал и, свернув направо, исчезает в дверном проеме.

Я отступаю в тень — понаблюдать, что будет дальше. Двое мужчин останавливаются у дома, в который вошла девочка, чтобы обсудить стратегию, а затем тоже заходят внутрь.

Стоя на тротуаре, я смотрю вверх, на заколоченные окна. Это опустевший склад с табличкой: «Посторонним вход воспрещен». Дверь в него приоткрыта. Я проскальзываю внутрь, в такой густой мрак, что мне приходится остановиться, — пока глаза привыкают к темноте, я полагаюсь на другие чувства, временно заменяющие мне зрение. Я слышу, как скрипят половицы. Ощущаю запах горящей свечи. И наконец вижу слабый отсвет в дверном проеме слева от меня. Остановившись возле него, я заглядываю в помещение.

Девочка стоит на коленях возле импровизированного стола; ее лицо освещает дрожащее пламя свечи. Вокруг — признаки временного жилища: спальный мешок, консервные банки и маленькая газовая плитка. Она сражается с упрямым консервным ножом и не замечает приближающихся сзади мужчин.

Я набираю воздуха в легкие, чтобы крикнуть ей: «Берегись!», — но тут девочка оборачивается и оказывается лицом к лицу с незваными гостями. У нее в руке консервный нож — жалкое оружие против двух крупных мужчин.

— Здесь мой дом, — говорит она. — Убирайтесь.

Я собираюсь вмешаться. Но все-таки останавливаюсь посмотреть, что произойдет дальше. Понять, из чего сделана эта девочка.

— Мы просто пришли в гости, милая, — смеется один из мужчин.

— Разве я вас приглашала?

— По твоему виду ясно, что тебе компания не помешает.

— А по твоему — что тебе не помешают мозги.

Не самое лучшее поведение в подобной ситуации, думаю я. Теперь их похоть смешалась со злобой, а это опасная комбинация. Однако девочка стоит спокойно, не двигаясь с места, и помахивает этим жалким кухонным приспособлением. Когда мужчины набрасываются на нее, я уже опираюсь на пятки, готовясь к прыжку.

Она опережает меня. Один скачок — и ее нога бьет в грудину первому мужчине. Удар неуклюжий, но действенный, и первый мужчина, покачиваясь, хватается за грудь — он не может дышать. Второй незнакомец не успел еще среагировать, а она уже поворачивается к нему и бьет консервным ножом ему в висок. Взревев, он пятится назад.

Что ж, это уже интересно.

Первый мужчина приходит в себя и, бросившись на девочку, ударяет ее так сильно, что они вместе падают на пол. Она отбивается руками и ногами, и ее кулак попадает мужчине в подбородок. В ярости он не обращает внимания на боль и с рыком наваливается на нее всем весом, не давая девочке пошевелиться.

Теперь в схватку снова включается второй незнакомец. Он обхватывает запястья девочки и прижимает их к полу. Юность и отсутствие опыта стали причиной катастрофы, из которой ей уже не удастся выбраться.

При всей своей горячности девочка слишком неумела и неподготовленна — вот-вот случится неизбежное. Первый мужчина расстегнул ее джинсы и теперь сдергивает их, обнажая худенькие бедра девочки. Его возбуждение несомненно, даже брюки в области ширинки оттопырились. В такие моменты любой мужчина становится уязвимым.

Он не слышит, как я приближаюсь. Вот он расстегивает ширинку. А вот уже лежит на полу со сломанной челюстью — зубы вываливаются у него изо рта.

Второй мужчина едва успевает выпустить руки девочки и вскочить, но я его опережаю. Я — тигр, а он всего-навсего неуклюжий буйвол, глупый и беспомощный перед моим ударом. Он с диким криком падает на пол. Судя по нелепо согнутой руке, его кость переломилась пополам.

Я хватаю девочку за руку и рывком помогаю ей встать.

— Ты цела?

Застегнув джинсы, она пристально смотрит на меня.

— Черт возьми, а *вы*-то кто?

— Об этом потом. А сейчас — уходим! — рявкаю я.

— Как вам это удалось? Как вы одолели их так быстро?

— Хочешь научиться?

— Да!

Я смотрю, как двое мужчин корчатся и стонут у наших ног.

— Итак, первый урок: умей вовремя убежать. — Я подталкиваю ее к двери. — Сейчас как раз пора.

Я наблюдаю за тем, как она ест. Она худенькая девочка, но аппетит у нее волчий — она уничтожает три куриных тако, целое море пережаренной фасоли и большой стакан колы. Ей хотелось именно мексиканской еды, поэтому мы сидим в кафе, где звучит музыка мариачи, а стены украшены пестрыми картинками с изображением танцующих сеньорит. Пусть лицо у девочки китайское, однако она совершеннейшая американка — от короткой стрижки до потертых джинсов. Это грубое, одичавшее существо, причмокивая, тянет через соломинку последние глотки колы,

а потом шумно хлюпает, пытаясь собрать остатки напитка с кубиков льда.

Я начинаю сомневаться в разумности своего предприятия. Девочка уже слишком взрослая для обучения и слишком необузданная — такая вряд ли освоит дисциплину. Стоит отпустить ее назад, на улицы, если именно туда ей хочется вернуться, и пойти по другому пути. Но потом я замечаю шрамы на костяшках ее пальцев и вспоминаю, как близка она была к тому, чтобы в одиночку одолеть двоих мужчин. У нее есть талант, и она бесстрашна, а этим двум вещам невозможно обучить.

— Ты помнишь меня? — спрашиваю я.

Отставив стакан, девочка хмурит брови. Мне кажется, что в ее глазах мелькает осознание, но потом эта искра исчезает. Она качает головой.

— Это было давно, — подсказываю я. — Двенадцать лет назад. — Целая вечность для такой юной девушки. — Тогда ты была еще маленькая.

Она пожимает плечами.

— Неудивительно, что я вас не помню.

Девочка лезет в карман куртки, вытаскивает сигарету и начинает прикуривать.

— Ты оскверняешь организм.

— Это же мой организм, — возражает она.

— Только не в том случае, если ты хочешь тренироваться. — Протянув над столом руку, я выхватываю сигарету у нее изо рта. — Если у тебя есть желание учиться, нужно меняться. Необходимо проявлять уважение.

— Вы прямо как моя мама, — фыркает она.

— Я была знакома с твоей мамой. В Бостоне.

— Ну так она умерла.

— Я знаю. Она написала мне месяц назад. Сообщила, что больна и что ей осталось недолго. Поэтому я здесь.

Я удивляюсь, увидев, как в глазах девочки заблестели слезы. Она быстро отворачивается, словно ей стыдно демонстрировать слабость. Но в это мгновение уязвимости, до того как она отводит глаза, мне на ум приходит мысль о собственной дочери, утраченной в еще более юном

возрасте, чем эта девочка. Слезы обжигают мои глаза, но я не пытаюсь прятать их. Печаль сделала меня другим человеком. Стала очищающим пламенем, пробудившим мою решимость и закалившим мои намерения.

Эта девочка необходима мне. Да и она, конечно же, во мне нуждается.

— Мне пришлось искать тебя несколько недель, — говорю я.

— Приемная семья меня достала. Одной мне гораздо лучше.

— Если бы тебя сейчас увидела твоя мама, она очень огорчилась бы.

— У нее никогда не было времени для меня.

— Может, потому, что она работала на двух работах, пытаясь прокормить тебя? Ведь в этом вопросе она могла рассчитывать только на себя.

— Никто не считался с ней. Я ни разу не видела, чтобы она защищала свои интересы. Она и меня-то не защищала.

— Она была напугана.

— Она была слабохарактерной.

Я наклоняюсь вперед, придя в бешенство из-за этой неблагодарной мерзавки.

— Ты даже вообразить не можешь, как сильно страдала твоя бедная мать. Она все для тебя делала.

Я с отвращением швыряю девчонке ее сигарету. Нет, раньше она представлялась мне совсем иной. Пусть она сильна и бесстрашна, но эта девочка больше не испытывает чувства долга по отношению к покойным отцу и матери, не знает, что такое честь семьи. Без связи с предками мы не более чем несомые ветром, бесцельно блуждающие пылинки, ни к кому и ни к чему не прикрепленные.

Я поднимаюсь, оплатив счет за ее ужин.

— Надеюсь, что в один прекрасный день у тебя достанет мудрости понять, чем твоя мать пожертвовала ради тебя.

— Вы уходите?

— Мне нечему учить тебя.

— А с чего вы вообще решили меня обучать? Зачем вы стали искать меня?

— У меня была надежда, что ты другая. Что я смогу обучить тебя. А ты поможешь мне.

— Помогу сделать — что?

Я не знаю, как ответить на ее вопрос. Некоторое время мы молчим, слушая лишь неприятные металлические звуки мариачи, которые льются из ресторанных динамиков.

— Ты помнишь своего отца? — спрашиваю я. — Помнишь, что с ним случилось?

Девочка изумленно смотрит на меня.

— Так вот в чем дело, правильно? Поэтому вы и приехали искать меня. Потому что мама написала вам о нем.

— Твой отец был хорошим человеком. Он любил тебя, а ты позоришь его. Позоришь обоих родителей. — Я кладу перед ней стопку банкнот. — Это в память о них. Прекрати шататься по улицам и возвращайся в школу. По крайней мере там тебе не придется отбиваться от незнакомых мужчин. — Я поворачиваюсь и выхожу из ресторана.

Через несколько секунд она тоже появляется в дверях и бежит за мной.

— Подождите! — кричит она. — Куда же вы?

— Домой, в Бостон.

— Я помню вас. И, по-моему, знаю, чего вы хотите.

Остановившись, я оборачиваюсь к ней.

— Этого же должна хотеть и ты.

Я окидываю девочку взглядом с головы до ног и вижу костлявые плечики и узкие бедра, на которых едва держатся ее синие джинсы.

— Дело не в том, что нужно делать, — продолжаю я, — а в том, кем ты должна быть.

Я медленно приближаюсь к девочке. До этого момента у нее не было причин опасаться меня, да и кого ей было бояться. Я всего-навсего

женщина. Однако то, что она сейчас видит в моих глазах, заставляет девочку отступить назад.

— Боишься? — тихо спрашиваю я.

— Нет. Не боюсь, — с глупой хвастливостью отвечает она, вздернув подбородок.

— А должна бы.

2

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Мое имя — доктор Маура Айлз. Фамилия пишется так: А-Й-Л-З. Я патологоанатом, работаю в бюро судмедэкспертизы штата Массачусетс.

— Доктор Айлз, расскажите, пожалуйста, суду о своем образовании и профессиональном опыте, — попросила помощница прокурора округа Саффолк Кармела Агилар.

Отвечая на просьбу, Маура не сводила глаз с помощницы окружного прокурора. Сосредоточиться на бесстрастном лице Агилар было гораздо проще, чем ловить недобрые взгляды обвиняемого и нескольких десятков его сторонников, собравшихся в зале суда. Похоже, Агилар не замечала, что ее доводы по делу публика принимает в штыки, а может, это просто ее не заботило. Однако Маура очень остро ощущала настроение публики, ведь большая часть ее состояла из служителей закона и их друзей. А им уж точно не понравится то, что она собирается сказать.

Обвиняемым был сотрудник Бостонского полицейского управления Уэйн Брайан Графф, широкоплечий человек с квадратным подбородком — этакое воплощение всеамериканского героя. Публика в зале сочувствовала Граффу, а вовсе не жертве — побитому и поломанному мужчине, полгода назад оказавшемуся у Мауры на секционном столе. Мужчине, которого никто не оплакивал, чье тело никто не забрал. За два часа до гибели этот человек совершил смертный грех — он стрелял в полицейского и убил его.

Приступая к рассказу о своей биографии, Маура чувствовала, что взгляды собравшихся в зале суда прожигают ей лицо, точно горячие лазерные лучи.

— Я закончила Стэнфордский университет со степенью бакалавра антропологии, — сообщила она. — Свой медицинский диплом я получила в Калифорнийском университете в Сан-Франциско, а затем в том же учебном заведении окончила пятилетнюю резидентуру по патологии. Я сертифицированный специалист по патологической анатомии и клинической патологии. После резидентуры я окончила двухгодичную аспирантуру по специальности судебная патологоанатомия в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

— И вы сертифицированный специалист в своей области?

— Да, мэм. В общей и судебной патологии.

— А где вы работали, прежде чем поступили в бостонское бюро судмедэкспертизы?

— Я семь лет служила патологом в бюро судмедэкспертизы города Сан-Франциско, штат Калифорния. И владею лицензиями на медицинскую практику в Массачусетсе и Калифорнии.

Маура рассказала даже больше, чем ее просили, и теперь заметила, как нахмурилась Агилар — доктор Айлз нарушила запланированную череду вопросов. Маура неоднократно излагала эти сведения в суде и прекрасно знала, о чем именно ее будут спрашивать, потому ответы вылетали из ее рта почти автоматически. Где она училась, что от нее требует работа и достаточно ли она компетентна, чтобы свидетельствовать по конкретному делу.

Наконец-то Агилар покончила с формальностями и перешла к деталям.

— Проводили ли вы в октябре прошлого года вскрытие тела, принадлежавшего человеку по имени Фабиан Диксон?

— Да, — ответила Маура. Ответ вполне прозаичный, однако она тут же почувствовала, как возросло напряжение в зале суда.

— Расскажите нам, как вышло, что господин Диксон оказался в бюро судмедэкспертизы.

Взгляд Агилар был сосредоточен на Мауре — она словно говорила: «Не обращайте внимания на тех, кто сидит в зале. Смотрите только на меня и излагайте факты».

Маура выпрямилась и начала говорить — достаточно громко, чтобы ее слышали все собравшиеся.

— Покойника — двадцатичетырехлетнего мужчину — обнаружили на заднем сиденье патрульной машины Бостонского ПУ. Это случилось спустя приблизительно двадцать минут после его ареста. На машине «скорой помощи» его перевезли в Массачусетскую общую больницу, а после прибытия в отделении экстренной помощи констатировали смерть.

— И поэтому он попал в бюро судмедэкспертизы?

— Да, поэтому. Впоследствии его перевезли в наш морг.

— Опишите суду, как выглядел господин Диксон, когда вы впервые его увидели.

Маура обратила внимание на то, что Агилар назвала мертвеца по имени, а не «телом» или «покойным». Таким образом она напомнила суду, что жертва была человеком. У него были имя, лицо и собственная жизнь.

Доктор Айлз последовала ее примеру.

— Господин Диксон был хорошо развитым мужчиной среднего роста и веса, прибывшим в наше учреждение в одних лишь хлопчатобумажных трусах и носках. Прочую одежду сняли ранее, во время попыток реанимации в отделении неотложной помощи. На его груди по-прежнему были закреплены электроды ЭКГ, в левой руке остался внутривенный катетер… — Она умолкла. Вот теперь Маура действительно испытывала неудобство. Она старалась не смотреть на собравшуюся публику и обвиняемого, но прекрасно знала, что их глаза направлены на нее.

— А состояние его тела? Не могли бы вы описать его нам? — потребовала ответа Агилар.

— Множественные кровоподтеки на груди, левом боку и верхней части живота. Веки на обоих глазах вспухли, на губах и коже головы были рваные раны. Не хватало двух зубов — передних верхних резцов.

— Протестую! — Адвокат защиты поднялся со своего места. — Невозможно узнать, когда он потерял эти зубы. Возможно, их не было уже давно.

— Один зуб отобразился на рентгене. В желудке, — возразила Маура.

— Свидетель должен воздержаться от комментариев до моего приказа, — суровым голосом произнес судья. Он посмотрел на адвоката защиты. — Протест отклоняется. Продолжайте, госпожа Агилар.

Помощница окружного прокурора кивнула, ее губы изогнулись в улыбке, и она снова сосредоточилась на Мауре.

— Итак, господин Диксон был серьезно избит, на нем были рваные раны и по крайней мере один из его зубов был выбит совсем недавно.

— Да, — ответила Маура. — Это видно на фотографиях из морга.

— Если суд не возражает, мы хотели бы сейчас показать эти фотографии, — объявила Агилар. — Я должна предупредить публику, что смотреть на них неприятно. Если кто-либо из присутствующих в зале суда предпочел бы не смотреть на них, я рекомендовала бы им удалиться прямо сейчас. — Умолкнув, она оглядела помещение.

Из зала никто не вышел.

Когда на экране возник первый слайд с изображением избитого тела Фабиана Диксона, в зале раздались едва слышные вздохи. Маура не стала расписывать кровоподтеки Диксона во всех подробностях, потому что знала: фотографии расскажут о них куда лучше. Изображения нельзя обвинить во лжи или в том, что они заняли чью-либо сторону. Правда, представленная на этом снимке, была очевидна каждому: прежде чем поместить Фабиана Диксона на заднее сиденье патрульной машины, его жестоко избили.

Прочие снимки сопровождались пояснениями Мауры, описывающей то, что она обнаружила при вскрытии. Множественные переломы ребер. Проглоченный зуб в желудке. Аспирированная кровь в легких. И причина смерти — разрыв селезенки, повлекший за собой обширное внутрибрюшное кровотечение.

— И каков же характер смерти господина Диксона, доктор Айлз? — спросила Агилар.

Это был ключевой вопрос, на который Маура страшилась ответить, потому что знала, какими будут последствия.

— Убийство, — вымолвила она.

Маура не обязана была указывать виновника. Она свела свой ответ к одному-единственному слову, но не удержалась и посмотрела на Уэйна Граффа. Обвиняемый сидел неподвижно, лицо его казалось непроницаемым, словно было выточено из гранита. Более десяти лет этот полицейский верой и правдой служил Бостону. С десяток свидетелей, дававших показания о его репутации, уверяли суд, что

полицейский Графф отважно приходил им на помощь. Он герой, утверждали свидетели, и Маура верила им.

Однако 31 октября, в тот вечер, когда Фабиан Диксон убил полицейского, Уэйн Графф и его напарник превратились в ангелов мщения. Они произвели арест, и в момент смерти Диксон был у них под стражей. «Задержанный был возбужден и агрессивен, как будто находился под действием фенилциклидина или крэка», — отметили они в официальном отчете. Полицейские описали безумное сопротивление Диксона, его нечеловеческую силу. Чтобы затолкать задержанного в патрульную машину, оба полицейских якобы вступили в настоящий рукопашный бой. «Его пришлось сдерживать силой, однако он словно не чувствовал боли. Во время борьбы он издавал стоны и животные звуки, а также пытался снять одежду, хотя в ту ночь было всего четыре градуса». Напарники чересчур точно описали хорошо известное состояние возбуждения и бреда, погубившее других заключенных-кокаинщиков.

Однако спустя несколько месяцев токсикологический анализ показал, что в организме Диксона присутствовал только алкоголь. С этого момента у Мауры не осталось сомнений, что задержанный умер насильственной смертью. И теперь один из убийц сидел за столом защиты и пристально глядел на доктора Айлз.

— У меня больше нет вопросов, — объявила Агилар. Она опустилась на свое место с уверенным видом, словно решила, что выступила успешно.

Адвокат Моррис Уэйли поднялся для проведения перекрестного допроса, и Маура почувствовала, как напряглись ее мышцы. Подходя к свидетельской трибуне, Уэйли казался вполне радушным, словно просто решил начать дружескую беседу. Если бы они встретились на каком-нибудь приеме, Маура сочла бы этого привлекательного мужчину в костюме от «Братьев Брукс»[1] приятным собеседником.

— Полагаю, все мы потрясены вашим профессиональным опытом, доктор Айлз, — сказал он. — А потому я не стану тратить время судебного заседания на обзор ваших научных достижений.

Маура ничего не ответила, она просто глядела в улыбающееся лицо адвоката и раздумывала: с какой же стороны последует нападение?

— Полагаю, никто из присутствующих в этом зале не усомнился в том, каким упорным трудом вы завоевали свое нынешнее положение, — продолжал Уэйли. — Особенно принимая во внимание, с какими сложностями за последние месяцы вам пришлось столкнуться в личной жизни.

— Протестую! — Испустив раздраженный вздох, Агилар поднялась со своего места. — Это не имеет отношения к делу.

— Имеет, ваша честь, — возразил Уэйли. — Это касается суждений свидетеля.

— Каким образом? — осведомился судья.

— Прошлый опыт может отразиться на том, как свидетель истолковывает доказательства.

— О каком опыте идет речь?

— Если вы позволите мне рассмотреть эту тему, все станет очевидно.

Судья пристально поглядел на Уэйли.

— В данную минуту я позволю задавать вопросы по этой теме. Но только в данную минуту.

Нахмурившись, Агилар снова села на свое место.

Уэйли опять сосредоточил внимание на Мауре.

— Доктор Айлз, вы случайно не помните дату посмертного обследования покойного?

Маура замерла, потрясенная тем, что адвокат так внезапно сменил тему, снова заговорив о вскрытии. От ее внимания не ускользнул тот факт, что он намеренно не назвал убитого по имени.

— Вы говорите о господине Диксоне? — спросила она и заметила, как в его глазах мелькнуло раздражение.

— Да.

— Дата вскрытия — первое ноября прошлого года.

— И вы установили причину смерти в тот самый день?

— Да. Как я говорила ранее, он умер от обширного внутреннего кровоизлияния, последовавшего за разрывом селезенки.

— А характер смерти вы указали в тот же самый день?

Маура помедлила.

— Нет. Во всяком случае неокончательно…

— А почему?

Маура сделала глубокий вдох, ощущая, что все взгляды обращены на нее.

— Я хотела дождаться результатов токсикологического скрининга и понять, действительно ли господин Диксон находился под влиянием кокаина или иных препаратов. Хотела проявить осторожность.

— И должны были ее проявить. Ведь ваше решение способно разрушить карьеру и даже жизни двух преданных своему делу блюстителей порядка.

— Я занимаюсь лишь фактами, господин Уэйли, к каким бы заключениям они ни приводили.

Ответ адвокату не понравился — Маура поняла это по тому, как дернулась мышца на его подбородке. Остатки его видимого радушия испарились: теперь началась битва.

— Итак, вы провели вскрытие первого ноября, — продолжил он.

— Да.

— А что произошло после этого?

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Отправились ли вы куда-то на выходные? И проводили ли другие вскрытия в течение последующей недели?

Маура пристально посмотрела на адвоката. Тревога змеей извивалась где-то внутри, в животе. Она не знала, куда клонит Уэйли, но это в любом случае ей не нравилось.

— Я поехала на патологоанатомическую конференцию, — ответила Маура.

— В Вайоминг, я полагаю.

— Да.

— И там произошла история, которая травмировала вас. На вас напал мерзавец в полицейском мундире.

Агилар вскочила на ноги.

— Протестую! Это не имеет отношения к делу!

— Протест отклоняется, — ответил судья.

Уэйли улыбнулся — теперь путь был свободен, и он мог задавать вопросы, которые пугали Мауру.

— Верно ли это, доктор Айлз? На вас напал полицейский?

— Да, — прошептала она.

— Боюсь, я не расслышал ваш ответ.

— Да, — повторила Маура громче.

— И как же вам удалось выжить?

Зал погрузился в гробовое молчание — все ждали ее рассказа. А Маура не хотела даже вспоминать об истории, из-за которой ей по-прежнему снились кошмары. В ее памяти всплыл тот одинокий холм в штате Вайоминг. Маура припомнила, как хлопнула дверь машины заместителя шерифа и как она оказалась на заднем сиденье, за прутьями решетки, словно задержанная. Вспомнила ужас, охвативший ее, когда она тщетно барабанила в окно в попытке сбежать от человека, который — и Маура это знала — собирался убить ее.

— Доктор Айлз, как вам удалось выжить? Кто пришел к вам на помощь?

Маура нервно сглотнула.

— Мальчик.

— Шестнадцатилетний Джулиан Перкинс, я полагаю. Юноша, выстреливший в полицейского и убивший его.

— У Джулиана не было выбора!

Уэйли вскинул голову.

— Вы защищаете паренька, который убил полицейского?

— *Нехорошего* полицейского!

— А потом вы вернулись в Бостон и объявили, что господина Диксона убили.

— Потому что его действительно убили.

— А может, это просто несчастный случай? Неизбежное следствие ситуации, когда разъярившийся задержанный оказывает сопротивление, и его необходимо смирить?

— Вы сами видели фотографии из морга. Полиция применила куда больше силы, чем это было необходимо.

— Но ведь Джулиан Перкинс, паренек из Вайоминга, поступил точно так же. Он застрелил заместителя шерифа. Вы считаете такое проявление силы позволительным?

— Протестую! — воскликнула Агилар. — Доктор Айлз не состоит под судом.

Уэйли продолжал напирать — не сводя глаз с Мауры, он задал очередной вопрос.

— Что же случилось в Вайоминге, доктор Айлз? Может, когда вы боролись за свою жизнь, вас настигло прозрение? Вы вдруг поняли, что полиция — враг?

— Протестую!

— А может, полиция всегда была врагом? Кажется, некоторые члены вашей семьи именно так и считали.

Молоток судьи ударил по столу.

— Господин Уэйли, вы отправляетесь на свое место — *немедленно*.

Пока адвокат и помощница окружного прокурора совещались с судьей, потрясенная Маура опустилась на свое место. Значит, вот до чего дошло дело — начали ворошить историю ее семьи. Вероятно, любой бостонский полицейский знает, что ее мать Амальтея отбывает пожизненный срок в женской тюрьме во Фрэмингэме. Это чудовище, давшее мне жизнь, пронеслось в голове у Мауры. Смотрящие на меня люди наверняка задаются вопросом: а может, в мою кровь проникло то же самое зло? Маура заметила, что на нее неотрывно глядит обвиняемый, полицейский Графф. Их глаза встретились, и губы подсудимого изогнула улыбка. «А вот и последствия, — прочитала Маура в глазах подсудимого. — Вот что бывает, если предашь блюстителей порядка».

— Суд удаляется на перерыв, — объявил судья. — Мы возобновим заседание в два часа.

Присяжные гуськом вышли из зала, а Маура тяжело откинулась на спинку стула и не заметила, что рядом с ней стоит Агилар.

— Это грязная игра, — проговорила помощница прокурора. — Такое нельзя было допускать.

— Он все свалил на меня, — отозвалась Маура.

— Да, но ведь ему больше нечем было крыть. Потому что фотографии со вскрытия выглядели чертовски убедительно. — Агилар пристально посмотрела на Мауру. — Может быть, мне следует знать о вас что-нибудь еще, доктор Айлз?

— Кроме того, что моя мать осуждена за убийства, а я сама с удовольствием истязаю котят?

— Мне не до смеха.

— Вы же сами сказали. В этом деле подсудимая — не я.

— Нет, но они постараются сделать вас центром внимания. Станут рассуждать, действительно ли вы ненавидите копов и есть ли у вас скрытые мотивы. Мы можем проиграть это дело, если коллегия присяжных решит, что вы были недостаточно честны. Поэтому расскажите мне, могут ли они завести речь еще о чем-нибудь. Выложите мне все секреты, о которых умолчали.

Маура подумала о личных сложностях, скрытых от посторонних глаз. О недозволенной любовной связи, которую порвала совсем недавно. О семейной истории насилия.

— У всех есть свои секреты, — проговорила она. — Мои к делу не относятся.

— Будем на это надеяться, — ответила Агилар.

3

Куда ни кинь взгляд в бостонском китайском квартале — везде таятся привидения. Они обитают в тихом квартале Тайтун-Виллидж и на пестрой Береговой улице, парят над аллеей Пинъань и носятся над темным переулком за Оксфордской площадью. В этих местах повсюду скрывались д***у***хи. Во всяком случае, такова была версия экскурсовода Билли Фу, и он от нее не отступал. Вряд ли имело значение, верил он сам в привидения или нет, его задачей было убедить туристов, что на этих улицах обитают д***у***хи. Людям хотелось верить в привидения, поэтому многие с радостью платили по пятнадцать баксов с носа, а потом,

поеживаясь от ужаса, стояли на пересечении Береговой улицы и Оксфордской площади и слушали, как Билли рассказывает о кровавых убийствах. Сегодня целых тринадцать туристов записались на вечернюю экскурсию «Привидения Чайна-тауна», в их число попали также шкодливые десятилетние близнецы, которых нужно было уложить спать еще три часа назад. Однако когда ты нуждаешься в деньгах, не станешь отвергать никого, даже непослушных мальчишек, за которых тебе заплатят. Билли учился на факультете театрального искусства, и надежд на постоянную работу у него пока не было, однако сегодняшний улов составил целых 195 долларов плюс чаевые. Очень неплохая сумма за двухчасовой пересказ небылиц, даже если для этого приходится унижаться, нацепив атласное одеяние мандарина и накладную косичку.

Билли откашлялся и воздел руки к небу, словно стараясь призвать все умения, которые получил за шесть семестров на театральном, и таким образом завладеть вниманием своих зрителей.

— Тысяча девятьсот седьмой год! Жаркий вечер. Пятница, второе августа. — Его низкий зловещий голос заглушал отвлекающие уличные шумы. Словно Смерть, избравшая очередную жертву, Билли указал на противоположную сторону улицы. — Там, на площади, которая носит название Оксфордская, бьется сердце бостонского китайского квартала. Пойдемте со мной, и вы попадете в те времена, когда здешние улицы кишели иммигрантами. В душный вечер, пахнувший разгоряченными телами и неведомыми специями. Давайте перенесемся в тот вечер, когда в воздухе чувствовалось убийство!

Эффектно взмахнув рукой, он предложил группе следовать за ним к Оксфордской площади. Там туристы столпились вокруг своего экскурсовода, приготовившись слушать. Поглядев на то, какое внимательное выражение приобрели их лица, Билли решил: а сейчас пора очаровать их — заворожить так, как может заворожить лишь прекрасный актер. Он раскинул руки — рукава его одеяния затрепетали, словно атласные крылья, — сделал глубокий вздох и собрался заговорить.

— Ма-а-а-ам-мааа! — взвыл один из мальчишек. — Он дерется!

— Майкл, прекрати! — рявкнула мать. — Прекрати сию же минуту.

— А я ничего не делал!

— Ты донимаешь брата.

— Это он меня донимает.

— Может, вы хотите вернуться в гостиницу, мальчики? *Хотите?*

О боже, подумал Билли, хоть бы уж вы вернулись в гостиницу. Но братья продолжали стоять — сложив руки на груди и сердито поглядывая друг на друга, они отказывались воспринимать его истории.

— Как я уже говорил… — попробовал продолжить Билли, но заминка сбила его с толку. Ему даже показалось, что он услышал, как — пуффф! — эффектное напряжение улетучилось, словно воздух из проколотого шарика. Билли взял себя в руки и снова заговорил: — Стоял душный августовский вечер. На эту площадь после долгого трудового дня из прачечных и продуктовых магазинов толпой вывалили отдыхать китаезы. — Билли ненавидел слово «китаезы», но все равно заставил себя произнести его, чтобы нагляднее представить эпоху, когда газеты то и дело писали о «коварных и зловещих азиатах». Когда даже журнал «Тайм» считал уместным следующее описание: «Злоба — слабая полуулыбка на желтых, точно телеграфные бланки, лицах». В ту пору Билли Фу, американец китайского происхождения, мог бы стать лишь прачечником, поваром или чернорабочим.

— Здесь, на этой площади, вот-вот разразится сражение, — проговорил Билли. — Сражение двух враждебных китайских кланов, Аньлян и Хипсин. Схватка, которая обагрит это место кровью… Кто-то пускает шутиху. И вдруг площадь взрывается орудийным огнем! Напуганные китаезы толпами убегают прочь. Однако некоторые не в силах двигаться так быстро, и, когда выстрелы стихают, оказывается, что пять человек погибли или лежат при смерти. Они — всего-навсего новые жертвы печально известных кровавых войн между тонгами[2]…

— Мамочка, а мы можем уйти прямо сейчас?

— Тс-с-с! Слушай, что рассказывает дядя.

— Но он такой ску-у-учный.

Билли умолк — руки чесались схватить этого маленького сопляка за горло. Он смерил гаденыша ядовитым взглядом. На мальчишку это не произвело никакого впечатления — он лишь пожал плечами.

— В туманные вечера, вроде нынешнего, — сквозь зубы продолжал Билли, — порой можно услышать отдаленные взрывы таких шутих. Увидеть призрачные фигуры, пролетающие мимо в смертельном ужасе, — они по-прежнему стремятся укрыться от пуль, выпущенных в тот вечер! — Билли повернулся и взмахнул рукой. — А сейчас давайте отправимся на противоположную сторону Береговой улицы. К очередному обиталищу призраков.

— Мама. Мамочка!

Не обращая внимания на маленького засранца, Билли перевел группу через дорогу. «Улыбайся, продолжай болтать, — мысленно велел он себе. — От этого зависят твои чаевые». Ему нужно было продержаться всего-навсего час. Сначала они отправятся на улицу Наппа, а затем остановятся на улице Тайлера, возле игорного дома, где в девяносто первом убили пятерых мужчин. В китайском квартале хватало мест преступлений.

Билли повел группу по улице Наппа. Она скорее походила на узкий проулок, почти безлюдный и плохо освещенный. Когда огни и оживленное движение Береговой улицы остались позади, температура воздуха словно бы резко упала. Билли поежился и плотнее запахнул свой атласный халат. Он и раньше замечал тревожную смену климата, двигаясь по этому участку Наппа. Здесь ему становилось зябко даже теплыми летними вечерами, словно холод, давно поселившийся в этом переулке, не собирался рассеиваться. Похоже, туристы тоже заметили это — Билли слышал, как они застегивают куртки, видел, что они достают из карманов перчатки. Группа притихла, и слышалось только эхо их шагов, отражавшееся от зданий, что возвышались по обе стороны. Даже маленькие шкодники хранили молчание, словно ощутили перемену атмосферы. Здесь сохранилось нечто, поглощающее любой смех и любую радость.

Билли остановился возле заброшенного здания, вход в которое перекрывала запертая решетчатая дверь; окна первого этажа защищали железные прутья. Ржавая пожарная лестница карабкалась вверх — к третьему и четвертому этажам; там все окна были накрепко заколочены, словно должны были удержать внутри какого-то неизвестного пленника. Группа сбилась в тесную кучку, пытаясь согреться. А может, помимо холода, туристы чувствовали здесь присутствие чего-то еще, того, что заставило их сжаться тесным кружком, ища друг у друга защиты?

— Добро пожаловать на место одного из самых жутких преступлений в Чайна-тауне, — начал Билли. — Вывеска с этого здания исчезла, но девятнадцать лет назад за окнами, которые теперь зарешечены, находился небольшой китайский ресторанчик «Красный феникс», где подавали блюда из морепродуктов. Заведение было скромным — внутри помещалось всего восемь столов, — но славилось свежими моллюсками. Это случилось поздним вечером тридцатого марта, в сырую и холодную погоду. Тем вечером даже обыкновенно шумные улицы китайского квартала казались до странности тихими. В «Красном фениксе» работали всего двое — официант, Джимми Фан, и повар, нелегальный иммигрант из Китая по имени У Вэйминь. Тем вечером в ресторан пожаловали трое гостей, и этот вечер стал последним в их жизни.

Потому что на кухне творилось что-то недоброе. Мы никогда не узнаем, почему у повара вдруг изменилось настроение и он впал в ярость. Возможно, виной тому долгие часы тяжелой работы. А может, он горевал из-за того, что был чужаком в незнакомой стране.

Билли немного помолчал. Его голос понизился до жутковатого шепота.

— Или же им овладела какая-то потусторонняя сила, некое зло взяло над ним верх. Оно заставило его вытащить пистолет и ворваться в зал. Зло по-прежнему обитает здесь, на этой темной улице. Нам известно лишь то, что повар прицелился и… — Билли осекся.

— И — что? — с тревогой спросил кто-то.

Однако Билли неотрывно смотрел вверх, не обращая внимания на вопрос. Его взгляд был устремлен на крышу — он готов был поклясться: там что-то двигалось. Что-то черное скользнуло во тьме, словно в небе взмахнуло крыло гигантской птицы. Билли напрягся, силясь снова разглядеть это крыло, но так ничего и не увидел, кроме прижавшегося к стене скелетообразного очертания пожарной лестницы.

— И что случилось потом? — потребовал ответа один из мальчишек.

Билли осмотрел лица всех тринадцати туристов, которые выжидательно глядели на своего экскурсовода, и попытался вспомнить, на чем он закончил. Однако он был слишком взволнован тем, что увидел в небе. Ему вдруг страшно захотелось бежать из этого темного переулка, оказаться как можно дальше от жуткого здания. До того захотелось, что лишь невероятным усилием воли Билли заставил себя устоять на месте и не помчаться прочь — к Береговой улице. К ее огням. Сделав глубокий вдох, он выпалил:

— Повар застрелил их. Застрелил всех. А потом убил себя.

С этими словами Билли отвернулся и махнул рукой, быстро увлекая туристов подальше от этого загубленного здания и живущих в нем отголосков ужаса. До авеню Гаррисона оставалось всего несколько домов, его огни и шум машин неодолимо манили к себе. Там обитают живые, а не мертвые. Билли шагал так быстро, что группа отставала от него, однако ему не удавалось отделаться от ощущения опасности, которая, казалось, подбиралась к ним все ближе и ближе. Его преследовало чувство, что за группой кто-то наблюдает. Что кто-то наблюдает за ним самим.

Пронзительный женский крик заставил его резко обернуться. В груди у Билли шумно заколотилось сердце. И тут группа разразилась громким хохотом, а один из мужчин сказал:

— Эй, отличный реквизит! Вы его на всех экскурсиях используете?

— Что? — не понял Билли.

— Да мы испугались до ужаса! Черт, она совсем как настоящая.

— Я не понимаю, о чем вы, — ответил Билли.

Мужчина указал на предмет, который, по его мнению, был неотъемлемой частью представления.

— Эй, малыш, покажи, что ты нашел.

— Я нашел ее там, возле мусорного контейнера, — заявил один из шкодников, демонстрируя всем свою находку. — Фу-у-у! Она даже на ощупь как настоящая. Гадость!

Приблизившись на несколько шагов к мальчику, Билли вдруг понял, что не в силах пошевелиться, не может произнести ни слова. Он замер, уставившись на предмет, который ребенок держал в руках. Билли видел, как черные капельки, падая вниз, оставляют пятна на куртке мальчика, но тот, похоже, не замечал этого.

Первой закричала мать ребенка. Затем к ней присоединились остальные — завопили, шарахаясь в разные стороны. Озадаченный мальчишка просто стоял на месте и держал свою добычу, а кровь все капала и капала ему на рукав.

4

— Я только в субботу там ужинал, — сообщил детектив Барри Фрост, когда они ехали в сторону китайского квартала. — Водил Лиз на балет в Театр Ван. Она любит балет, а я в него вообще не врубаюсь. Взял и заснул на середине. Потом мы прогулялись до ресторана «Восточный город у океана» и поужинали там.

Было два часа ночи — поздновато для такой дурацкой болтовни, однако детектив Джейн Риццоли была сосредоточена на дороге, и потому ее напарник продолжал чесать языком. Уличные фонари казались ей слишком яркими, а свет, исходивший от фар встречных машин, бил по сетчатке усталых глаз. Всего час назад она лежала в постели рядом с мужем, закутавшись в теплое одеяло, теперь же, пытаясь стряхнуть сон, вела машину по улицам с необъяснимо медленным движением, а ведь в

такое время всем нормальным гражданам полагается разойтись по домам и лечь спать.

— Ты бывала там? — поинтересовался Фрост.

— Где?

— В «Восточном городе у океана». Лиз заказала эти отличные моллюски с чесноком и соусом из черных бобов. Стоит подумать о них — сразу есть охота. Мне не терпится снова поужинать там.

— А кто такая Лиз? — спросила Джейн.

— Я рассказывал тебе о ней на прошлой неделе. Мы познакомились в фитнес-клубе.

— Я думала, ты встречаешься с какой-то Маффи.

— Мэгги. — Барри пожал плечами. — С ней ничего не вышло.

— Как и с той, что была до нее. Не помню ее имени.

— Слушай, я никак не могу понять, что именно ищу в женщине, понимаешь? Да я уже вообще не помню, как это — быть холостым. Черт, мне и в голову не приходило, что вокруг столько свободных девчонок.

— Женщин.

Барри вздохнул.

— Да, верно. Элис всегда вбивала это мне в голову. В наши времена следует говорить «женщин».

Затормозив на красный свет, Джейн повернулась к напарнику.

— И часто вы теперь разговариваете с Элис?

— А о чем нам разговаривать?

— Может, о десяти годах брака?

Он посмотрел в окно, но, похоже, ничего там не увидел.

— Больше говорить не о чем. У нее другая жизнь.

А у Фроста — прежняя, решила Джейн. Его жена Элис уехала из дома восемь месяцев назад. И с тех пор Джейн вынуждена слушать истории об исступленных, но безрадостных похождениях Фроста и его женщин.

Среди них была пышногрудая блондинка, сообщившая Барри, что не носит нижнего белья. До ужаса спортивная библиотекарша с замусоленной «Камасутрой». Моложавая квакерша, напоившая его до полусмерти. В рассказах Фроста сквозили изумление и недоумение, но чаще всего в глазах напарника Джейн замечала грусть. Барри никак нельзя было назвать плохой кандидатурой. Он был строен, спортивен и по-хорошему привлекателен, так что должен был знакомиться куда легче, чем это у него получалось.

«Однако он все еще скучает по Элис», — поняла Джейн.

Они свернули на Береговую улицу, направляясь в самый центр китайского квартала, и чуть было не ослепли от проблесковых маячков, мигавших на крыше патрульной машины Бостонского ПУ. Джейн затормозила позади автомобиля, и напарники вышли на улицу, в промозглую весеннюю ночь. Несмотря на поздний час, на тротуаре собралось несколько зевак. Джейн уловила бормотание на английском и китайском языках. Без сомнения, люди задавали извечный вопрос: «Кто-нибудь знает, что происходит?»

Пройдя по улице Наппа, Джейн и Фрост нырнули под ленту полицейского оцепления и оказались рядом с охранявшим территорию патрульным.

— Детективы Риццоли и Фрост, отдел убийств, — объявила Джейн.

Полицейский был немногословен.

— Вам туда, — произнес он, указывая чуть дальше, на мусорный контейнер, возле которого стоял еще один охранник.

Когда Риццоли и Фрост подошли поближе, Джейн поняла: полицейский охраняет не контейнер, а то, что лежит на мостовой. Она остановилась, неотрывно глядя на отрубленную кисть правой руки.

— Ничего себе! — пробормотал Фрост.

— Я сказал то же самое, — рассмеялся полицейский.

— Кто ее обнаружил?

— Народ, который пришел на экскурсию «Привидения Чайна-тауна». Какой-то ребенок из группы поднял ее по дороге, решив, что она ненастоящая. Но рука была настолько свежей, что с нее все еще капала кровь. Как только мальчишка понял, что она настоящая, он сразу же бросил ее вот здесь. Похоже, *такого* на экскурсии никто не ожидал.

— А где теперь все эти туристы?

— Они, конечно, психанули. И потребовали разрешения вернуться в свои гостиницы, но у меня есть их имена и контактная информация. Экскурсовод — какой-то здешний китайский паренек — сказал, что с радостью поговорит с вами в любое удобное время. Кроме руки, никто ничего не видел. Они позвонили по девять-один-один, а диспетчер решила, что ее разыгрывают. Мы тоже не сразу приехали — пришлось задержаться в Чарлзтауне, чтобы разобраться с тамошним хулиганьем.

Джейн опустилась на корточки и осветила руку фонариком. Конечность ампутировали на удивление аккуратно — срез покрылся корочкой засохшей крови. Похоже, рука была женской, с бледными узкими пальцами и поразительно изящным маникюром. Колец на ней не было, часов — тоже.

— Она так и лежала здесь, на земле?

— Да. Такое свежее мясо крысы наверняка тут же учуяли бы.

— Но я не вижу их следов. Значит, она лежала недолго.

— А, я еще кое-что нашел. — Полицейский направил луч фонарика чуть в сторону и осветил тускло-серый предмет, лежавший в нескольких метрах от них.

Фрост приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть.

— Это «Хеклер и Кох». Дорогущий, — сообщил он и поглядел на Джейн. — С глушителем.

— Никто из туристов не трогал оружие? — спросила Джейн.

— Никто к нему не прикасался, — доложил полицейский. — Они его не видели.

— Итак, мы имеем пистолет с глушителем и недавно отрубленную руку, — подытожила Джейн. — Кто ставит на то, что между ними есть связь?

— Отличная штука, — проговорил Фрост, все еще восхищенно разглядывая оружие. — Не верится, чтобы кто-то просто так бросил его здесь.

Выпрямившись, Джейн поглядела на мусорный контейнер.

— Вы искали там остальные части тела?

— Нет, мэм. Я решил, что отрезанной руки вполне достаточно, чтобы тут же вызвать вас, ребята. Не хотел ни до чего без вас дотрагиваться.

Джейн вынула из кармана латексные перчатки. Натягивая их на руки, она почувствовала, как в предвкушении страшных находок ухает ее сердце. Вместе с Фростом они подняли крышку, и в нос им ударила вырвавшаяся из контейнера вонь гниющих морепродуктов. Борясь с тошнотой, Джейн посмотрела внутрь, на смятые картонные коробки и пухлый мусорный мешок. Напарники переглянулись.

— Справишься? — спросил Фрост.

Джейн сунула руку в контейнер, дернула за край мешка и тут же поняла, что трупа там нет. Мешок не был тяжелым. Морщась от запаха, Риццоли развязала его, заглянула внутрь и увидела панцири креветок и крабов.

Напарники отступили назад. Крышка контейнера, гулко звякнув, захлопнулась.

— Никого? — поинтересовался полицейский.

— Там — никого. — Джейн бросила взгляд на отрубленную руку. — Где же теперь ее тело?

— Может, кто-нибудь разбрасывает куски по всему кварталу? — предположил Фрост.

Полицейский рассмеялся.

— А может, ее потушили в одном из здешних китайских ресторанов и подали с овощами?

Джейн поглядела на Фроста.

— Хорошо, что ты заказывал моллюски.

— Мы уже прогулялись по округе, — сообщил патрульный. — Но ничего не нашли.

— И все-таки, я думаю, нам тоже стоит пройтись по этим улицам, — заметила Джейн.

Напарники медленно двинулись по улице Наппа, прорезая тьму лучами своих фонариков. Они видели бутылочные осколки, клочки бумаги, окурки. Но частей тела так и не нашли. В зданиях, возвышавшихся по обе стороны улицы, окна были темными, но Джейн задумалась: а вдруг кто-то следит за ними из этих неосвещенных комнат и видит, как они

продвигаются по тихому проулку? Подобную проверку нужно будет провести снова, при свете дня, но Джейн не хотелось упускать улик, особенно тех, на которые могло повлиять время. Поэтому они с Фростом медленно шли по переулку к очередному полицейскому оцеплению, закрывающему доступ с авеню Гаррисона. Там начинались тротуары, светофоры и машины. Однако Джейн и Фрост продолжили внимательно осматривать мостовую на авеню Гаррисона и Береговой улице. Когда, сделав круг, они снова оказались у мусорного контейнера, приехали криминалисты.

— Я так понимаю, вы тоже не нашли других частей ее тела, — сказал полицейский Джейн и Фросту.

Джейн смотрела, как оружие и обрубленную руку кладут в пакеты для вещдоков, и думала: зачем убийце понадобилось бросать часть тела на таком видном месте, где ее обязательно обнаружат? Может, он торопился? Или хотел, чтобы ее нашли и восприняли как некое сообщение? Потом взгляд Риццоли метнулся вверх, к пожарной лестнице, взбиравшейся по четырехэтажному зданию, фасад которого смотрел в переулок.

— Нам нужно проверить крышу, — сказала она.

Нижние ступени пожарной лестницы проржавели и опустить их не удалось, поэтому напарникам предстояло подняться на крышу обычным способом — по внутренней лестнице. Выйдя из переулка, они вернулись на Береговую улицу, где располагались подъезды всех ближайших домов. Первые этажи занимали лавки и заведения: китайский ресторан, булочная, азиатский продуктовый магазин. В этот поздний час все они были закрыты. Со второго этажа начинались квартиры. Поглядев вверх, Джейн заметила, что окна в верхних этажах дома темные.

— Придется нам разбудить кого-нибудь, чтобы нас пустили, — констатировал Фрост.

Джейн приблизилась к группке престарелых китайцев, собравшихся на тротуаре, чтобы понаблюдать за происходящим.

— Кто-нибудь знает жильцов из этого дома? — поинтересовалась она. — Нам нужно войти внутрь.

Старики непонимающе уставились на нее.

— Вот из этого дома, — снова сказала Джейн, указывая на здание. — Нам нужно подняться наверх.

— Знаешь, оттого, что ты заговоришь громче, ничего не изменится, — заметил Фрост. — Не думаю, что они понимают по-английски.

Джейн вздохнула. «Вот тебе и Чайна-таун», — подумалось ей.

— Нам нужен переводчик.

— В участке А-один появился новый детектив. Мне кажется, он китаец.

— Мы его сто лет будем ждать.

Джейн поднялась на крыльцо, посмотрела на имена жильцов и нажала первую попавшуюся кнопку. Звонок прозвучал несколько раз, но никто не ответил. Джейн нажала другую кнопку, и на этот раз в домофоне затрещал чей-то голос.

— Вэй? — сказала какая-то женщина.

— Полиция, — ответила Джейн. — Будьте добры, пустите нас, пожалуйста, в здание.

— Вэй?

— Откройте дверь, пожалуйста!

Через несколько минут в домофоне послышался детский голос:

— Бабушка хочет знать, кто вы такая.

— Детектив Джейн Риццоли, Бостонское ПУ, — представилась Джейн. — Нам нужно попасть на крышу. Не могли бы вы впустить нас в здание?

Наконец прозвучал зуммер, и дверь открылась.

Этому дому было по крайней мере сто лет, и, как только Джейн и Фрост начали подниматься по лестнице, деревянные ступени заскрипели. Когда напарники оказались на втором этаже, одна из дверей распахнулась, и Риццоли смогла заглянуть в тесную квартирку, из которой с любопытствующим видом высунулись две девчушки. Младшая была примерно того же возраста, что и Реджина, дочка Джейн, и Риццоли, улыбнувшись, задержалась на секунду, чтобы поздороваться.

Вдруг какая-то женщина схватила малышку на руки, и дверь с грохотом захлопнулась.

— Похоже, для них мы большие и страшные чужаки, — заметил Фрост.

Напарники двинулись дальше. Они миновали пролет четвертого этажа и начали подниматься по узкой лестнице на крышу. Выход был не заперт, но дверь, открываясь, издала пронзительный скрип.

Джейн и Фрост вышли наружу, в предрассветную тьму, освещенную лишь рассеянным сиянием городских огней. Включив фонарик, Джейн увидела пластиковый стол со стульями и цветочные горшки с лекарственными травами. На просевшей веревке, словно призрак на ветру, качалось постиранное белье. Между болтавшимися туда-сюда простынями Джейн углядела кое-что еще — нечто лежавшее на самом краю крыши и скрытое за бельевой завесой.

Не произнеся ни слова, Джейн и Фрост автоматически вынули из карманов бумажные бахилы и, наклонившись, натянули их на обувь. Только после этого они поднырнули под белье и, хрустя бахилами по устилавшему крышу толю, направились к привлекшему их объекту.

Некоторое время оба молчали. Напарники стояли рядом, направив лучи фонариков на застывшую лужу крови. На то, что лежало в ней.

— Похоже, мы нашли оставшуюся часть ее тела, — заметил Фрост.

5

Чайна-таун находится в самом сердце Бостона, с севера к нему примыкает финансовый квартал, а с запада — зеленая лужайка Общинного парка. Однако, когда Маура прошла через ворота пайфан с четырьмя резными львами[3], ей почудилось, будто она оказалась в каком-то другом городе, да что там — в другом мире. Последний раз она была в Чайна-тауне как-то октябрьским утром, в субботу, когда у ворот сидели старики, попивая чай, поигрывая в шашки и сплетничая по-китайски. В тот холодный день они повстречались там с Даниэлом, собираясь позавтракать димсамами. Это был один из последних совместных завтраков, и воспоминания о том дне, словно кинжал, вонзились ей в сердце. Несмотря на ясный весенний рассвет и на то, что этим прохладным утром у ворот сидели те же игравшие в шашки люди, тоска омрачала все вокруг, превращая солнечный свет в сумрак.

Маура прошла мимо ресторанов с витринами, в которых стояли кишевшие морской живностью резервуары, мимо пыльных магазинов с товарами из Китая, забитых мебелью розового дерева, нефритовыми браслетами и резными фигурками из фальшивой слоновой кости, и оказалась в сгущавшейся толпе зевак. Заметив полицейского в форме со значком Бостонского ПУ — он возвышался над сборищем, состоявшим в основном из азиатов, — Маура направилась к нему.

— Прощу прощения. Я патологоанатом, — объявила она.

Полицейский посмотрел на нее таким холодным взглядом, что сразу стало ясно: он прекрасно знает, кто перед ним. Доктор Маура Айлз, предавшая тех, чья задача служить и защищать. Из-за ее свидетельских показаний одного из них могут отправить в тюрьму. Полицейский не сказал ни слова, он просто смотрел на Мауру так, будто удивлялся: чего она хочет?

Маура тоже окинула его холодным взглядом.

— Где находится покойная? — осведомилась она.

— Вам придется спросить у детектива Риццоли.

Полицейский не собирался помогать Мауре.

— А она где?

— Доктор Айлз! — окликнул кто-то, предупреждая ответ мрачного копа. Молодой человек азиатской внешности в костюме и галстуке перешел улицу, направляясь прямо к Мауре. — Вас ждут на крыше.

— Где нужно подняться?

— Пойдемте со мной. Я провожу вас наверх.

— Вы недавно работаете в отделе убийств? По-моему, раньше мы с вами не встречались.

— Простите, я должен был сразу же представиться. Я детектив Джонни Тань из участка А-один. Риццоли понадобился здешний житель, который мог бы переводить, а поскольку я по рождению китаец, меня и отправили в ее команду.

— Вы впервые работаете по делу об убийстве?

— Да, мэм. Я всегда мечтал об этом, но стал детективом всего два месяца назад. Так что сейчас я весьма воодушевлен.

Бодрым тоном детектив приказал зевакам разойтись. Когда толпа расступилась, он открыл перед Маурой дверь в подъезд — оттуда пахнуло чесноком и ладаном.

— Я обратила внимание, что вы говорите на мандаринском диалекте. А кантонский тоже знаете? — поинтересовалась Маура.

— Вы различаете их на слух?

— Раньше я жила в Сан-Франциско. У меня было много коллег-китайцев.

— Мне очень хотелось бы говорить на кантонском, но он для меня темный лес, — признался Тань, когда они начали подниматься по лестнице. — Боюсь, мой мандаринский здесь не особенно-то и нужен. Большинство местных стариков говорят на кантонском и тайшаньском диалектах, так что частенько мне самому необходим переводчик.

— Значит, вы не из Бостона.

— Я родился и вырос в Нью-Йорке. А мои родители из провинции Фуцзянь.

Добравшись до самой верхней двери, они вышли на крышу, на ослепительное утреннее солнце. Сощурившись от яркого света, Маура увидела, что криминалисты уже осматривают крышу, и услышала чей-то оклик:

— Я тут еще одну гильзу нашел!

— И что, их теперь пять?

— Пометь и упакуй.

Голоса внезапно умолкли. Маура поняла, что криминалисты заметили ее появление и теперь смотрят в ее сторону. Предательница приехала.

— Эй, док! — крикнула Джейн, направляясь к подруге. Ее темные волосы развевались на ветру. — Я так понимаю, Тань все-таки отыскал тебя.

— А откуда здесь гильзы? — удивилась Маура. — По телефону ты говорила об ампутации.

— Так и есть. Однако внизу, в проулке, мы нашли пистолет «Хеклер и Кох». Похоже, тут выпустили несколько пуль. По крайней мере пять.

— Кто-нибудь сообщал о выстрелах? Нам известно приблизительное время стрельбы?

— Пистолет с глушителем, так что никто ничего не слышал. — Джейн повернулась и показала рукой в сторону. — Убитая там.

Натянув бахилы и перчатки, Маура направилась вслед за Джейн к накрытому простыней телу, лежавшему у самого края крыши. Там она

наклонилась, приподняла пластиковый покров и, не в силах произнести ни слова, уставилась на покойницу.

— Ага. Мы тоже сначала обалдели, — сообщила Джейн.

Убитая оказалась белой женщиной лет тридцати с небольшим, худощавой, спортивной и одетой во все черное — на ней были фуфайка с капюшоном и леггинсы. Тело уже полностью окоченело. Женщина лежала на спине, уставившись в небо, словно улеглась полюбоваться на звезды. Ее волосы роскошного темно-рыжего оттенка были собраны в хвостик на затылке, бледная кожа выглядела безупречно, а в форме скул — красивых, как у фотомодели, — угадывалось что-то славянское. Но больше всего Мауру привлекла рана — порез был поразительно глубоким. Убийца одним ударом сумел рассечь кожу, мышечную и хрящевую ткани, разрубить полость трахеи и обнажить перламутровую поверхность шейных позвонков. Вырвавшийся из раны фонтан артериальной крови был настолько мощным, что красные брызги виднелись теперь на довольно большом расстоянии от тела — алые пятна запачкали даже белье, висевшее на веревке чуть поодаль.

— Ампутированная рука упала вниз, в проулок, — сообщила Джейн. — Точно так же, как «Хеклер и Кох». Догадываюсь, что на рукоятке — отпечатки убитой. А на руке мы обнаружим следы выстрела.

Оторвав взгляд от шеи женщины, Маура устремила его на запястье. Кисть отделили от него очень ровно, и доктор Айлз попыталась представить себе, какой инструмент мог настолько легко разрубить хрящевую и костную ткани. Наверняка он был ужасающе острым, и в ход его пустили без всяких колебаний. Маура вообразила резкий удар лезвия и кисть руки, отвалившуюся и упавшую с крыши. Представила, как то же самое лезвие прорезает изящную шею.

Поежившись, она выпрямилась и посмотрела вниз, на полицейских, которые стояли у дальнего конца улицы Наппа и загораживали путь любопытным. Казалось, толпа стала вдвое больше, чем была всего несколько минут назад, хотя утро еще только начиналось. Вечно неугомонные зеваки всегда чуют кровь.

— Ты уверена, что тебе нужно было приезжать сюда? — спокойно поинтересовалась Джейн.

Маура обернулась к подруге.

— А почему бы и нет?

— Просто думаю, не слишком ли рано ты снова взялась за работу. Я знаю, что у тебя была тяжелая неделя — суд и все прочее. — Джейн ненадолго умолкла. — Похоже, Граффу теперь придется несладко.

— Ему и не должно быть сладко. Он убил человека.

— А этот человек убил полицейского. Хорошего копа, у которого остались жена и дети. Могу признаться честно, я тоже не сдержалась бы.

— Прошу тебя, Джейн. Только не говори, что ты защищаешь Граффа.

— Я работала с ним и могу сказать: трудно представить себе человека, который способен прикрыть твою спину лучше, чем он. Ты ведь знаешь, что происходит с полицейскими, когда они оказываются в тюрьме?

— Я не должна ни в чем оправдываться. Мне прислали достаточно писем с угрозами. Не стоит присоединяться к этому хору.

— Я просто хочу сказать, что сейчас — сложное время. Мы все уважаем Граффа и понимаем, почему он сорвался в тот вечер. Убийца полицейского мертв, и, возможно, в этом и состоит правосудие.

— Отправление правосудия — не моя обязанность. Я констатирую факты.

Джейн язвительно рассмеялась.

— Ага, для тебя ведь только факты имеют значение, верно?

Обернувшись, Маура поглядела на другой конец крыши, где работали криминалисты. «Пропусти это мимо ушей и сосредоточься на работе, — мысленно приказала она себе. — Ты представляешь здесь погибшую женщину, а прочие тебя волновать не должны».

— Что она делала на крыше? — поинтересовалась Маура.

Джейн опустила взгляд на тело.

— Понятия не имею.

— А нам известно, как ей удалось попасть сюда?

— Возможно, она воспользовалась пожарной лестницей или обычной, внутренней. Стоит только оказаться на одной из крыш — и можно бродить по домам всего микрорайона, от авеню Гаррисона до улицы Наппа. Она могла войти в любое здание. Или, если уж на то пошло, ее высадили из вертолета. Ни один из опрошенных не видел ее вчера вечером. Когда мы обнаружили убитую, она только начала коченеть.

В очередной раз Маура пристально оглядела жертву и нахмурилась.

— Странно, что она одета во все черное.

— Говорят, черное ко всему подходит.

— Удостоверения личности не нашли?

— Нет. У нее в карманах обнаружились только триста долларов и ключ от «Хонды». Мы пытаемся найти машину в округе. — Джейн покачала головой. — Жаль, что она ездила не на «Юго», а то наши старания напоминают поиск иголки в целом стогу «Хонд».

Маура накрыла тело простыней, и огромная рана снова исчезла под слоем пластика.

— Где рука?

— Ее уже упаковали.

— Ты уверена, что ее отрезали именно от этого тела?

Джейн потрясенно усмехнулась.

— Разве существует иная вероятность?

— Я никогда не строю предположений. И ты это знаешь. — Она отвернулась.

— Маура!

Доктор Айлз снова посмотрела на Джейн. Они стояли лицом друг к другу на этом ослепительном солнце, и казалось, что сейчас их видит и слышит все Бостонское ПУ.

— Кстати, о суде. Я прекрасно понимаю, почему ты так поступила, — объявила Джейн. — Ты это знаешь.

— Однако ты меня не одобряешь.

— Но понимаю. И надеюсь, что ты тоже понимаешь: именно таким парням, как Графф, приходится сталкиваться с действительностью. Именно они оказываются на передовой. Правосудие не всегда так упорядочено, как научные эксперименты. Порой оно весьма неприглядно, а факты только добавляют грязи.

— Значит, я должна была солгать?

— Просто нельзя забывать о настоящих преступниках.

— Это не имеет отношения к моей работе, — возразила Маура.

Она ушла с крыши и оказалась в лестничном колодце, радуясь, что оставила позади яркий солнечный свет и взгляды сотрудников Бостонского ПУ. Однако, спустившись на первый этаж, Маура снова оказалась лицом к лицу с детективом Танем.

— Много там крови, правда? — спросил он.

— Больше, чем обычно.

— И когда же вскрытие?

— Я проведу его завтра утром.

— Можно мне присутствовать?

— Добро пожаловать, если сдюжите это зрелище.

— Во время учебы в академии я присутствовал на нескольких вскрытиях. Вроде бы в обморок не падал.

Маура внимательно посмотрела на детектива. Заглянула в серьезные темные глаза, отметила решимость на красивом лице, но враждебности не увидела. В это утро, когда все сотрудники Бостонского ПУ считали ее за врага, детектив Джонни Тань был единственным, кто, похоже, вовсе не осуждал ее.

— В восемь утра, — проговорила она. — Увидимся на вскрытии.

6

Она плохо спала в ту ночь. После плотного ужина, состоявшего из лазаньи и трех бокалов вина, обессилевшая Маура наконец улеглась в постель. А через несколько часов снова проснулась, с болью осознавая, что рядом пусто. Вытянув руку, она дотронулась до холодной простыни и задумалась — как делала это много-много раз за последние четыре месяца, — а вдруг Даниэл Брофи тоже лежит сейчас без сна и чувствует себя одиноким? Вдруг и ему тоже безумно хочется схватить телефонную трубку и прервать молчание, установившееся между ними? Или все-таки Даниэл крепко спит, ни о чем не сожалея, с чувством облегчения оттого, что их роман наконец завершился? Сейчас Маура снова принадлежала самой себе, однако свобода давалась ей непросто. Пустая постель, бессонные ночи и вопрос, на который не было ответа: «Как мне все-таки лучше — с ним или без него?»

На следующее утро, приехав на работу, Маура ощущала слабость от недосыпа и тошноту — из-за того, что, пытаясь взбодриться, выпила слишком много кофе. Стоя в предсекционной и надевая маску, одноразовую хирургическую шапочку и бахилы, Маура поглядела в смотровое окно и увидела, что Джейн уже ждет ее у стола. Вчера они не слишком ласково простились, и Мауре до сих пор было больно вспоминать саркастическую реплику Джейн: «Для тебя ведь только факты имеют значение, верно?» Да, для доктора Айлз были важны факты. Они непреложны, их невозможно отрицать даже в том случае, если они представляют угрозу для дружбы. Судебные разбирательства по делу Граффа, словно пропасть, пролегли между ней и Джейн, и Маура вспомнила о том, какой неперспективной была эта дружба с самого начала. Надевая хирургический халат, она страшилась встречи с Джейн куда больше, чем предстоящей работы с телом.

Сделав глубокий вдох, Маура толкнула дверь и вошла в секционную.

Ее помощник Йошима уже перенес мешок с телом на стол. Рядом с ним в лотке лежала отрезанная рука, накрытая хирургической салфеткой. Прекрасно понимая, что Йошима слышит их разговор, Маура деловито кивнула Джейн и спросила:

— Разве Фрост не будет присутствовать?

— Ему придется пропустить сегодняшнее вскрытие, а вот Джонни Тань сейчас приедет. Кажется, он действительно мечтает увидеть, как ты будешь резать.

— Похоже, детективу Таню очень хочется показать, на что он способен.

— По-моему, он стремится попасть в отдел убийств. Если судить по тому, что я уже видела, у него это может получиться. — Джейн бросила взгляд в сторону двери. — А вот, кстати, и он.

Заглянув в смотровое окно, Маура увидела, что Тань прибыл и надевает хирургический халат. Свои черные как смоль волосы он уже спрятал под одноразовой шапочкой. Спустя мгновение детектив вошел в зал, приблизился к столу и направил спокойный бесстрастный взгляд на упакованное тело.

— Прежде чем начать, Тань, — проговорила Джейн, — хочу обратить твое внимание на раковину, куда можно блевать, — она вон там.

Детектив пожал плечами.

— Она мне не понадобится.

— Это ты сейчас так думаешь.

— Начнем с самого простого, — объявила Маура, обнажая лоток с ампутированной рукой.

На вид кисть казалась пластиковой. Неудивительно, что участники экскурсии по китайскому кварталу приняли ее за бутафорию для Хэллоуина, испачканную красной краской. С нее уже сняли мазки и получили положительный результат по следам пороха. На рукоятке «Хеклера и Коха» обнаружили отпечатки именно этих пальцев, и теперь не оставалось сомнений в том, что именно убитая произвела выстрелы, разбросав по крыше пять гильз. Поднеся к руке увеличительное стекло, Маура внимательно осмотрела отрубленное запястье.

— Его рассекли в аккурат между дистальным отделом лучевой кости и полулунной костью, — заключила она. — Однако вот здесь виден изрядный остаток трехгранной кости.

— И что это означает? — осведомилась Джейн.

— Орудие, которым нанесли этот удар, рассекло одну из костей запястья. А они очень плотные.

— Значит, лезвие было острым.

— Настолько острым, что ампутацию произвели одним движением. — Маура подняла взор. — Я не вижу следов от вторичных порезов.

— Главное, подтверди, что эту руку отрубили именно от этого тела.

Маура повернулась к столу и расстегнула мешок. Пластиковый покров разлепился, испустив тошнотворный запах мороженого мяса и застарелой крови. Лежавший в мешке труп был по-прежнему в одежде, голова откинулась назад, так что зияющая рана на шее была прекрасно видна. Йошима принялся фотографировать, а Маура никак не могла отвести глаз от темно-рыжих волос убитой, на которых запеклась кровь. Красивые волосы, думала она, да и женщина красивая. Вооруженная особа, которая стреляла в кого-то на крыше.

— Доктор Айлз, у нас тут на самом виду улики — волосы и волокна, — заметил Йошима.

Он склонился над покойницей, одетой в черную фуфайку, и внимательно посмотрел на светлую прядь, которая пристала к рукаву.

Маура пинцетом подняла волосы и осмотрела их на свету. Слегка изогнутая прядка длиной около пяти сантиметров была серебристо-серой. Доктор Айлз бросила взгляд на убитую.

— Это явно не ее волосы.

— Смотрите-ка, вот еще одна, — сказала Джейн, указывая на другую прядь, прицепившуюся к черным леггинсам.

— Возможно, это шерсть какого-то животного, — предположил Йошима. — Например, золотистого ретривера.

— А может быть, ее прикончил седовласый дедок.

Маура поместила пряди в разные конвертики для вещдоков и отложила их в сторону.

— Что ж, давайте разденем ее.

Сначала они сняли с левого запястья убитой черные часы швейцарской фирмы «Ханова» — единственный аксессуар на теле женщины. Затем пришла очередь обуви — черных кроссовок «Рибок», а за ними последовали фуфайка с капюшоном, футболка с длинными рукавами, леггинсы, хлопчатобумажные трусики и спортивный лифчик. Под одеждой оказалось натренированное тело — стройное, но мускулистое. Как-то раз Маура услышала от одного профессора патологической анатомии: он много лет проводил вскрытия и ни разу не столкнулся с привлекательным мертвецом. Погибшая женщина доказывала, что у этого правила бывают исключения. Несмотря на зияющую рану и обусловленное ею пятнистое поражение кожи на спине и ягодицах, несмотря на остекленевшие глаза, покойница по-прежнему оставалась потрясающе красивой женщиной.

Полностью освободив тело от одежды, Маура и два детектива вышли из помещения, чтобы Йошима мог сделать рентгеновские снимки. Из предсекционной они в смотровое окно наблюдали за тем, как помощник Мауры надевает защитный свинцовый фартук и размещает кассеты с пленкой.

— Такую женщину обязательно станут искать, — проговорила Маура.

— Ты говоришь так, потому что она красива? — осведомилась Джейн.

— Я говорю так, потому что она держала себя в форме, следила за зубами, а еще на ней леггинсы от Донны Каран.

— Вы позволите несведущему мужчине задать один вопрос? — вмешался Тань. — Это означает, что леггинсы дорогие?

— Готова поспорить, — отозвалась Джейн, — что доктор Айлз может сообщить их точную розничную цену.

— Суть в том, — продолжила Маура, — что она не какая-нибудь нищая бродяжка. У нее с собой было немало наличных и пистолет «Хеклер и Кох», а он, насколько я понимаю, вовсе не то оружие, каким обычно пользуются уличные бандиты.

— А еще у нее нет удостоверения личности, — добавил Тань.

— Его могли украсть.

— А три сотни баксов вор просто оставил? — Тань покачал головой. — Это было бы странно.

Глядя в смотровое окно, Маура увидела, что Йошима махнул рукой.

— Он закончил, — молвила доктор Айлз и толкнула дверь в секционную.

Первым делом Маура осмотрела рассеченную шею. Как и разрез, закончившийся ампутацией руки, эту рану нанесли без всяких колебаний, одним ударом. Сунув в нее линейку, Маура проговорила:

— Глубина — почти восемь сантиметров. Трахея перерезана, лезвие прошло до самых шейных позвонков. — Она сместила линейку. — Ширина раны больше глубины — двенадцать сантиметров от края до края. Это не колотая, а резаная рана. — Доктор Айлз умолкла, разглядывая открытый разрез. — Даже странно, насколько он ровный. Ни зазубрин, ни вторичных порезов. Ни кровоподтеков, ни вмятин. Рану нанесли так быстро, что убитая не успела оказать сопротивления. — Маура бережно приподняла голову убитой и наклонила вперед. — Не мог бы кто-нибудь подержать череп в таком положении? Я хочу соединить края раны.

Детектив Тань без колебаний шагнул вперед и бережно обхватил голову руками в перчатках. Если человеческое туловище можно рассматривать как лишенные индивидуальности кожу, кости и мышцы, то лицо трупа обнаруживает больше, чем хотелось бы видеть многим полицейским. Однако Джонни Таня это зрелище не пугало. Он смотрел прямо в глаза погибшей, словно надеясь, что в них можно найти ответы на многочисленные вопросы.

— Вот-вот, именно так, — сказала Маура, поднося увеличительное стекло к коже покойницы. — Никаких зазубрин я не вижу. Так и не разберешь, какой именно нож… — Она осеклась.

— Что такое? — насторожилась Джейн.

— Этот рисунок кажется мне странным. Обычно перерезанные глотки так не выглядят.

— Ага, обычно они такие скучные!

— Ну вот подумай, как бы ты стала перерезать глотку, — предложила Маура. — Чтобы нанести такую глубокую рану, до самых позвонков, нужно подойти сзади. Схватить жертву за волосы, оттянуть голову назад и прорезать переднюю часть шеи — от уха до уха.

— Прием коммандос, — согласился Тань.

— Если подойти сзади, можно завладеть жертвой и полностью обнажить шею. Обычно, если позднее соединить края раны, получается изогнутый разрез. Однако линия этого увечья направлена слегка вверх, справа налево. Его нанесли, когда голова жертвы находилась в нейтральной позиции и не была откинута назад.

— Возможно, убийца стоял прямо перед ней, — предположила Джейн.

— Тогда почему она не сопротивлялась? На теле нет кровоподтеков, которые свидетельствовали бы о борьбе. Стала бы она просто так стоять, если бы кто-то решил отрубить ей голову?

— Я развесил пленки, — сообщил Йошима.

Они повернулись к негатоскопу, где теперь размещались рентгеновские снимки, — подсвеченный экран делал отображенные на них кости сияюще белыми. Сначала Маура сосредоточила внимание на снимках обрубленного правого запястья и ампутированной кисти, мысленно пытаясь совместить стороны рассеченной трехгранной кости. Они совпадали.

— Это определенно ее рука, — подтвердила Маура.

— Да я, в общем, и не сомневалась, — отозвалась Джейн.

Теперь доктор Айлз обратилась к снимкам шеи — стала рассматривать зияющую дыру в мягких тканях, результат аккуратно разделенной плоти. Внезапно ее взгляд привлекла яркая серебристая отметина в шейном позвонке.

— А ты не делал латерального снимка шейного отдела? — осведомилась она.

Йошима явно ожидал этого вопроса, поскольку немедленно снял с негатоскопа снимки запястья и кисти и вывесил новую рентгенограмму — на этот раз боковой вид шеи.

— Я заметил эту штуковину чуть раньше. И решил, что вы захотите рассмотреть ее получше.

Маура пристально разглядывала латеральный вид пятого шейного позвонка. Едва заметный объект был различим и на этом снимке.

— Что это? — поинтересовалась Джейн, склонившись к Мауре.

— Что-то металлическое, вонзенное в переднюю поверхность пятого позвонка. — Доктор Айлз повернулась к секционному столу. — Думаю, когда убийца наносил удар, кусочек лезвия откололся, и маленький обломок застрял в шейном позвонке.

— А это означает, что мы сможем отправить металл на анализ, — заметила Джейн. — И определить, кто изготовил нож.

— Не думаю, что это был нож, — возразила Маура.

— Топор?

— Топор оставил бы трещину, к тому же на мягких тканях мы увидели бы следы сдавливания. На убитой нет ни того, ни другого. Этот разрез тонкий и прямой. Он сделан очень острым лезвием, длина которого позволяет перерезать шею практически одним движением.

— Типа мачете? — спросила Джейн.

— Или меча.

Джейн поглядела на Таня.

— Мы разыскиваем Зорро. — Ее смех был прерван звонком мобильного. Она сняла перчатки и потянулась к телефону, который был закреплен у нее на поясе. — Риццоли.

— Доктор Айлз, а вы когда-нибудь видели увечья, нанесенные мечом? — поинтересовался Тань, по-прежнему разглядывая снимок.

— Один раз, в Сан-Франциско. Мужчина до смерти зарубил свою подружку самурайским мечом.

— И анализ металла покажет, что это был, например, самурайский меч?

— Сейчас их производство поставлено на поток, так что, вероятно, анализ не поможет, если, конечно, мы не найдем само оружие. Впрочем, как знать, — возможно, именно эта следовая улика и станет тем кусочком головоломки, который ляжет на свое место и позволит вынести приговор. — Маура поглядела на лицо Таня, озаренное подсветкой негатоскопа. Даже несмотря на широкую, сборчатую одноразовую шапочку, прикрывавшую его волосы, яркость и энергичность молодого детектива снова поразили ее. Так же как и абсолютная серьезность. — Вы задаете правильные вопросы, — похвалила Маура.

— Просто пытаюсь чему-нибудь научиться.

— Риццоли — толковый коп. Держитесь рядом с ней, и у вас все получится.

— Тань! — позвала Джейн, завершая звонок. — Оставайся здесь до окончания вскрытия. Мне нужно ехать.

— Что случилось?

— Звонил Фрост. Мы обнаружили машину убитой.

Четвертый этаж многоуровневой автостоянки на улице Тайлера оказался почти пустым, лишь в самом дальнем углу стояла одинокая синяя «Хонда Сивик». Такое слабо освещенное изолированное место выбрал бы человек, не желающий, чтобы кто-то видел, как он идет к своей машине. Пока Джейн и Фрост осматривали автомобиль, возле них стояли лишь работник парковки да два бостонских полицейских, которые чуть раньше и обнаружили транспортное средство.

— На въездном билете, оставленном на торпеде, проштамповано время: среда, восемь пятнадцать, — сообщил Фрост. — Я посмотрел запись камеры слежения — «Хонда» въехала сюда именно в это время. Через пять минут из здания автостоянки вышла женщина. Она накинула капюшон, так что в кадре ее лицо разглядеть невозможно, но, похоже, это она. Машина стоит здесь с тех самых пор.

Слушая Фроста, Джейн обошла вокруг «Хонды». Это была модель трехлетней давности без особых вмятин и царапин. Покрышки тоже в хорошем состоянии. Багажник был открыт, а дверца в задней стенке кузова поднята, чтобы Джейн смогла осмотреть салон.

— Номерные знаки были украдены в Спрингфилде пять дней назад, — продолжал Фрост. — Сам автомобиль угнали неделю назад, тоже из Спрингфилда.

Джейн, нахмурившись, посмотрела в багажник — он был пуст, если не считать запаски.

— Ого, да он гораздо опрятней моего!

— Такое можно сказать о многих машинах, — рассмеялся Фрост.

— И это говорит парень с синдромом навязчивых состояний!

— Похоже, в салоне тоже убирались совсем недавно. В бардачке нашлись документы на машину и карточка страховки, оформленные на имя настоящего владельца. А еще тебе очень понравится то, что лежало на переднем сиденье. — Фрост натянул перчатки и открыл водительскую дверцу. — Портативный навигатор.

— И почему самое интересное всегда находишь ты?

— Полагаю, это совсем новая вещица, потому что погибшая искала всего лишь два адреса. Оба — бостонские.

— Какие?

— Первый — частная квартира в Роксбери-Кроссинг. Владелец — Льюис Ингерсолл.

Джейн изумленно воззрилась на Фроста.

— Неужели это *детектив* Лу Ингерсолл?

— Он самый. Именно по этому адресу он зарегистрирован в Бостонском ПУ.

— Когда он ушел в отставку из отдела убийств, а? Шестнадцать или семнадцать лет назад?

— Шестнадцать. Мне пока не удалось его поймать. Я звонил его дочери, она сказала, что Лу на неделю отправился на север порыбачить. Вероятно, в тех местах нет мобильной связи. Но, может быть, он отключил телефон, чтобы его не беспокоили.

— А второй адрес, который ты обнаружил в навигаторе?

— Это какая-то контора здесь, в Чайна-тауне. Некая Академия боевых искусств «Дракон и звезды». Их автоответчик сообщил, что они открываются в полдень. — Фрост поглядел на часы. — То есть работают уже десять минут.

7

Академия боевых искусств «Дракон и звезды» располагалась на втором этаже ветхого кирпичного здания на авеню Гаррисона. Поднимаясь по узкой лестнице, Джейн и Фрост слышали монотонные фразы, кряхтение, стук ног и улавливали запах пота, доносившийся из раздевалки. В студии напарники увидели с десяток учеников в черных, напоминающих пижамы костюмах. Они настолько сосредоточились на движениях, что, казалось, никто не заметил двух детективов. Если не считать выцветшего плаката, посвященного боевым искусствам, помещение с голыми стенами и истертым полом выглядело совершенно безликим. Некоторое время Джейн и Фрост, никем не замеченные, стояли у двери, наблюдая за прыгающими и вскидывающими ноги учениками.

Вдруг молодая азиатка вышла из строя и приказала: «Завершаем упражнение!» А затем прошла в другой конец зала, чтобы поприветствовать гостей. Она была стройной, как танцовщица, ее кожа блестела от пота, но, несмотря на это, она вовсе не выглядела запыхавшейся.

— Чем могу помочь? — осведомилась девушка.

— Мы из Бостонского ПУ. Я детектив Риццоли, а это детектив Фрост. Мы хотели бы поговорить с владельцем этой студии.

— Можно взглянуть на ваши удостоверения?

Просьба прозвучала грубо — Джейн совсем не ожидала услышать такое от девушки, которая, на вид, только-только окончила школу. Пока азиатка изучала удостоверение Джейн, Риццоли изучала девушку. Возможно, она не так юна, как кажется, решила Джейн. Вероятно, двадцать с небольшим, американка китайского происхождения, если судить по ее речи, на предплечье — татуировка, изображающая тигра. Короткие колючие волосы и угрюмый взгляд делали ее похожей на готку в азиатском варианте, миниатюрную, но опасную.

Девушка вернула удостоверения Джейн.

— Я вижу, вы из отдела убийств. Что привело вас сюда?

— Можно мне для начала узнать, как вас зовут? — спросила Джейн, доставая свой блокнот.

— Белла Ли. Я преподаю в начинающей и промежуточной группах.

— У вас потрясающие ученики, — восхитился Фрост, по-прежнему наблюдая за тем, как подпрыгивают и вертятся ученики.

— Это промежуточная группа. Они готовятся к выступлению на презентации боевых искусств, которая состоится в будущем месяце в Нью-Йорке. Отрабатывают движения леопарда.

— Леопарда?

— Это один из древних стилей, имитирующих животных, он зародился в северном Китае. Леопард полагается на скорость и агрессию, что как раз можно видеть в этом упражнении. Каждая боевая техника отражает повадки того или иного животного. Змея коварна и вкрадчива. Журавлю нет равных в удержании равновесия и уклонении от ударов. Обезьяна быстра и ловка. Ученики выбирают животное, которое лучше всего отвечает их характеру, и осваивают этот стиль.

Фрост рассмеялся.

— Это прямо как в фильмах о кунг-фу.

В ответ девушка смерила его ледяным взглядом.

— Правильное название этого искусства — ушу, оно было создано несколько тысяч лет назад. А то, что показывают в фильмах, — обман, голливудская чушь. — Преподавательница умолкла. Ученики закончили упражнение и теперь стояли, глядя в ее сторону и ожидая указаний. — Возьмите мечи. Тренировочный бой, — объявила девушка.

Ученики направились к стойке для оружия за деревянными учебными мечами.

— Можно нам поговорить с владельцем студии? — спросила Джейн.

— Сыфу Фан в дальней комнате, проводит индивидуальное занятие.

— Как, вы сказали, имя владельца? Си…

— Сыфу — вовсе не имя, — возразила Белла. — Это китайское слово, означающее «мастер» или «учитель». Уважительное обращение.

— Так можно нам поговорить с *мастером*? — резко спросила Джейн, раздражаясь поведением девушки. — Мы пришли не ради светского визита, мисс Ли. Это служебное дело.

Белла обдумала ее просьбу. Ученики начали тренировочный бой. Помещение огласилось щелчками деревянных мечей.

— Одну минуту, — наконец проговорила девушка. Она постучала в дверь, почтительно выждала минуту, прежде чем открыть ее, и объявила: — Сыфу, к вам пришли двое полицейских.

— Пусть зайдут, — раздался голос. Женский.

В отличие от гибкой юной Беллы Ли китаянка, поднявшаяся из своего кресла, чтобы поприветствовать гостей, двигалась медленно, словно боролась с болью в суставах, хотя, судя по виду, ей было всего пятьдесят с небольшим. Средний возраст оставил едва заметные следы на ее лице, а в длинных черных волосах виднелось лишь несколько седых прядей. Женщина встретила их с уверенностью императрицы. Она была одного роста с Джейн, однако из-за королевской осанки китаянка казалась несколько выше. Рядом с ней стоял маленький светловолосый мальчик лет шести в форме бойца; в руках он сжимал деревянный шест высотой почти с него.

— Я Айрис Фан, — представилась женщина. — Чем могу служить? — По официальному тону и акценту Джейн сразу поняла, что владелица студии родилась за границей.

— Детектив Риццоли и детектив Фрост, — отрекомендовалась Джейн. И посмотрела на мальчика, который ответил ей смелым задиристым взглядом. — Можно попросить вашего ученика выйти? Нам нужно поговорить с вами наедине, мэм.

Айрис кивнула.

— Белла, отведи Адама в другую комнату, пусть он дождется маму.

— Но сыфу, — запротестовал ребенок, — я хочу показать вам, какие упражнения я делал с шестом обезьяны!

Айрис улыбнулась мальчику.

— Ты покажешь их мне на следующей неделе, Адам, — ответила она, нежно проведя пальцами по его волосам. — Обезьяне, кроме всего прочего, нужно научиться терпению. А теперь ступай. — Улыбка не сходила с ее лица, пока Белла вела ребенка к двери.

— Этот парнишка тоже учится боевым искусствам? — поразился Фрост.

— Он обладает и талантом, и пылом. Я никогда не стала бы тратить силы на первого встречного. — Улыбка сползла с лица Айрис Фан, и она устремила на гостей холодный оценивающий взгляд. Ее взор остановился на Джейн, словно она поняла, у кого из посетителей больше авторитета. — Зачем полиции понадобилось прийти в мою студию?

— Мы из отдела убийств Бостонского ПУ, — пояснила Джейн. — Нам необходимо задать вам несколько вопросов о том, что произошло в китайском квартале накануне вечером.

— Я полагаю, речь идет о погибшей на крыше женщине?

— Значит, вам уже известно об этом.

— Все только о ней и говорят. Наш квартал не так уж велик, и здесь, как в любой китайской деревне, есть и свои сплетники, и свои кляузники. Говорят, той женщине перерезали глотку, а руку сбросили с крыши. А еще — что у нее был пистолет.

«Люди, которые судачат об этом, знают чертовски много», — подумала Джейн.

— Эти разговоры — правда? — поинтересовалась Айрис.

— Мы пока не вправе обсуждать детали, — отозвалась Джейн.

— Но вы пришли именно поэтому, верно? Чтобы поговорить об этом деле? — спокойно спросила Айрис.

Некоторое время женщины внимательно разглядывали друг друга, и внезапно Джейн поняла: «Не я одна ищу информацию».

— У нас есть фотография, которую мы хотели бы показать вам, — сообщила она.

— Существует ли причина, по которой вы решили спросить именно меня? — осведомилась владелица студии.

— Мы расспрашиваем многих жителей этого квартала.

— Но я впервые слышу о фотографии. Хотя, думаю, я *непременно* о ней услышала бы.

— Сначала нам нужно показать вам фотографию. А потом мы поясним, почему. — Джейн поглядела на Фроста.

— Мне жаль, что вам придется смотреть на это, мэм, — проговорил он. — Вероятно, фотография вас огорчит. Может быть, вам лучше сначала сесть?

Его спокойный уважительный тон, похоже, расплавил лед во взгляде женщины, и она кивнула.

— Сегодня я чувствую усталость. Возможно, мне действительно стоит сесть, благодарю вас.

Фрост быстро пододвинул кресло, и Айрис опустилась в него, облегченно вздохнув, из чего стало понятно, что ее порадовало предложение сесть. Только после этого Фрост вынул цифровое фото, присланное Маурой по электронной почте из морга. Хотя рану погибшей благоразумно накрыли салфеткой, бледность, отвисшая челюсть и полуприкрытые глаза не оставляли сомнений в том, что на фотографии покойница.

Айрис почти минуту пристально глядела на снимок, при этом выражение ее лица не менялось.

— Мэм? — окликнул Фрост. — Вы узнаете ее?

— Она красавица, правда? — проговорила Айрис, поднимая взгляд. — Однако мне она не знакома.

— Вы уверены, что никогда не видели ее?

— Я прожила в Чайна-тауне тридцать пять лет, с тех самых пор, когда мы с мужем эмигрировали с Тайваня. Если бы эта женщина жила поблизости, я бы ее узнала. — Владелица студии поглядела на Джейн. — Вы пришли, чтобы задать мне только этот вопрос?

Джейн ответила не сразу, потому что заметила пожарную лестницу, висевшую прямо возле окна. Из этой комнаты, решила она, легко попасть на крышу. А это значит, что в итоге можно очутиться на любой здешней крыше, в том числе и на здании, где погибла женщина.

— Много ли сотрудников в вашей студии? — спросила Джейн, повернувшись к Айрис.

— Основной инструктор я.

— А как насчет молодой женщины, которая только что привела нас сюда? — Джейн взглянула на имя, записанное в блокноте. — Беллы Ли?

— Белла работает у меня почти год. Она преподает в нескольких группах и сама берет плату со своих учеников.

— Вы упоминали своего мужа. Господин Фан тоже работает здесь?

Несколько раз моргнув, женщина отвела взгляд.

— Мой муж умер, — тихо произнесла она. — Джеймса нет вот уже девятнадцать лет.

— Мне жаль это слышать, госпожа Фан, — спокойно сказал Фрост. Было ясно, что он говорит правду.

Несколько секунд все молчали, только громкий стук деревянных тренировочных мечей доносился из соседнего помещения, где практиковалась группа.

— Я единственная владелица этой школы, — наконец произнесла Айрис. — Так что если у вас есть вопросы, вам нужно спрашивать у меня. — Она выпрямилась. К ней снова вернулось самообладание, а ее взгляд опять остановился на Джейн, словно Айрис понимала, кто скорее всего бросит ей вызов. — Почему вы решили, что я могу знать погибшую?

Ответа на этот вопрос уже нельзя было избежать.

— Сегодня утром мы нашли машину убитой в одном из парковочных гаражей Чайна-тауна, — объяснила Джейн. — В ней оказался навигатор, и один из адресов в его памяти — ваш.

Айрис нахмурилась.

— Здешний? Адрес студии?

— Убитая собиралась прийти сюда. Вы знаете, зачем?

— Нет. — Ответ был мгновенным.

— Можно узнать, где вы были в среду вечером, госпожа Фан?

Айрис ответила не сразу — пристально глядя на Джейн, она сузила глаза.

— Я вела вечернее занятие. А потом пошла домой.

— В котором часу вы ушли отсюда?

— Было около десяти. Домой я пришла в десять пятнадцать. Идти отсюда недалеко — до квартала Тайтун-Виллидж. Я живу на улице Гудзона, на самой окраине Чайна-тауна.

— Кто-нибудь сопровождал вас?

— Я была одна.

— А живете вы тоже одна?

— У меня нет семьи, детектив. Мой муж скончался, а моя дочь... — Айрис осеклась. — Да, я живу одна, — подтвердила она, вздернув подбородок, словно хотела защититься от жалости, которую мог породить ее ответ. Но вдруг глаза женщины заблестели — в них появились слезы. Несколько раз моргнув, она быстро усмирила их. Пусть китаянка хотела казаться несокрушимой, утрата все равно причиняла ей боль.

В соседнем помещении закончилось занятие, и до них донесся топот спускавшихся по лестнице учеников.

— Скоро придет мой следующий ученик, — проговорила Айрис, поглядев на часы, которые висели на стене. — Мы ведь закончили?

— Не совсем, — возразила Джейн. — У меня есть еще один вопрос. В навигаторе убитой нашелся и другой адрес. Частная квартира здесь, в Бостоне. Вы знакомы с отставным детективом Бостонского ПУ Льюисом Ингерсоллом?

Внезапно все краски отхлынули от щек Айрис. Женщина замерла, ее лицо стало каменным.

— Госпожа Фан, с вами все в порядке? — поинтересовался Фрост. Он прикоснулся к плечу женщины, и Айрис вздрогнула, точно ее обожгло.

— Значит, это имя вам известно, — спокойно констатировала Джейн.

Айрис нервно сглотнула.

— Я познакомилась с детективом Ингерсоллом девятнадцать лет назад. Когда умер мой муж. Когда его... — Женщина осеклась.

Джейн и Фрост переглянулись. «Ингерсолл работал по делам об убийствах», — поняли они.

— Госпожа Фан, — обратился к женщине Фрост. На этот раз, когда он дотронулся до нее, Айрис не вздрогнула, позволив руке детектива остаться на ее плече. — Что случилось с вашим мужем?

Айрис опустила голову и произнесла едва слышным шепотом:

— Его застрелили. В ресторане «Красный феникс».

Из окна моей студии видно, как двое детективов, выйдя из здания, останавливаются на улице. Они смотрят вверх, и, хотя все мои инстинкты велят отойти, я упрямо остаюсь в поле зрения и знаю, что они наблюдают за тем, как я провожаю их взглядом. Я не желаю прятаться ни от друзей, ни от врагов, а потому смотрю на них сквозь стекло, сосредоточив внимание на женщине. «Детектив Джейн Риццоли», — значится на карточке, которую она мне оставила. С первого взгляда она вовсе не кажется бойцом — всего-навсего обычная прилежная дамочка в сером брючном костюме, практичных туфлях и с копной спутанных темных кудряшек. Но глаза выдают куда больше. Они ищут, наблюдают и оценивают. У этой женщины глаза охотника, и она пытается решить, не я ли ее добыча.

Без всякой боязни я стою на виду, и она, как, впрочем, и весь мир, могут смотреть на меня. Детективы могут изучать меня сколько угодно, но не увидят ничего, кроме тихой скромной женщины. В моих волосах заметны серебристые следы прошедших лет. До старости еще, конечно, далеко, но сегодня я чувствую ее неминуемое приближение. Я знаю, у меня осталось мало времени, для того чтобы завершить начатое. А с визитом этих двух детективов мои приключения приняли тревожный оборот, которого я совсем не ожидала.

Наконец-то полицейские двинулись прочь с нашей улицы. Возвращаются к охоте, уводящей их невесть куда.

— Какие-нибудь трудности, сыфу?

— Не знаю. — Я поворачиваюсь взглянуть на Беллу и в очередной раз восхищаюсь тем, насколько безупречна и молода ее кожа даже в резком дневном свете, падающем из окна.

Единственный недостаток — шрам на подбородке, последствие мимолетной невнимательности во время тренировочного боя. Эту ошибку она не повторяла больше никогда. Белла стоит прямо и выглядит бесстрашной и уверенной в себе. Вероятно, даже слишком уверенной — на поле боя заносчивость может оказаться губительной.

— Зачем они приходили сюда? — спрашивает Белла.

— Они детективы. Задавать вопросы — их работа.

— Вы узнали что-нибудь еще о той женщине? Кто она, кто ее послал?

— Нет. — Я снова гляжу в окно, на прохожих, идущих по авеню Гаррисона. — Однако, кем бы ни была эта женщина, она знала, как меня найти.

— Последней она не будет, — мрачно предрекла Белла.

Предупреждать меня нет необходимости — мы обе знаем, что спичка зажжена и фитиль подпален.

Оказавшись у себя в кабинете, я опускаюсь в кресло и смотрю на рамку с фотографией, которая стоит у меня на рабочем столе. Глядеть на эту карточку необязательно — она навеки запечатлелась в моей памяти. Я беру ее в руки и улыбаюсь, рассматривая лица. Я прекрасно помню день, когда был сделан этот снимок. Матери о многом забывают, но день, когда родилось их дитя, они запоминают навсегда. На этой фотографии Лоре четырнадцать лет. Мы с ней вдвоем стоим у Бостонского симфонического зала — мы ходили туда послушать выступление Джошуа Белла. За месяц до концерта Лора только и говорила что о нем: Джошуа Белл то, Джошуа Белл се. «Мамочка, он ведь красавчик, правда? Ведь его скрипка поет почти как живая, верно?» На фотографии Лора все еще под впечатлением от выступления своего кумира. Мой муж Джеймс тоже был с нами в тот вечер, однако на фотографии его нет. Он не запечатлен ни на одном из наших снимков, потому что фотоаппарат всегда держал он. И почему мне ни разу не пришло в голову взять фотокамеру у него из рук и щелкнуть его милое, немного совиное лицо? Я никогда не думала, что этой драгоценной возможности просто-напросто не станет. Что его улыбка будет жить лишь в моей памяти, а его образ навечно замрет на тридцати семи годах. Мой муж останется молодым навсегда. Слеза тихо падает на рамку, и я возвращаю фотографию на стол.

Их больше нет. Сначала у меня отняли дочь, затем мужа. Как можно продолжать жить, если твое сердце вырезали не один раз, а целых два? Но я смогла — я все еще жива и все еще дышу.

Пока еще дышу.

9

— Я прекрасно помню массовое убийство в «Красном фениксе». Классический амок. — Судебный психолог доктор Лоренс Цукер откинулся на спинку кресла, через стол окидывая Риццоли и Фроста своим проницательным взглядом, от которого Джейн всегда становилось не по себе.

Фрост сидел рядом с напарницей, однако Цукер, казалось, смотрел только на Джейн — взгляд психолога будто бы заползал ей в мозг, пытаясь отыскать тайны, словно она-то и была единственным объектом его интереса. Цукер и без того знал многие ее тайны. Он был свидетелем того, как тяжело начиналась карьера Джейн в отделе убийств — тогда ей,

единственной женщине в числе двенадцати детективов, приходилось с трудом завоевывать доверие коллег. Судебный психолог был в курсе ночных кошмаров, которые терзали Джейн после серии особо тяжких преступлений, совершенных убийцей по кличке Хирург. Знал он и о шрамах, на всю жизнь оставшихся на ее ладонях — в них вонзал свои скальпели тот же самый преступник. Цукеру было достаточно всего одного взгляда, чтобы, пробившись сквозь все защитные барьеры, увидеть за ними свежие раны, и Джейн бесилась оттого, насколько уязвимой она чувствовала себя в его присутствии.

Чтобы отвлечься, Риццоли сосредоточилась на открытой папке, лежавшей на столе Цукера. В ней хранился отчет о событиях в «Красном фениксе», составленный девятнадцать лет назад и включавший психологический портрет У Вэйминя, китайского повара, который открыл стрельбу. Джейн знала, насколько усердно и тщательно Цукер подходил к своей работе — его подробные анализы порой занимали десятки страниц, а эта папка выглядела на удивление тоненькой.

— Это ваш полный отчет? — поразилась Риццоли.

— Это все, что я написал по теме того расследования. Кроме посмертного анализа личности господина У, здесь имеются отчеты по четырем его жертвам. В бумагах Бостонского ПУ должны быть копии всех этих документов. Дело вел детектив Ингерсолл. Вы говорили с ним?

— На этой неделе его нет в городе, а дозвониться до него нам не удалось, — объяснил Фрост. — Его дочь сказала, что он поехал на север, в какой-то рыбацкий лагерь, где нет мобильной связи.

Цукер вздохнул.

— Наверное, на пенсии хорошо. Кажется, он ушел в отставку много лет назад. Чем он занимается сейчас, когда ему за семьдесят?

— Если это возраст полицейского, можно сказать, что ему все сто десять, — усмехнулся Фрост.

Джейн снова направила разговор в деловое русло.

— Другим детективом по этому делу был Чарли Стейнс, но он уже скончался. А потому мы надеялись, что вы сможете поделиться своим взглядом на эту историю.

Цукер кивнул.

— Основное понятие о случившемся можно получить уже по отчету с места происшествия. Нам известно, что повар, китайский иммигрант У

Вэйминь, вышел в зал ресторана и застрелил четырех человек. Первым умер некий Джоуи Гилмор, он зашел забрать заказ на вынос. Второй жертвой стал официант Джеймс Фан — говорят, он был ближайшим другом повара. Третья и четвертая жертвы — семейная пара Мэллори, сидевшая за столиком. В конце концов повар вернулся на кухню, приложил пистолет к собственному виску и покончил жизнь самоубийством. Случай амока с последующим суицидом.

— В ваших устах «амок» звучит, как клинический термин, — заметил Фрост.

— А это и есть термин. Малайское слово, которым в восемнадцатом веке капитан Кук, посетивший в своем первом кругосветном плавании Индонезию, описал некое явление. А именно — внезапный, не спровоцированный очевидными причинами смертоносный приступ, когда индивид — почти всегда мужского пола — в бешенстве начинает убивать. Он умерщвляет всех подряд, пока его самого не лишают жизни. Капитан Кук полагал, что подобное поведение свойственно лишь населению Юго-Восточной Азии, однако теперь стало ясно, что такое происходит во всех уголках земли, вне зависимости от культуры. Этот феномен получил неуклюжее сокращенное название ССЭП.

— И что означает эта аббревиатура?

— Сумеречное состояние эпилептического или психогенного происхождения. Можно и по-другому — неконтролируемое стремление к насилию и жестокости в состоянии измененного сознания.

Джейн поглядела на Фроста.

— Иначе это называется «разъяриться как медведь».

Цукер смерил Джейн неодобрительным взглядом.

— Вы несправедливы к этому животному. ССЭП случается обычно с людьми, причем самых разных профессий. С рабочими и офисными служащими. С молодыми и старыми. Женатыми и холостыми. Но почти всегда — с мужчинами.

— И что же общего у всех этих убийц? — поинтересовался Фрост.

— Вероятно, вы и сами догадаетесь. Они часто изолированы от местного сообщества. У них есть сложности в личных отношениях. Приступу предшествует некий переломный момент — потеря работы, развалившийся брак. И наконец у подобных индивидов также имеется доступ к оружию.

Джейн пролистала свой экземпляр отчета Бостонского ПУ.

— Это был «Глок семнадцать» с наружной нарезкой на стволе. Судя по сообщению, он был украден за год до того в Джорджии. — Джейн подняла взор. — С чего вдруг иммигранту с зарплатой повара покупать «Глок»?

— Может, для того чтобы защищаться? Вдруг он чувствовал угрозу?

— Вы ведь психолог, доктор Цукер. Разве у вас нет ответа на этот вопрос?

Цукер сжал губы.

— Нет. Я же не ясновидящий. И у меня не было возможности поговорить с самым близким ему человеком — с его женой. К тому времени, когда Бостонское ПУ обратилось ко мне за консультацией, она уже уехала из города, и мы понятия не имели, как ее найти. Психологический портрет господина У, составленный мною, основан на моих беседах с другими знавшими его людьми. А их было не так уж и много.

— Одна из них — Айрис Фан, — заметила Джейн.

Цукер кивнул.

— Ах да. Жена официанта. Я прекрасно помню ее.

— На то есть какая-то особая причина?

— Во-первых, она была красавица. Совершенно потрясающая.

— Мы только что встречались с ней, — сообщил Фрост. — Она по-прежнему потрясающая.

— Неужели? — Цукер перелистнул несколько страниц в своей папке. — Посмотрим. Ей было тридцать шесть, когда я с ней беседовал. Значит, теперь ей… пятьдесят пять. — Психолог поглядел на Фроста. — Вероятно, азиатские гены.

Джейн вдруг почувствовала себя забытой и уродливой сводной сестрой.

— Если оставить в стороне тот факт, что вы оба считаете ее прекрасной, чем-нибудь еще госпожа Фан вам запомнилась?

— Как ни странно, многим. Я разговаривал с ней несколько раз, поскольку она была для меня основным источником информации об У Вэймине. Тогда я первый год сотрудничал с Бостонским ПУ, а этот случай был настолько ужасающим, что его сложно было не запомнить.

Представьте, вы отправляетесь на поздний ужин в китайский квартал, а повар, вместо того чтобы приготовить вам курицу гунбао[4], убивает вас. Вот почему эта история привлекла столько внимания. Она заставила людей почувствовать себя уязвимыми, потому что жертвой мог стать кто угодно. К тому же началась обычная истерия по поводу ужасных нелегальных иммигрантов. Как господин У проник в страну? Откуда у него оружие? И так далее. Я лишь за несколько лет до этого закончил университет и на тебе — стал консультантом по одному из самых забойных дел года. — Цукер осекся. — Я неверно подобрал слово.

— И какой же вывод вы сделали насчет стрелка? — поинтересовался Фрост.

— Достаточно унылая личность, ей-богу. Он прибыл из провинции Фуцзянь и оказался в Штатах примерно в двадцатилетием возрасте. Точную дату установить невозможно, так как документов не существует. Всю информацию я получил от госпожи Фан — она сказала, что господин У был близким другом ее мужа.

— Который погиб во время этой стрельбы, — заметил Фрост.

— Да. Несмотря на это, госпожа Фан не сказала ничего плохого об У Вэймине. Она не верила, что стрелял он. Госпожа Фан назвала повара кротким и работящим. Сказала, что он дорожил своей жизнью. У Вэйминь содержал жену и дочь, а также посылал деньги для семилетнего сына, рожденного в предыдущем браке.

— Так значит, у него была бывшая жена?

— В другом городе. Однако У и его жена Лихуа прожили в Бостоне довольно долго. Они занимали квартиру прямо над рестораном, где работал У Вэйминь, и держались достаточно обособленно. Вероятно, боялись привлечь внимание, потому что были нелегальными иммигрантами. К тому же их жизнь осложнял язык — они говорили на мандаринском и на достаточно редком миньском диалектах.

— А большая часть Чайна-тауна пользуется кантонским, — понял Фрост.

Цукер кивнул.

— Носители этих диалектов не понимают друг друга, видимо, это и привело к изоляции семьи У Вэйминя. Итак, у этого человека было достаточно причин для стресса. Он скрывал свой нелегальный статус. Был изолирован от общества. И ему нужно было содержать семью. Добавьте к этому долгий рабочий день — никто не станет спорить, что этот человек находился в очень тяжелом положении.

— Но из-за чего же он все-таки сломался? — спросила Джейн.

— Госпожа Фан не знала ответа на этот вопрос. На той неделе, когда произошло массовое убийство, ее не было в стране — она навещала родственников. Я говорил с госпожой Фан, когда она вернулась домой и все еще находилась в шоковом состоянии. Однако госпожа Фан все время настаивала на одном и том же — У Вэйминь никогда в жизни не смог бы никого убить. И уж наверняка он не смог бы погубить ее мужа, Джеймса, потому что они были друзьями. Госпожа Фан также заявила, что у повара сроду не было оружия.

— Откуда она могла это знать? Она ведь не была его женой.

— Что ж — вдову У Вэйминя я расспросить не сумел. Через несколько дней после преступления они с дочерью собрали вещи и исчезли. Тогда еще не было министерства национальной безопасности и никто не отслеживал иностранцев, так что для нелегальных мигрантов было не так уж и трудно то появляться, то прятаться, а то и вовсе исчезать. Вдова У Вэйминя поступила именно так. Она исчезла. И даже Айрис Фан понятия не имела, куда пропали эта женщина и ее дочь.

— Вы руководствуетесь одними лишь словами госпожи Фан. Почему вы решили, что она сказала вам правду? — удивилась Джейн.

— Возможно, я наивен, но я ни разу не усомнился в искренности госпожи Фан. Ни разу. В ней есть нечто такое… — Цукер покачал головой. — Она — трагическая фигура. Мне до сих пор жаль ее. Даже и не знаю, как можно перенести столько потерь, сколько выпало на ее долю.

— Потерь?

— У нее была еще дочь.

Джейн внезапно припомнила, как Айрис говорила о том, что живет одна. О том, что у нее больше нет семьи.

— Ее дочь умерла?

— По-моему, я не включил это в свой отчет, поскольку история о девочке не имеет отношения к происшествию в «Красном фениксе». У Айрис и Джеймса была четырнадцатилетняя дочь, пропавшая за два года до того события. Полиции так и не удалось найти ее следов.

— Бог мой, — ужаснулся Фрост. — А мы и не знали. Она нам ничего не сказала.

— Айрис Фан не из тех женщин, которые любят, когда их жалеют. Но я помню, как смотрел в ее глаза и видел боль. Такую боль мне даже вообразить трудно. И при этом в ней столько невероятной силы. — Цукер умолк на мгновение, словно воспоминание об этом горе до сих пор трогало его.

Джейн тоже не могла вообразить себе такую боль. Она подумала о своей дочери Реджине, которой исполнилось всего два с половиной года. Представила, каково это — пытаться год за годом продолжать существовать, не зная, жив твой ребенок или умер. Одна лишь эта пытка способна свести с ума любую женщину. «А потом она потеряла еще и мужа...» — пронеслось в голове у Джейн.

— Беда никогда не приходит одна, — заметил Цукер, — за ней всегда следуют и другие несчастья. Но то, что случилось в «Красном фениксе», принесло горе не только ближайшим родственникам погибших. Словно это массовое убийство несло на себе проклятие. И поражало все новые и новые жертвы.

В помещении вдруг стало холоднее. Настолько, что по рукам Джейн побежали мурашки.

— Что значит «проклятие»?

— В течение месяца после этого происшествия случилось множество несчастий. Детектива Стейнса свалил инфаркт. Криминалист, работавший на месте преступления, погиб в автокатастрофе. У жены детектива Ингерсолла случился инсульт, и через некоторое время она умерла. И наконец пропала девушка.

— Какая девушка?

— Шарлотта Дион. Шестнадцатилетняя дочь Дины Мэллори, одной из убитых в ресторане. Через несколько недель после гибели Дины в «Красном фениксе» Шарлотта пропала во время школьной экскурсии. Ее так и не смогли найти.

Внезапно Джейн услышала собственное сердцебиение — оно было оглушительным, словно кто-то стучал в барабан прямо под ухом.

— Вы сказали, что дочь Айрис Фан тоже исчезла.

Цукер кивнул.

— Между этими двумя исчезновениями прошло два года, однако совпадение жуткое, верно? У двоих людей, погибших в «Красном фениксе», пропали дочери.

— Но совпадение ли это?

— А что же еще? Эти две семьи не были знакомы. Фаны были бедными иммигрантами. А родители Шарлотты — бостонскими аристократами. Других связей между этими людьми не было. Так что исчезновение девушки вполне можно отнести на счет проклятия «Красного феникса». — Психолог бросил взгляд на папку с документами. — А может, все дело в том здании. Жители Чайна-тауна считают, что в нем обитают привидения. Говорят, стоит войти внутрь, и зло само прилипает к тебе. — Цукер посмотрел на Джейн. — А ты уносишь его домой.

10

Джейн не любила совпадений. В сложных переплетениях ткани под названием жизнь они, конечно же, случались, но ее все время тянуло разобраться: почему ниточки соединились, так ли уж случайно это произошло или просто воплотился некий высший замысел и возник узор, который можно постичь, изучив все нити до самого их начала? Джейн сидела за своим рабочим столом и занималась как раз этим: она пыталась отследить пять нитей, трагически соединившихся девятнадцать лет назад в одном из ресторанов китайского квартала.

Папка с делом «Красного феникса» была не особенно пухлой. Для детективов из отдела убийств преступник, совершивший самоубийство, — настоящая удача: такие дела — как подарок в упаковке с бантиком. Злодей уже свершил правосудие, выпустив пулю в самого себя. Полицейский отчет Стейнса и Ингерсолла об этом массовом убийстве отвечал не на вопрос «кто?», а на вопрос «почему?» и был почти полностью основан на том, что доктор Цукер уже рассказал Джейн и Фросту об У Вэймине.

А потому Джейн переключила внимание на четверых погибших.

Жертвой номер один был Джоуи Гилмор двадцати пяти лет, родившийся и выросший в Южном Бостоне. В отчете содержалось достаточно много информации о Гилморе, потому что у него уже были судимости. Кража со взломом, незаконное проникновение на чужую территорию, нападение с нанесением побоев. Эта запись, а также его место работы — фирма «Оптовая мясная торговля Донохью» — тут же привлекли внимание Джейн. Бостонское ПУ было слишком хорошо знакомо с владельцем компании Кевином Донохью вследствие его тесных и длительных связей с местной организованной преступностью. За четыре десятилетия обычный уличный головорез Донохью сумел сделать «карьеру» и стать одним из трех самых влиятельных людей в местной ирландской мафии. Правоохранительные органы прекрасно знали, кто

такой Донохью и чем он занимается, но доказать это в суде не могли. Пока не могли.

Джейн извлекла папку с фотографиями, сделанными на месте происшествия, и отыскала снимок тела Джоуи Гилмора — оно лежало на полу среди разбросанных коробок для еды на вынос. Его свалили с ног единственным выстрелом в затылок. Конечно, доктор Цукер сколько угодно может называть этот случай «амоком», но Джейн видела в нем чертовски ясные признаки бандитской разборки.

Жертвой номер два был тридцатисемилетний Джеймс Фан, служивший в ресторане «Красный феникс» администратором, официантом и кассиром. Он и его жена Айрис Фан эмигрировали с Тайваня за шестнадцать лет до происшествия: Джеймс попал в Штаты, поступив в аспирантуру на одну из кафедр азиатской литературы. Сообщалось, что с У Вэйминем они были хорошими друзьями — в «Красном фениксе» Джеймс и У проработали вместе пять лет. Никому не было известно о каких-либо конфликтах между ними. Джейн не смогла найти в отчете ни одного упоминания о дочери Фанов Лоре, пропавшей за два года до этого убийства. Вероятно, Стейнсу и Ингерсоллу не было известно о трагедии, постигшей семейство Фан несколько ранее.

Жертвы под номерами три и четыре были супругами — Артур и Дина Мэллори из Бруклайна, штат Массачусетс. Сорокавосьмилетний Артур был президентом и генеральным директором инвестиционной компании «Группа Уэллесли». О занятиях сорокалетней Дины ничего не сообщалось — видимо, имея супруга с такой должностью, работать ей было необязательно. Для Артура и Дины этот брак был вторым по счету, неким смешением двух бывших семей. Первой женой Артура была Барбара Харт, и у них имелся сын, двадцатилетний Марк. У Дины и ее бывшего мужа Патрика Диона была семнадцатилетняя дочь. В полицейском отчете достаточно внимания уделялось теме, которую стал бы исследовать любой хороший детектив из отдела убийств, — теме конфликтов, возникших на почве разводов и новых браков убитых.

Если верить словам сына Артура Мэллори, Марка Мэллори, отношения между семьями Мэллори и Дион были чрезвычайно сердечными, даже несмотря на то, что Дина и Артур ушли от своих супругов за пять лет до этого. После развода и заключения нового брака Дина Мэллори и ее бывший муж Патрик поддерживали дружеские отношения, и обе семьи часто ужинали по праздникам.

До странности цивилизованное общение, подумала Джейн. Жена уходит от Патрика к другому мужчине, а потом они все вместе празднуют Рождество. Эти сведения казались слишком уж невероятными, но они поступили от сына Артура Мэллори, который наверняка знал, что к чему.

Какая-то безупречно реконструированная семья — все рады, и никто не ссорится. Джейн предполагала, что это возможно, но в своей собственной семье она даже представить не могла ничего подобного. Джейн попыталась вообразить воссоединение клана Риццоли с участием папы, мамы, папиной секс-бомбы и нового маминого возлюбленного Винса Корсака. Вот уж где точно случилось бы массовое убийство, и кто выжил бы в этой истории — предсказать сложно.

Однако семейства Мэллори и Дион как-то умудрялись с этим справляться. Вероятно, это делалось для Шарлотты, которой в момент развода родителей было всего лишь двенадцать лет. Как большинство детей разведенных родителей, она, вероятно, то и дело перемещалась из одного дома в другой — пусть и обеспеченный, но несчастный ребенок, постоянно шатающийся от мамы Дины к папе Патрику.

Перевернув последнюю страницу дела, Джейн обнаружила краткое дополнение к отчету:

Шарлотта Дион, дочь Дины Мэллори, была объявлена в розыск 24 апреля. Последний раз ее видели неподалеку от Фаньюл-холла во время школьной экскурсии. По словам детектива Хэнка Букхольца, свидетельства указывают на возможное похищение. Расследование продолжается.

Дополнение, датированное 28 апреля, было подписано детективом Ингерсоллом.

Две пропавшие девочки — Лора Фан и Шарлотта Дион. Обе были дочерьми людей, убитых в «Красном фениксе», однако в отчете все указывало лишь на то, что это печальное совпадение. Все соответствовало словам доктора Цукера. Порой нет ни принципа, ни плана, а есть просто слепая жестокость судьбы, которая не считается с тем, что кто-то и так слишком много страдал.

— Знаешь, Риццоли, вам с Фростом просто нужно было спросить у меня.

Джейн подняла голову и увидела Джонни Таня, остановившегося у ее стола.

— Спросить у тебя — о чем?

— О массовом убийстве в «Красном фениксе». Я только что видел Фроста. Он сказал мне, что вы разыскиваете все документы, касающиеся этого дела. Если бы вы обратились ко мне, я бы сразу же все рассказал об этом происшествии.

— Откуда ты о нем знаешь? Когда это случилось, тебе было сколько — лет восемь?

— Я прикреплен к Чайна-тауну, а значит, должен знать обо всем, что там происходит. Знаешь, китайцы до сих пор говорят о «Красном фениксе». Эта история напоминает незаживающую рану. Она никогда не заживет, поскольку к ней примешивается позор.

— Позор? Почему?

— Убийца был одним из наших. Говоря это, я подразумеваю всех китайцев. — Тань указал на папки, лежавшие на столе у Джейн. — Я просматривал это дело два месяца назад. Говорил с Лу Ингерсоллом. Читал отчеты судмедэкспертизы. — Он постучал себя по голове. — Вся информация здесь, не сомневайся.

— Я не знала, что ты знаком с этим делом.

— И тебе не пришло в голову спросить меня? А я-то думал, что стал членом команды.

Джейн не понравились обвиняющие нотки, прозвучавшие в голосе Таня.

— Да, ты член команды, — согласилась она. — Я постараюсь не забывать об этом. Но ты очень облегчишь дело для всех нас, если перестанешь вести себя так вызывающе.

— Просто мне хочется быть в первых рядах. Неприятно, когда в тебе видят какого-то придурка на подхвате, а это случается здесь слишком уж часто.

— Что ты имеешь в виду?

— Бостонское ПУ — большой и чудесный «плавильный котел», верно? — Тань рассмеялся. — Вранье!

Некоторое время Джейн рассматривала молодого человека, пытаясь расшифровать каменное выражение на его лице. И вдруг узнала в нем себя — в возрасте Таня она жаждала показать, на что способна, и возмущалась, когда ее игнорировали.

— Сядь, Тань, — велела она.

Вздохнув, он придвинул ближайший стул и сел.

— Ну?

— Ты думаешь, я не представляю себе, что значит быть в меньшинстве?

— Не знаю. А ты представляешь?

— Оглянись вокруг. Сколько женщин-детективов работает в отделе убийств? Одна-единственная, и ты с ней разговариваешь. Я знаю, каково это, когда ребята не подпускают тебя к делу; они считают: раз ты девушка, эта работа не для тебя. Тань, придется научиться справляться со всеми идиотами и со всем дерьмом, потому что и того, и другого — пруд пруди.

— Но это не значит, что мы должны делать вид, будто радуемся этому пруду.

— И что, если не радуемся — это может что-то изменить?

— Видимо, ты — изменила. Потому что *тебя* они признают.

Джейн задумалась: а правда ли это? Вспомнила, какой была ее жизнь, когда она только поступила в отдел и ей приходилось мириться с хихиканьем, шутками о тампонах и намеренными оскорблениями. Да, теперь стало легче, однако война была тяжелой и длилась годами.

— Если будешь ныть и жаловаться — точно ничего не изменишь, — заметила она. — Нужно просто делать свою работу лучше других. — Джейн умолкла. — Я слышала, ты запросто сдал экзамен на детектива с первой попытки.

Тань быстро кивнул:

— И к тому же на самый высокий балл.

— А сколько тебе? Двадцать пять?

— Двадцать шесть.

— Это, знаешь ли, против тебя.

— Что? То, что я очередной азиат-зубрила?

— Нет. То, что ты совсем еще паренек.

— Чудесно. Еще одна причина, чтобы меня не принимали всерьез.

— Да ладно, причин, по которым ты оказываешься в невыгодном положении, можно насчитать с десяток. Некоторые из них существуют

на самом деле, а другие ты придумал сам. Справься с ними и выполняй свою работу.

— Только если ты попробуешь не забывать, что я член команды. Позволь мне заняться беготней, связанной с «Красным фениксом», раз я уже хорошо знаком с этим делом. Я могу куда-нибудь позвонить, поговорить с родственниками убитых.

— Фрост уже собрался снова побеседовать с госпожой Фан.

— Значит, я пообщаюсь с другими родственниками.

Джейн кивнула.

— Хорошо. А теперь расскажи мне, как далеко ты продвинулся с этим делом.

— Впервые я просмотрел эту папку в феврале, когда меня прикрепили к участку А-один и я узнал, что некоторые жители Чайна-тауна по-прежнему говорят о «Красном фениксе». Я вспомнил, что слышал об этом деле еще ребенком, когда жил в Нью-Йорке.

— Ты слышал о нем в Нью-Йорке?

— Поверь мне, если это большая новость и если она имеет отношение к какому-нибудь живущему в стране китайцу, о ней судачит все китайское сообщество. «Красный феникс» обсуждали даже в Нью-Йорке. Я помню, бабушка говорила мне: какой позор, что убийца — один из наших. Она считала, что это бросает тень на всех китайцев. Заставляет нас походить на преступников.

— Бог мой! Вот так коллективное чувство вины.

— Да, мы это умеем. Бабушка ужасно сердилась, когда я пытался выйти из дома в рваных джинсах, — она не хотела, чтобы люди думали, будто все китайцы неряхи. Я взрослел, чувствуя на своих плечах это бремя, — каждый раз, выходя из дома, я должен был представлять всю свою нацию. Так что — да, у меня уже был интерес к делу «Красного феникса». А в марте, когда «Бостон глоуб» опубликовала то объявление, мне стало еще интереснее. Тогда я снова перечитал все документы по делу.

— Какое объявление?

— Оно появилось в газете тридцатого марта, в годовщину убийства, и занимало примерно четверть полосы в разделе местных новостей.

— Я его не видела. И о чем говорилось в объявлении?

— Оно состояло из фотографии повара, У Вэйминя, и слова «невиновен», набранного полужирным шрифтом. — Тань поглядел куда-то вдаль, поверх рабочих столов отдела убийств. — Когда я увидел объявление, мне очень захотелось, чтобы это оказалось правдой. Чтобы У Вэйминь был невиновен. Только так можно очистить нашу запятнанную совесть.

— Неужели ты действительно думаешь, что он невиновен?

Тань посмотрел на Риццоли.

— Не знаю.

— Стейнс с Ингерсоллом никогда не сомневались, что стрелял именно он. И доктор Цукер тоже.

— Однако это объявление заставило меня задуматься. И я стал размышлять: а вдруг Бостонское ПУ ошиблось девятнадцать лет назад?

— Просто потому, что У Вэйминь был китайцем?

— Просто потому, что люди из Чайна-тауна так и не поверили, что это сделал он.

— Кто оплатил объявление? Ты узнал?

Молодой человек кивнул.

— Я обратился в «Глоуб». Объявление оплатила Айрис Фан.

Зазвонил мобильный телефон Джейн. Она потянулась за аппаратом, все еще прокручивая в голове только что услышанные сведения. Риццоли задалась вопросом: зачем девятнадцать лет спустя Айрис понадобилось размещать объявление в защиту человека, который убил ее мужа? Поглядев на дисплей мобильного, Джейн увидела, что звонят из криминалистической лаборатории, и ответила:

— Риццоли.

— Я сейчас изучаю эти волосы, — раздался голос эксперта-криминалиста Эрин Волчко. — Черт возьми, я не могу определить, чьи они.

Джейн потребовалось мгновение, чтобы переключить внимание на то, о чем говорила Эрин.

— Вы имеете в виду волоски, снятые с одежды убитой?

— Да. Бюро судмедэкспертизы вчера переслало нам две пряди. Одну сняли с рукава убитой женщины, а вторую — с леггинсов. У них одинаковые морфология и цвет, так что, вероятно, они из одного и того же источника.

— Эти волоски настоящие или синтетические? — Задавая вопрос, Джейн чувствовала, как за ней наблюдает Тань.

— Искусственными их не назовешь. Они явно органического происхождения.

— Значит, они человеческие?

— Не уверена.

11

Прищурив один глаз, Джейн смотрела в окуляр микроскопа и пыталась различить хоть один характерный признак, но то, что она видела сквозь линзу, несколько отличалось от всех других волос, которые ей приходилось разглядывать за многие годы. Джейн посторонилась, чтобы Тань тоже смог взглянуть.

— На этом предметном стекле вы видите остевой волос, — объяснила Эрин. — Остевые волосы составляют верхнюю часть шерсти животных.

— То есть они отличаются от пуха? — поинтересовался Тань.

— Верно. Пух — это подшерсток, он обеспечивает изоляцию. У людей пуха нет.

— Итак, если это волос, чей он?

— Вероятно, проще сказать, чьим он быть не может, — заметила Эрин. — Пигментация равномерна по всей длине волосяного стержня, значит, нам известно, что цвет шерсти этого животного одинаков от корня до верхушки. Чешуйки не коронообразные, значит, грызунов и рукокрылых можно исключить.

Тань оторвался от микроскопа.

— А что такое коронообразные чешуйки?

— Чешуйки — структуры наподобие рыбьей чешуи, из которых состоит кутикула, наружный слой волоса. Чешуйки объединяются в тот или иной рисунок, характерный для определенного семейства животных.

— Вы сказали, что у крыс коронообразные чешуйки.

Эксперт кивнула.

— На этом волосе нет и шиповатых чешуек, а это значит, что он не принадлежит ни кошке, ни норке, ни тюленю.

— Мы что, по всему списку животных пройдемся? — удивилась Джейн.

— В некотором смысле здесь нужно применять метод исключения.

— Пока вы исключили крыс, рукокрылых и кошек.

— Верно.

— Чудесно, — пробормотала Джейн. — Значит, из списка подозреваемых можно вычеркнуть Бэтмена и Женщину-кошку.

Вздохнув, Эрин сняла очки и потерла переносицу.

— Детектив Риццоли, я просто пытаюсь объяснить, как трудно идентифицировать шерстинку животного, используя только лишь оптическую микроскопию. Морфологические признаки помогают мне исключить некоторые группы животных, однако этот образец не похож на волосы, с которыми мне приходилось работать в нашей лаборатории.

— А что еще вы можете исключить? — поинтересовался Тань.

— Если бы эта шерстинка принадлежала оленю или карибу, корень имел бы форму винного бокала, а сам волос был бы грубее. Значит, к семейству оленевых образец отношения не имеет. Цвет свидетельствует против енота и бобра, а для кролика или шиншиллы эта шерстинка слишком груба. Если основываться только на форме корня, диаметре и узоре чешуек, я бы сказала, что больше всего этот волос напоминает человеческий.

— Так почему же он не может быть человеческим? — удивилась Джейн.

— Посмотрите в микроскоп еще раз.

Наклонившись, Джейн припала к окуляру.

— На что мне нужно обратить внимание?

— Посмотрите — он достаточно прямой, а не курчавый, как волосы, растущие на лобке или под мышками.

— Так значит, это волос с головы?

— Сначала я тоже так подумала. Решила, что это волос с человеческой головы. Теперь обратите внимание на медуллу, сердцевину волоса. Она напоминает канал, проходящий по всей длине волосинки. В этом образце есть нечто очень странное.

— А поточнее?

— Медуллярный показатель. Это соотношение диаметров медуллы и самого волоса. Я видела бессчетное количество образцов человеческих волос, однако ни разу мне не попадался волос с человеческой головы, отличающийся такой широкой медуллой. У людей нормальное соотношение — менее трети. Здесь диаметр медуллы составляет больше половины диаметра волоса. Это не просто канал, это огромная сигнальная труба.

Выпрямившись, Джейн поглядела на Эрин.

— Может быть, какое-нибудь заболевание? Генетическое отклонение?

— Мне ни о чем таком неизвестно.

— Тогда откуда взялся этот волос? — спросил Тань.

Эрин сделала глубокий вдох, словно подыскивая нужные слова.

— Почти во всем остальном он выглядит как человеческий. Но источник у него другой.

Тишину огласил изумленный смешок Джейн.

— О ком же идет речь? О снежном человеке?

— Я полагаю, это какой-то примат. Вид, который я не могу распознать при помощи оптической микроскопии. На волосе не осталось клеток эпителия, так что мы можем изучить только митохондриальную ДНК.

— Результатов таких исследований мы будем ждать целую вечность, — заметил Тань.

— Поэтому я думаю еще об одном тесте, — ответила Эрин. — Я нашла одну индийскую научную статью об электрофоретическом анализе рогового вещества волос. В Индии большие проблемы с нелегальной торговлей мехом, и они используют этот метод для установления шерсти экзотических видов.

— В каких лабораториях проводят такой анализ?

— В Штатах есть несколько лабораторий, специализирующихся на живой природе, и я могу с ними связаться. Вероятно, это самый быстрый способ установить, с каким видом мы имеем дело. — Эрин бросила взгляд на микроскоп. — Так или иначе я выясню, что это за мохнатое создание.

Детектив в отставке Хэнк Букхольц выглядел как человек, который очень долго и тяжело воевал с дьяволом под названием алкоголь и в конце концов все же сдался. Джейн обнаружила его на обычном месте в баре «Дж. П. Дойл» — Хэнк сидел, уставившись в бокал со скотчем. Не было еще и пяти часов, но, судя по виду Букхольца, он уже хорошо подготовился к наступлению вечера; когда отставной детектив встал, чтобы поприветствовать ее, Джейн обратила внимание на его нетвердое рукопожатие и влажноватые глаза. Впрочем, восемь лет пенсии не изменили старых привычек, и Букхольц все еще одевался как детектив — в форменный пиджак и оксфордскую рубашку, даже если это была рубашка с изношенным воротником.

Час был еще слишком ранний для многочисленных завсегдатаев бара «Дж. П. Дойл», любимого места встреч копов из Бостонского ПУ. Одним взмахом руки Букхольцу удалось привлечь внимание бармена.

— За ее напиток плачу я, — объявил он, указывая на Джейн. — Что будете пить, детектив?

— Я ничего не хочу, спасибо, — отказалась Джейн.

— Да ладно. Не заставляйте старого копа пить в одиночестве.

Риццоли кивнула бармену.

— Светлое «Сэм Адамс».

— А мне — повторить, — добавил Букхольц.

— Хэнк, не хотите ли переместиться за стол? — спросила Джейн.

— Не-а, мне и здесь хорошо. Это мой табурет. Он всегда был моим. Да и вообще, — заметил отставной детектив, оглядывая почти пустой зал, — кто тут будет подслушивать? Это такое старинное дело, что все о нем давно уже забыли. Ну, может быть, кроме семьи.

— И вас.

— Да, такое трудно выбросить из головы, знаете ли. Дела, которые я так и не смог закрыть, все эти годы преследуют меня по ночам. Особенно дело Шарлотты Дион — я взбесился, когда ее папаша нанял частного детектива, чтобы тот во всем разобрался. Намекнул мне, что я паршивый коп. — Шумно вздохнув, Букхольц глотнул скотча. — Столько денег потратил впустую и в конце концов удостоверился, что я ничего не упустил.

— Значит, частный детектив тоже не смог ничего прояснить?

— Не-а. Эта девочка просто взяла и пропала. Ни свидетелей, ни вещдоков, кроме оставленного в переулке рюкзака. Девятнадцать лет назад и камер слежения-то не было толком — поди зафиксируй что-нибудь. Человек, который похитил ее, сделал это быстро и аккуратно. Наверняка это спонтанное похищение.

— С чего вы взяли?

— Дело было на школьной экскурсии. Шарлотта училась в модной школе-интернате, Болтонской академии, там, за Фрэмингэмом. В город на частном автобусе приехали тридцать детей, чтобы пройти по Тропе Свободы[5]. Они в последний момент решили зайти в Фаньюл-холл. Учительница сказала мне, что дети проголодались, и они зашли туда перекусить. Думаю, преступник заметил Шарлотту и украл ее. — Букхольц покачал головой. — Речь идет об умелом похитителе. Патрик Дион — венчурный инвестор, он был в Лондоне, когда это произошло. Прилетел домой на собственном самолете. Имея в виду его работу и капитал, я решил, что с него потребуют выкуп. Но этого так и не случилось. Шарлотта просто исчезла с лица земли. Ни улик, ни тела. Ничего.

— Ее мать всего за месяц до *этого* погибла в ресторане «Красный феникс».

— Да, я знаю. Этому семейству страшно не повезло. — Хэнк глотнул скотча. — От смерти деньгами не откупишься.

— Думаете, в этом все дело? Им просто не повезло?

— Мы с Лу Ингерсоллом много говорили об этом. Но так и не нашли способа связать эти два события, хотя очень внимательно их изучили. Тяжба за право опекунства над Шарлоттой? Плохой развод? Деньги?

— Ни то, ни другое, ни третье?

Букхольц покачал головой.

— Я сам разводился и до сих пор ненавижу эту суку. Но Патрик Дион и его жена остались друзьями. Он даже поладил с ее новым мужем.

— Несмотря на то, что Артур сбежал с женой Патрика?

Хэнк рассмеялся.

— Да, представляете? Жили-были две счастливые семьи. Патрик, Дина и Шарлотта. Артур, Барбара и их сын Марк. Оба ребенка учились в этой крутой Болтонской академии, так семьи и познакомились. И стали время от времени вместе ужинать. Потом Артур спутался с женой Патрика, и все развелись. Артур женился на Дине, Патрик получил опеку над двенадцатилетней Шарлоттой, и все они продолжили дружеские отношения. Говорю вам, это неестественно. — Хэнк отставил свой бокал. — Естественно было бы возненавидеть друг друга.

— А вы уверены, что между ними не было ненависти?

— Думаю, они могли скрывать ее. Возможно, через пять лет после развода Патрик Дион выследил свою бывшую жену и ее нового мужа, вошел за ними в ресторан и в приступе ярости расстрелял их. Однако Марк Мэллори поклялся мне, что все сохраняли дружеские отношения. А ведь из-за этого массового убийства он потерял своего отца.

— А как насчет матери Марка? Она тоже была счастлива, что ее муж ушел к другой женщине?

— Мне так и не удалось поговорить с Барбарой Мэллори. За год до массового убийства у нее случился инсульт. В тот день, когда исчезла Шарлотта, она была в реабилитационной больнице. А через месяц умерла. Еще одна невезучая семья. — Букхольц махнул бармену. — Эй, мне нужно повторить еще раз!

— Э-э-э… а вы сюда на машине приехали, Хэнк? — нахмурилась Джейн, глядя на его бокал.

— Да все нормально. Обещаю, пью последний.

Бармен поставил на стойку еще один скотч, и Букхольц просто уставился на него, словно сейчас его способно было удовлетворить одно лишь присутствие выпивки.

— Ну вот, в двух словах это вся история, — подытожил он. — Шарлотта Дион была семнадцатилетней красавицей блондинкой. Уезжая из школы-интерната, она жила у своего богатого папочки. У нее было все, и вдруг — раз! Девочку похищают на улице. Мы просто до сих пор не

нашли ее останков. — Букхольц поднял бокал со скотчем. На этот раз рука у него не тряслась. — Жуткая эта штука — жизнь.

— И смерть.

Рассмеявшись, он глотнул из бокала.

— Совершенно верно.

— А есть ли у вас какие-нибудь мысли о другой пропавшей девочке? О Лоре Фан?

— Это дело Седлака, пусть земля ему будет пухом. Но я просматривал его в связи с «Красным фениксом». И не обнаружил ничего, что навело бы на мысль о сходстве этих двух похищений. Думаю, Шарлотту внезапно увидели и украли. С Лорой — другая история. Это случилось после занятий в школе, когда она шла домой. Ее одноклассница видела, как Лора добровольно села в чью-то машину, будто бы знала водителя. Однако номеров никто не запомнил, а девочку с тех пор больше не видели. Еще одно так и не обнаруженное тело. — Отставной детектив поглядел на бутылки, выстроившиеся в ряд позади стойки. — Это заставляет задуматься о том, сколько скелетов валяется в лесах и на мусорных свалках. В нашей стране пропадают миллионы людей. Все эти кости... Я могу смириться с мыслью, что однажды умру, только в том случае, если на моей могиле поставят хороший памятный камень, свидетельствующий о том, что там лежу именно я. А вот чтобы меня так никогда и не нашли... Закончить жизнь в зарослях каких-нибудь сорняков? Это словно ты и не существовал вовсе. — Хэнк пожал плечами. — Так или иначе, дело Шарлотты Дион я в двух словах изложил. Вам это пригодится?

— Не знаю. Пока это всего-навсего кусочек очень сложной мозаики. — Джейн махнула бармену. — Можно мне счет?

— Да ни за что, — возмутился Букхольц.

— Вы уже оказали мне услугу, рассказав о Шарлотте.

— Я все равно постоянно сижу здесь. На этом месте, в этом баре. Вы знаете, где меня найти. — Хэнк поглядел на ее звонящий телефон. — Вижу, вы девчонка нарасхват. Счастливая!

— Это зависит от того, кто звонит. Детектив Риццоли, — ответила Джейн в трубку.

— Мне жаль, что пришлось сделать этот звонок, — сказал мужской голос, который, похоже, и в самом деле говорил весьма неохотно. — Полагаю, вы начальница детектива Таня?

— Да, мы работаем вместе.

— Я звоню от имени всех родственников погибших. Нам не хотелось бы иметь дело с детективом Танем. Ему удалось огорчить всех нас, особенно бедняжку Мэри Гилмор. Прошло столько лет, зачем нас снова вынуждают отвечать на все эти вопросы?

Джейн провела по волосам, с ужасом думая о разговоре, который ей придется провести с младшим коллегой. «Ты государственный служащий, а потому ни в коем случае не должен докучать гражданам».

— Прошу прощения, сэр, — проговорила она в трубку. — Я не разобрала вашего имени.

— Патрик Дион.

Джейн выпрямилась. И посмотрела на Букхольца, с явным интересом следившего за разговором. Раз уж стал копом, останешься им на всю жизнь.

— Дина Мэллори — ваша бывшая жена? — осведомилась Риццоли.

— Да. Очень болезненно вспоминать, как она умерла.

— Я понимаю, как вам сложно, господин Дион. Но детектив Тань вынужден задавать вопросы.

— Дина погибла девятнадцать лет назад. Никогда не было ни малейших сомнений в том, кто именно ее убил. Почему эта тема всплыла снова?

— Я не вправе обсуждать это. Дело касается…

— Да, я знаю. Дело касается «текущего расследования». Именно это и сказал детектив Тань.

— Он был прав.

— Марк Мэллори в ярости, а Мэри Гилмор и ее дочь ужасно расстроены из-за этого. Сначала нам присылают по почте записки, а теперь звонит детектив Тань. Нам очень хотелось бы знать, почему все это происходит.

— Прошу прощения, — с трудом вставила Джейн. — О каких записках идет речь?

— Это продолжается, наверное, уже шесть или семь лет. Каждый год тридцатого марта в наших почтовых ящиках появляются записки, словно мрачные напоминания о годовщине.

— И о чем же говорится в записках?

— Я всегда получаю копию Дининого некролога. А на обратной стороне кто-то пишет: «Неужели вы не хотите узнать правду?»

— Вы сохранили эти записки?

— Да, Мэри тоже свои сохранила. Вот только Марк до того разозлился, что выкинул их.

— Кто рассылает их? Вы не знаете?

— Предполагаю, что они приходят от человека, который разместил объявление в «Глоуб». От этой Айрис Фан.

— А зачем госпоже Фан делать такие вещи?

На том конце провода повисла долгая пауза.

— Мне не хотелось бы говорить дурное о госпоже Фан. Она потеряла мужа и, я знаю, тоже очень страдала. Мне жаль ее. Но, кажется, тут все предельно ясно.

— Что ясно?

— Эта женщина безумна, — проговорил Патрик.

12

Когда в дверь позвонили, Маура уже успела накрыть стол и поставить в духовку ножку ягненка. Всем известно, что у мальчиков-подростков обычно хороший аппетит, поэтому Маура купила черничный и яблочный пироги, запекла четыре картофелины и очистила штук пять кукурузных початков. А ест ли мальчик салат? Маура понятия не имела. В те отчаянно голодные дни, которые они прожили вместе в диких местах Вайоминга, они с Крысом умудрялись питаться тем, что удавалось достать. Маура видела, как мальчик поглощал собачьи галеты, фасоль из консервных банок и древесную кору. Наверняка он не станет воротить нос от салата латука, а витамины ему, пожалуй, очень нужны. Когда в январе она видела его в последний раз, Крыс был бледным и тощим, и сегодня Маура готовила для того недокормленного парнишки. Вне зависимости от того, как пройдет эта неделя, думала она, мальчик ни за

что не уедет из моего дома голодным. Только к этому Маура могла подготовиться, только эту деталь она могла полностью контролировать.

А вот все остальные детали первого визита паренька в ее дом были окутаны неизвестностью.

Джулиану «Крысу» Перкинсу Маура была обязана жизнью, но при этом она едва знала мальчика, а он почти не знал ее. Бок о бок они старались выжить, а ведь вряд ли есть связь теснее, чем отношения между двумя людьми, вместе глядевшими в лицо смерти. И вот скоро они узнают, выдержит ли эта связь серьезную проверку недельного общения в цивилизованных условиях.

Когда раздался звонок в дверь, Маура вытерла руки кухонным полотенцем и, ощущая, как сильно вдруг заколотилось сердце, поспешила в прихожую. Успокойся, он ведь всего-навсего мальчик, мысленно приказала она себе, открывая дверь. И чуть было не упала — огромная черная собака, радостно подскочив, поставила передние лапы ей на грудь.

— Волк! Фу, малыш! — крикнул Крыс.

Пес смачно и радостно лизнул ее лицо, и Маура рассмеялась. Собака снова опустилась на четыре лапы и, завиляв хвостом, залаяла. Маура улыбнулась пареньку — тот явно был в ужасе от безобразного поведения своего четвероногого друга.

— Ну? — проговорила Маура. — Может быть, ты тоже меня обнимешь?

— Здравствуйте, мэм, — вымолвил он и неуклюже обвил ее своими длинными руками.

Маура поразилась тому, насколько крупнее стал мальчик, как много мышц появилось на его теле с момента их последней встречи. Неужели паренек умудрился так вырасти всего за несколько месяцев?

— Я скучала по тебе, Крыс, — пробормотала она. — Я скучала без вас обоих.

По ступенькам крыльца заскрипели шаги, и паренек тут же отстранился от Мауры, точно стеснялся этих объятий. Маура поглядела на человека, возникшего за спиной у Крыса. Обычно Энтони Сансоне казался зловещим — мужчина внушительной комплекции, с таинственным выражением лица, — но в этот сумрачный вечер на его лице была улыбка. Он опустил на крыльцо рюкзак Крыса.

— Возьми, Джулиан, — сказал он.

— Спасибо, что привезли его в Бостон, — поблагодарила Маура.

— Я сделал это с удовольствием, Маура. У нас была возможность поговорить. — Сансоне умолк, пристально разглядывая ее лицо. Похоже, он, как обычно, видел слишком многое. — Мы давно не говорили. А как ваши дела?

— Все хорошо. Много работы. — Она выдавила улыбку. — У меня никогда не бывает перебоев с клиентами. Не хотите ли зайти ненадолго?

Мужчина посмотрел на паренька, который переводил взгляд с одного взрослого на другого и с большим интересом слушал их разговор.

— Нет, вам с Джулианом нужно многое рассказать друг другу. Надеюсь, у вас получится прожить вдвоем эту неделю?

— В понедельник и вторник мне придется пойти на работу, а вот со среды у меня будет несколько выходных. Мы погуляем по городу.

— Тогда я заеду за тобой в следующую субботу, Джулиан, — пообещал Сансоне, протягивая мальчику руку.

Мужчина и паренек обменялись рукопожатием. До странности официальное прощание, но в случае с этими людьми оно казалось абсолютно естественным и предсказуемым. Крыс подождал, пока Сансоне вернется в машину и двинется прочь. Только после этого он обернулся к Мауре.

— Мы говорили о вас, — признался он. — Когда ехали сюда.

— Надеюсь, что-нибудь хорошее?

— Думаю, вы ему нравитесь. Очень. — Крыс подхватил свой рюкзак. — Только он странноватый.

«Некоторые могут и о тебе сказать нечто подобное, — подумала Маура, глядя на паренька. — О нас обоих». Она приобняла Крыса и почувствовала, как он вздрогнул от этого непривычного проявления любви. Слишком уж долго паренек, словно дикое животное, рыскал по горам Вайоминга, однако и сейчас Маура видела в его глазах тоску брошенного ребенка. Мир был не слишком добр к Джулиану Перкинсу, и ему понадобится время, чтобы вновь поверить человеческому существу.

Они вошли в дом. Парнишка оглядел гостиную.

— А куда подевался Волк?

— Думаю, он уже располагается. Наверняка успел найти угощение на кухне.

Именно там они и нашли пса — Волк жадно поглощал обрезки ягнятины, которые Маура сложила в керамическую собачью миску. У нее никогда не было собаки, а потому миску она купила накануне, равно как огромную собачью кровать, поводок, порошок от блох и несколько консервных банок с кормом, которые теперь стояли в кладовке. Волк всюду следовал за пареньком, а это означало, что нынешнюю неделю ей придется провести с двумя загадочными существами — псом и подростком. В духовке зашипел жир, капавший с ягнятины, и Маура заметила, что паренек задрал нос, словно зверь, учуявший поживу.

— Ужин будет готов через час. Пойдем я покажу твою комнату. А где твой чемодан? — спросила Маура, неодобрительно поглядев на рюкзак Джулиана.

— Я привез только это.

— Тогда, похоже, нам с тобой придется отправиться за одеждой.

— Да нет, мне ничего такого не нужно, — возразил Крыс, когда они шли по коридору. — В школе все ходят в форме.

— Вот твоя комната.

Волк первым вбежал внутрь, но мальчик застыл в дверях, словно сомневаясь: вдруг здесь какая-то ошибка? Внезапно Маура поняла, насколько дурацкой, наверное, казалась эта обставленная женщиной комната мальчику и собаке. Неохотно перешагнув через порог, Крыс оглядел белое одеяло, вазу со свежесрезанными цветами, украшавшую комод, и бледно-зеленый турецкий ковер. Паренек ничего не тронул, словно все это были музейные экспонаты, которые он боялся сломать. Он осторожно поставил рюкзак в уголок.

— Как дела в школе? — поинтересовалась Маура.

— Нормально. — Опустившись на корточки, мальчик расстегнул рюкзак и достал оттуда аккуратно свернутую одежду — две рубашки, свитер и брюки.

— Так значит, ты доволен школой Вечерни? Тебе там нравится?

— Она отличается от моей прежней школы. Там ко мне хорошо относятся. — Это замечание прозвучало по-деловому, без всякой жалости к себе, но оно давало понять, насколько мучительной когда-то была его жизнь.

Маура читала вайомингское дело парнишки, а потому знала о его драках в школьном дворе, о том, как Крыса обзывали из-за поношенной одежды и распавшейся семьи. Очень многие люди — от соцработника до психолога — предупреждали Мауру, что это очень трудный мальчик и что, если она впустит его в свою жизнь, ей наверняка придется пожалеть. И вот, наблюдая за тем, как «трудный мальчик» спокойно распаковывает свою одежду и аккуратно вешает ее в шкаф, она подумала: «Слава Богу, что я их не послушала. Никого не послушала».

— А в школе у тебя появились друзья? — спросила она. — Тебе другие ребята нравятся?

— Они очень похожи на меня, — ответил Крыс. Выдвинув один из ящиков комода, парнишка сложил туда носки и нижнее белье.

Маура улыбнулась.

— То есть они особенные?

— У них тоже нет родителей.

Для Мауры это было новостью. Когда Сансоне сказал, что хочет предложить мальчику обучение в школе Вечерни, он обратил особое внимание на академические достоинства заведения, загородный кампус, международный преподавательский состав и отличную библиотеку. Однако ни словом не обмолвился о том, что это школа для сирот.

— Ты уверен? — спросила она. — Наверняка есть родители, которые приезжают навестить учеников.

— Иногда я вижу тетушек и дядюшек. Но никогда не встречался с чьими-нибудь мамами и папами. Он говорит, что мы теперь друг для друга родня.

— Он?

— Господин Сансоне. — Задвинув ящик комода, Крыс обернулся к Мауре. — Он постоянно спрашивает о вас.

Маура почувствовала, что краснеет, и сосредоточила внимание на Волке — пес перекатывался туда-сюда по собачьей кровати, привыкая к новому предмету роскоши.

— И что же он спрашивает?

— Пишете ли вы мне письма, приедете ли когда-нибудь в школу, не хотите ли преподавать у нас.

— В школе Вечерни? — Маура покачала головой. — Я не уверена, что старшим школьникам нужен курс судебной медицины.

— Но мы изучаем много крутых вещей. В прошлом месяце госпожа Соул показывала нам, как соорудить римскую катапульту. А мне позволили провести урок о следах животных, потому что я много о них знаю. Мы даже препарировали коня.

— Неужели?

— Он сломал ногу, и его пришлось усыпить. Мы вскрыли его, чтобы изучить органы.

— И ты не расстроился из-за этого?

— Я свежевал оленя. И знаю, как выглядят мертвецы.

Да, ты знаешь, мысленно согласилась Маура. В Вайоминге ты видел истекающего кровью человека. Маура задумалась: а может, мальчик тоже, как и она сама, в ужасе просыпается по ночам, мучимый воспоминаниями о том, что им обоим пришлось пережить в горах? Раскладывая на комоде учебники и относя в ванную зубную щетку, Джулиан казался спокойным и сдержанным, словно все его эмоции были заперты на замок. «Он похож на меня куда больше, чем я готова признать», — заключила про себя Маура.

На кухне зазвонил ее мобильный.

— Можно мне выйти во двор и осмотреться? — спросил парнишка.

— Иди. А я пока отвечу на звонок.

Маура вошла в кухню и вынула из своей сумочки сотовый телефон.

— Доктор Айлз, — проговорила она в трубку.

— Это детектив Тань. Прошу прощения, что беспокою в выходные.

— Ничего страшного, детектив. Чем могу помочь?

— Я просто подумал: а вдруг вы согласитесь высказать свое мнение по одному старому делу об убийстве? Эта история — стрельба в одном ресторане Чайна-тауна — произошла девятнадцать лет назад. Там было пять убитых. В свое время ее назвали суицид-убийством.

— Почему вы заинтересовались событием, произошедшим девятнадцать лет назад?

— Возможно, оно имеет отношение к нашей неизвестной с крыши. Вероятно, именно из-за этой истории она приехала в китайский квартал. Похоже, погибшая разыскивала людей, которые знали о стрельбе в ресторане.

— И что же все-таки вам нужно от меня?

— Чтобы вы ознакомились с отчетами о вскрытии тех пяти убитых, особенно стрелка, и сказали нам, согласны ли вы с выводами. Патологоанатом, проводивший вскрытия, уже не работает в бюро судмедэкспертизы, так что я не могу его расспросить.

Через кухонное окно Маура видела, как Крыс и его пес нарезают круги по двору, словно пытаясь найти выход — возможность вырваться в большой мир. Этот мальчик был создан для диких мест.

— Я занята на этой неделе, — проговорила она в трубку. — Вы могли бы попросить об этом, например, доктора Бристола.

— Но я очень надеялся…

— Да?

— Мне хотелось бы услышать ваше мнение, доктор Айлз. Я знаю, вы всегда говорите как есть, вне зависимости от обстоятельств. Я доверяю вашим суждениям.

Эта фраза поразила Мауру, потому что рядовые сотрудники Бостонского ПУ такого мнения теперь не придерживались. Она вспомнила пристальные взгляды и ледяное молчание, которые ей приходилось терпеть от полицейских всю прошлую неделю. А также прочие их поступки, заставлявшие ее чувствовать себя врагом.

— Сегодня вечером я дома, — сообщила она. — Вы можете завезти документы в любое удобное время.

Когда Волк начал лаять у входной двери, было уже начало десятого. Маура открыла дверь и увидела на пороге детектива Таня. Гость и пес две-три секунды настороженно оглядывали друг друга, но потом Волк, несколько раз изучающе обнюхав визитера, помчался назад в комнату — таким образом он выразил свое одобрение и разрешение пустить незнакомца. Тань передвигался с той же сдержанной энергией, которую Маура заметила во время их первой встречи в китайском квартале. Он остановился в прихожей и, услышав звук включенного душа, встревоженно повернул голову в сторону ванной. Детектив ни о чем не спросил, но Маура заметила вопросительное выражение в его глазах.

— Ко мне приехал гость на неделю, — объяснила она.

— Прошу прощения, что беспокою вас в выходные. — Тань протянул ей стопку отксерокопированных страниц. — Здесь все пять отчетов о вскрытии, а также полицейский отчет детективов Ингерсолла и Стейнса.

— Ого! Похоже, вам пришлось попотеть с этими бумагами.

— Это мое первое дело об убийстве. Стараюсь, как любой новичок, понимаете? — Детектив вынул из кармана флешку. — Мне не позволили взять оригиналы из бюро судмедэкспертизы, поэтому я отсканировал для вас все фотографии и рентгеновские снимки. Я понимаю, работы здесь полно, и прошу прощения, что сваливаю ее на вас.

Кладя флешку на ладонь Мауры, он смотрел на коллегу в упор, словно хотел подчеркнуть, как это важно для него и насколько сильно он ей доверяет.

Маура вспыхнула от прикосновения и поглядела на флешку.

— Пока вы не уехали, давайте проверим, открываются ли эти файлы на моем компьютере, — предложила она.

Хозяйка и гость отправились в кабинет, и, пока Маура загружала свой ноутбук, Тань разглядывал собаку. Пес последовал за ними и теперь сидел у ног детектива, наблюдая за незнакомым визитером.

— Что это за порода? — поинтересовался Тань.

— Понятия не имею. Возможно, помесь овчарки с волком или хаски. Это собака моего гостя.

— Вы замечательная хозяйка, раз позволяете гостям привозить своих собак.

— Этому псу я обязана жизнью. Лично я готова пустить его куда угодно. — Маура вставила флешку в компьютер. Через мгновение на мониторе возникла целая серия миниатюрных изображений. Она щелкнула по первому снимку, и на экране появилась жуткая картина — обнаженное женское тело на секционном столе. — Похоже, они прекрасно открываются. Не могу точно пообещать, когда я просмотрю их, но скажу сразу — до следующей недели я не успею.

— Я очень благодарен вам, доктор Айлз.

Маура выпрямилась и поглядела на гостя.

— Доктор Бристол и доктор Костас — прекрасные патологи. Их суждениям тоже можно доверять. Вы не пошли к ним по какой-то особой причине?

Тань замер, повернувшись в сторону ванной, где только что выключили душ.

— Детектив, вы слышите? — спросила Маура.

— Полагаю, вы знаете, что сейчас о вас говорят, — неохотно ответил молодой человек. — Из-за суда над Уэйном Граффом и всего прочего.

У нее на скулах выступили желваки.

— Не сомневаюсь, что ничего хорошего.

— Возможно, блюстители порядка справедливы, но справедливость эта особая. Она не любит критики.

— Даже если критика оправданна, — с горечью добавила Маура.

— Вот поэтому я и пришел к вам. Я знаю: вы скажете правду.

Тань посмотрел ей в глаза — прямо и решительно. В день их первой встречи в Чайна-тауне Маура сочла этого человека непонятным — она не знала, как именно он относился к ней. На его лице и теперь было то же бесстрастное выражение, но сейчас Маура понимала: это всего лишь маска, сквозь которую она еще не научилась смотреть. В этом человеке таилось много неведомого, и она задумалась: а позволяет ли Тань хоть кому-нибудь заглядывать под эту маску?

— Что, по-вашему, я должна найти в отчетах? — осведомилась Маура.

— Возможно, какие-нибудь противоречия. Что-то, что не увязывается или даже вовсе лишено смысла.

— С чего вы взяли, что там есть такое?

— Не успели Стейнс и Ингерсолл ступить на место происшествия — и дело тут же обозвали суицид-убийством. Я прочитал их отчет — других версий они не исследовали. Проще всего было списать это дело на сумасшедшего китайского иммигранта, который устроил стрельбу в ресторане, а затем убил себя.

— А вы не считаете это суицид-убийством?

— Я не знаю. Но спустя девятнадцать лет это дело странным образом напоминает о себе. В портативном навигаторе нашей неизвестной с крыши было два адреса. Первый — частный дом детектива Ингерсолла. Второй — студия Айрис Фан, вдовы одного из убитых в ресторане. Погибшая явно интересовалась делом «Красного феникса». А почему — мы не знаем.

Вдруг заскулила собака, и Маура обернулась. В дверях стоял Крыс; его волосы еще не высохли после душа. Он пристально глядел на фотографию из секционного зала, которая отображалась на мониторе. Маура быстро свернула программу, и неприятное изображение исчезло.

— Джулиан, это детектив Тань, — представила Маура. — А это мой гость, Джулиан Перкинс. Он учится в Мэне, а сюда приехал на весенние каникулы.

— Так значит, это вы — владелец страшной собаки, — догадался Тань.

Парнишка продолжал всматриваться в монитор, будто по-прежнему видел на нем фотографию.

— Кто она? — тихо спросил Крыс.

— Просто мы обсуждаем одно дело, — пояснила Маура. — Почти закончили. Почему бы тебе не посмотреть телевизор?

Тань выждал, когда из гостиной донесутся звуки включенного телевизора, а затем сказал:

— Жаль, что он увидел фотографию. Такое не стоит показывать детям.

— Я просмотрю документы, когда у меня будет время. Но придется немного подождать. Спешки нет, я полагаю?

— Хорошо бы немного продвинуться в деле неизвестной.

— История с «Красным фениксом» произошла девятнадцать лет назад, — ответила Маура, выключая ноутбук. — Уверена, с этим можно еще немного повременить.

13

Я еще не вижу его, но уже знаю, что он вошел в мою студию. О его прибытии возвестил свист влажного ночного воздуха, ворвавшегося в помещение, когда открывалась и закрывалась дверь. Я не прерываю упражнения, чтобы поприветствовать его, и продолжаю крутиться и размахивать оружием. В широком зеркале я вижу: детектив Фрост

завороженно наблюдает за тем, как сабля поет в моих руках. Сегодня я чувствую в себе силу — мои руки и ноги так же проворны, как в молодости. Каждое движение, каждый поворот, каждый взмах клинка продиктован одной из строк старинного сонета.

Достичь семи звезд, чтобы управлять тигром.

Парить, кружась и уклоняясь, как парят духи.

Стать белым журавлем,

Раскрыть, подобно ему, крылья

И резко выбросить ногу.

Дует ветер,

И трепещет цветок лотоса.

Все движения очень привычны для меня — одно переходит в другое. Мне не нужно думать о них, потому что тело овладело ими точно так же, как умением ходить или дышать. Моя сабля кружится и наносит удары, а я думаю о полицейском и о том, что скажу ему.

Я дохожу до последней строки сонета: «Феникс возвращается в свое гнездо». Я вытягиваюсь в струнку, мое оружие опускается, а пот холодит лицо. И только теперь я оборачиваюсь к нему.

— Это было прекрасно, госпожа Фан, — восхищенно округлив глаза, говорит детектив Фрост. — Похоже на танец.

— Упражнение для начинающих. Помогает мне спокойно завершить день.

Взгляд полицейского опускается на оружие, которое я держу в руках.

— Это настоящая сабля?

— Ее имя — Чжен И. Она досталась мне от прапрабабки.

— Должно быть, она действительно старая.

— И к тому же проверена в бою. Она предназначалась для сражений. Если не тренироваться с боевой саблей, ни за что не научишься справляться с ее весом и не узнаешь, как она ощущает себя в твоей руке. — Я дважды молниеносно разрубаю воздух, и детектив в изумлении

отступает назад. Я с улыбкой передаю ему оружие. — Возьмите ее. Ощутите ее вес.

Фрост колеблется, будто сабля может ударить током. Затем осторожно обхватывает рукоять и неуклюже взмахивает оружием в воздухе.

— Для меня это как-то неестественно, — признается он.

— Да?

— Баланс кажется непривычным.

— Потому что это не простая церемониальная сабля, а настоящая дао. Подлинная китайская сабля. Ее форма называется ивовый лист. Видите, как она изогнута по всей длине клинка? Это традиционное поясное оружие солдат времен династии Мин.

— Когда это было?

— Около шестисот лет назад. Чжен И была сделана в провинции Ганьсу во время одной из войн. — Я умолкаю, а затем добавляю с сожалением: — Увы, в старом Китае война часто бывала обычным делом.

— Значит, эта сабля видела настоящий бой?

— Я уверена, что видела. Когда я держу ее, я чувствую, что старые сражения все еще поют в клинке.

Фрост смеется.

— Если на меня когда-нибудь нападут в темном переулке, госпожа Фан, я бы хотел, чтобы вы оказались рядом.

— Так пистолет-то у вас. Разве не вы должны были бы защищать меня?

— Не сомневаюсь, вы и сами с этим прекрасно справитесь.

Детектив возвращает мне саблю. Я замечаю, что он нервничает из-за близости бритвенно-острого лезвия. Я с поклоном забираю оружие и смотрю на него в упор. Моя прямота заставляет его вспыхнуть. Для полицейского, особенно для закаленного детектива, занимающегося расследованием убийств, такая реакция удивительна. Однако в этом человеке есть неожиданная кротость, восприимчивость, которая внезапно напоминает мне о муже. Детективу Фросту примерно столько же лет, сколько было Джеймсу, когда он погиб, и на лице полицейского я вижу смущенную улыбку мужа, снова ощущаю его природное стремление угодить.

— Вы хотите еще о чем-то расспросить меня, детектив?

— Да. Это касается дела, о котором мы не знали, когда говорили с вами в прошлый раз.

— И что же это?

Похоже, ему не очень-то хочется озвучивать свою мысль. И я уже вижу извинение в его взгляде.

— Дело касается вашей дочери. Лоры.

Упоминание о дочке — как сильный удар в грудь. Я не ожидала его, а потому даже покачнулась.

— Мне очень жаль, госпожа Фан, — говорит он, протягивая руку, чтобы поддержать меня. — Я знал, что это расстроит вас. Как вы? Может, вам присесть?

— Просто… — Я оцепенело качаю головой. — Я с утра ничего не ела.

— Может, вам стоит поесть? Давайте я отведу вас куда-нибудь.

— Возможно, нам лучше поговорить в другой день.

— Мне нужно задать всего несколько вопросов. — Фрост умолкает. А затем тихо добавляет: — Я и сам еще не ужинал.

На мгновение его слова повисают в воздухе. Это пробный шар. Моя рука еще крепче сжимает рукоять сабли — это подсознательная реакция на ситуацию, чреватую неопределенностью. Во всякой опасности кроется благоприятная возможность. Фрост — полицейский, но я не вижу в нем ничего подозрительного. Всего-навсего внимательный мужчина с добрым лицом. И мне отчаянно хочется знать, почему он спрашивает о Лоре.

Я убираю Чжен И в ножны.

— На Береговой улице есть пельменная.

Фрост улыбается, и это невероятно сильно меняет его лицо. Теперь он кажется гораздо моложе.

— Я знаю это место.

— Я только надену плащ, и пойдем.

Мы бредем по улице под мелким весенним дождем, но тактично держимся на расстоянии друг от друга. Я взяла с собой Чжен И — сабля слишком ценна, чтобы оставлять ее в студии. К тому же она всегда защищала меня ото всех невидимых угроз. Даже в этот моросливый вечер китайский квартал многолюден — улицы переполнены гостями, желающими поужинать жареной уткой или рыбой, тушенной в имбирном соусе. Пока мы движемся по улице, я стараюсь сосредоточиться на том, что вокруг, на прохожих с незнакомыми лицами. Но разговорчивый и неудержимый детектив Фрост постоянно отвлекает меня.

— Это мое любимое место в Бостоне, — говорит он, разводя руки так, словно хочет обнять Чайна-таун и всех его жителей. — Здесь лучшая еда, лучшие рынки и самые интересные переулочки. Я всегда любил приходить сюда.

— Даже если приезжали взглянуть на мертвеца?

— Да нет, конечно, — отвечает он, грустно усмехаясь. — Но в этом районе есть нечто такое… Порой мне кажется, что здесь мне самое место. Словно бы я чисто случайно не родился китайцем.

— Ах, вот как. Вы считаете, что перевоплотились.

— Да. И стал типичным американцем из Южного Бостона. — Он смотрит на меня; его влажное лицо немного поблескивает. — Вы говорили, что приехали с Тайваня.

— Вы бывали там?

Он печально качает головой.

— Я путешествовал не так много, как хотелось бы. Правда, медовый месяц я провел во Франции.

— А чем занимается ваша жена?

Затянувшаяся пауза заставляет меня посмотреть в его сторону, и я вижу, что Фрост опустил голову.

— Учится в юридической школе, — тихо отвечает детектив. А через некоторое время добавляет: — Мы развелись. Прошлым летом.

— Мне очень жаль.

— Боюсь, год выдался не слишком удачным, — признается он, но потом вдруг вспоминает, кому говорит это. Женщине, потерявшей мужа и дочь. — Впрочем, жаловаться мне не на что.

— Одиночество — штука непростая. Но я уверена: вы найдете кого-нибудь еще.

Фрост смотрит на меня, и я замечаю боль в его глазах.

— И все-таки вы не вышли замуж во второй раз, госпожа Фан.

— Нет, не вышла.

— Хотя желающие наверняка были.

— Как можно заменить любовь всей своей жизни? — просто отвечаю я. — Джеймс — мой муж. И всегда будет моим мужем.

С минуту он переваривает это. А потом говорит:

— Я всегда думал, что любовь должна быть именно такой.

— Она и есть такая.

Его глаза неестественно вспыхивают, когда он смотрит на меня.

— Но лишь для некоторых из нас.

Мы подходим к пельменной с запотевшими от пара окнами. Фрост быстро шагает вперед, чтобы открыть мне дверь, и это джентльменское поведение кажется мне забавным, поскольку смертоносную саблю несу именно я. Тесный зал заведения переполнен, и лишь везение помогает нам занять последний свободный столик в уголке у окна. Я вешаю саблю на спинку стула и снимаю плащ. С кухни доносятся соблазнительные ароматы чеснока и паровых пельменей — аппетитные напоминания о том, что я не ела с самого завтрака. Из-за кухонных дверей выносят блюда, на которых поблескивают пельмени со свининой, креветками или рыбой; за соседним столом, постукивая палочками о тарелки, какое-то семейство так громко говорит на кантонском, что со стороны это кажется ссорой.

Просмотрев длинное меню, Фрост, похоже, приходит в замешательство.

— Может быть, вы закажете что-нибудь для нас обоих?

— Есть ли пища, которую вы не станете есть?

— Я съем все что угодно.

— Возможно, вам придется пожалеть об этих словах. Потому что мы, китайцы, в самом деле едим *все*.

Он с радостью принимает вызов.

— Удивите меня.

Когда официантка приносит блюдо с закусками — холодными медузами, куриными лапками и маринованными свиными ножками, — его палочки замирают над этим диковинным набором, но потом он все-таки откусывает кусочек от полупрозрачного свиного хряща. Я наблюдаю за тем, как его глаза округляются от восторга — он сделал открытие.

— Это потрясающе!

— Вы раньше никогда не пробовали их?

— Думаю, раньше я не был особенно смелым, — признается Фрост, вытирая с губ масло чили. — Зато сейчас пытаюсь измениться.

— Почему?

Он замирает в задумчивости; между его палочками зажат кусочек медузы.

— Думаю… думаю, я просто старею, понимаете? И начинаю осознавать, что на самом деле мало чего в жизни пробовал. А ведь осталось не так много времени, чтобы все успеть.

«Старею». Я не могу сдержать улыбки, потому что я почти на два десятилетия старше, чем он, и детектив наверняка считает меня старухой. Но при этом смотрит на меня совсем не так. Я замечаю, что Фрост разглядывает мое лицо, а когда я бросаю ответный взгляд, щеки детектива внезапно вспыхивают. Точно так же вел себя мой муж на нашем первом свидании, весенним вечером, занавешенным густым туманом, очень похожим на сегодняшний. «Ах, Джеймс, — думаю я, — мне кажется, этот молодой человек понравился бы тебе. Он совсем как ты».

Приносят пельмени — мягкие подушечки, наполненные свининой и креветками. Я с удивлением наблюдаю, как тяжело Фросту подхватить скользкое лакомство, и в конце концов он просто начинает гонять его палочками по тарелке.

— Это любимые пельмени моего мужа. Он мог съесть сразу с десяток. — Я улыбаюсь, вспоминая. — Он даже хотел поработать здесь целый месяц без всякой оплаты, если ему скажут рецепт.

— А на Тайване он тоже занимался ресторанным делом?

Этот вопрос заставляет меня взглянуть на Фроста в упор.

— Мой муж изучал китайскую литературу. Он происходил из длинной династии ученых. Поэтому — нет, он не занимался ресторанным делом. Он работал официантом, чтобы выжить.

— Я этого не знал.

— Проще всего предположить, что официант перед вами — всего лишь официант, а продавец продуктового магазина — всего-навсего продавец. Однако в Чайна-тауне так не получится. Помните тех убогих старичков, что играют в шашки у ворот со львами? Некоторые из них — миллионеры. А вон та женщина, что сидит за кассовым аппаратом, — она родом из семьи имперских генералов. Здесь люди совсем не те, кем они кажутся, так что не стоит их недооценивать. В Чайна-тауне этого делать не надо.

Фрост пристыженно кивает.

— Не буду. Особенно сейчас. Прошу прощения, госпожа Фан, если я недостаточно уважительно говорил о вашем муже.

Его извинение кажется абсолютно искренним — еще одна причина поражаться этому человеку.

Я откладываю палочки и смотрю на детектива. Насытившись, я наконец чувствую силы обратиться к предмету, который довлел над нами во время ужина. Шумное семейство, сидевшее за соседним столом, наконец встает, скрипя ножками стульев и разражаясь громким хором кантонских фраз. Когда они выходят за дверь, в зале внезапно устанавливается тишина.

— Вы пришли расспросить меня о дочери. Почему?

Он отвечает не сразу — вытирает руки и аккуратно складывает салфетку.

— Вы когда-нибудь слышали такое имя — Шарлотта Дион?

Я киваю.

— Она была дочерью Дины Мэллори.

— Вы знаете о том, что произошло с Шарлоттой?

— Детектив Фрост, — вздыхая, говорю я, — мне пришлось пережить все эти события, так что они навеки отпечатались вот здесь. — Я дотрагиваюсь до головы. — Я знаю, что госпожа Мэллори была замужем и раньше, за человеком по имени Патрик Дион, и у них была дочь Шарлотта. Через несколько недель после массового убийства она исчезла. Да, я знаю всех погибших и их родственников, потому что я одна из них. — Я смотрю вниз, на блестящую от жира тарелку. — Я никогда не встречалась с господином Дионом, но когда исчезла его дочь, я послала ему открытку с соболезнованиями. Я не знаю, была ли ему по-прежнему дорога бывшая жена и оплакивал ли он ее гибель. Но я прекрасно понимаю, что значит потерять ребенка. Я сообщила ему, что мне ужасно жаль. Написала, что понимаю его боль. Но он так и не ответил. — Я снова перевожу взгляд на Фроста. — Поэтому — да, я знаю, зачем вы спрашиваете о Шарлотте. Вы мучаетесь тем же вопросом, каким задавались все. Даже я сама. Неужели наши семьи действительно прокляты? Сначала исчезает моя Лора, а потом, спустя два года, его Шарлотта. Наши семьи связаны тем, что случилось в «Красном фениксе», и потерей дочерей. Вы не первый полицейский, который расспрашивает меня об этом.

— Полагаю, детектив Букхольц задавал те же вопросы.

Я киваю.

— Он приходил ко мне, когда пропала Шарлотта. Спрашивал, были ли знакомы наши девочки. Отец Шарлотты очень богат, а потому ей уделялось много внимания. Куда больше, чем моей Лоре.

— В своем отчете Букхольц упомянул, что и Лора, и Шарлотта занимались музыкой.

— Моя дочь играла на скрипке.

— А Шарлотта играла на альте в школьном оркестре. Может быть, они встречались? Например, на музыкальном мастер-классе?

Я качаю головой.

— Мы уже неоднократно изучали этот вопрос вместе с полицией. Кроме музыки, у девочек не было ничего общего. Шарлотта училась в частной школе. А мы жили здесь, в Чайна-тауне. — Мой голос затихает, и я сосредоточиваю внимание на соседнем столике, за которым сидит молодая китайская семья с маленькими детьми. На высоком стуле устроилась девочка; ее волосы забраны в маленькие хвостики, которые

смотрят вверх, словно острые рожки чертика. Когда Лоре было три года, я причесывала ее точно так же.

Официантка приносит счет. Я тянусь за ним, но Фрост хватает его первым.

— Прошу вас, — говорит он, — позвольте мне заплатить.

— За ужин всегда платит более старый.

— Я бы никогда не назвал вас подобным словом, госпожа Фан. К тому же почти все съел я. — Он кладет на стол наличные. — Позвольте подвезти вас до дома.

— Я живу всего в нескольких кварталах отсюда, в Тайтун-Виллидже. Мне проще дойти пешком.

— Тогда я пойду с вами. Так, на всякий случай.

— Вы хотите этого для своей безопасности или для моей? — спрашиваю я, протягивая руку за саблей, висящей на спинке стула.

Рассмеявшись, он смотрит на Чжен И.

— А я и забыл, что вы вооружены и опасны.

— Поэтому провожать меня нет необходимости.

— Прошу вас. Так мне будет спокойнее.

Мы выходим на улицу, там по-прежнему моросит, и после душного жаркого ресторана приятно вдохнуть прохладного воздуха. Капельки искрятся в волосах Фроста и поблескивают на его лице, и вместо прохлады я неожиданно чувствую жар на своих щеках. Фрост заплатил за ужин, а теперь настойчиво хочет проводить меня домой. Давно уже мужчины не проявляли ко мне столько внимания, и я не знаю, как относиться к тому, что он считает меня такой уязвимой, — радоваться или раздражаться.

Мы идем по улице Тайлера в южную сторону, к старой части квартала Тайтун-Виллидж, и оказываемся в более тихом и пустом районе Чайна-тауна. Здесь нет туристов, лишь ветхие дома с пыльными магазинчиками на первых этажах. В этот час они наглухо заперты за железными дверями. В ярко освещенном ресторане я могла забыть об осторожности. Теперь я чувствую себя беззащитной, даже несмотря на то, что рядом идет вооруженный детектив. Огни за нашими спинами почти угасли, и тьма сгущается. Я ощущаю биение своего сердца и

чувствую потоки воздуха, то врывающиеся в мои легкие, то выходящие из них. В моей голове оживает песнь сабли — слова, способные успокоить меня и подготовить к тому, что может произойти.

Зеленый дракон выходит из воды.

Ветер тревожит цветы.

Белые облака плывут в небе.

Черный тигр рыщет на горе.

Моя рука касается эфеса сабли и замирает на нем в полной готовности. Мы минуем тьму, свет и снова тьму. Мои чувства обостряются — кажется, будто сама ночь дрожит вокруг меня.

Ударь по траве, чтобы найти змею слева.

Ударь по траве, чтобы найти змею справа.

Мрак оживает. Теперь движение повсюду. По переулку несется крыса. С водостока стекает ручеек воды. Я все вижу и все слышу. Мужчина, шагающий возле меня, ни на что не обращает внимания, полагая, будто его присутствие ограждает меня от опасности. И даже не представляет, что на самом деле, возможно, все наоборот.

Мы сворачиваем на улицу Гудзона, к моему скромному таунхаусу с отдельным входом на первом этаже. Пока я достаю ключи, Фрост стоит в желтоватом сиянии висящего над крыльцом фонаря — там жужжат насекомые, то и дело ударяясь о лампу. Он до конца остается джентльменом — ждет, пока я окажусь внутри, в безопасности.

— Спасибо вам за ужин и вооруженную охрану, — с улыбкой благодарю я.

— Мы пока не очень понимаем, что происходит. Так что будьте осторожны.

— Доброй ночи. — Я вставляю ключ в замок и внезапно замираю.

Фроста встревожил мой резкий вдох.

— Что такое?

— Не заперто, — шепчу я.

Дверь приоткрыта. Чжен И уже обнажена, и я держу ее в руке. Не могу припомнить, когда я успела выхватить ее из ножен. Мое сердце бешено

колотится, когда я толкаю дверь ногой. Она открывается настежь, но за порогом видна лишь тьма. Я делаю шаг вперед, однако детектив Фрост отдергивает меня назад.

— Подождите здесь, — велит он. Выхватив оружие, он заходит внутрь и зажигает свет.

Стоя в дверном проеме, я наблюдаю за тем, как он передвигается по моему скромному жилищу, мимо коричневого дивана и полосатого кресла, которые мы с Джеймсом привезли сюда много лет назад, когда только приехали с Тайваня. Я никогда не смогу заменить эту мебель, потому что на ней сидели мои муж и дочь. Души близких людей по-прежнему витают среди этих вещей. Фрост направляется на кухню, а я прохожу в гостиную и тихо стою там, вдыхая воздух и внимательно осматривая комнату. Мой взгляд останавливается на книжном шкафе. На пустой рамке от фотографии. Я чувствую трепет ужаса.

«Здесь кто-то был», — проносится у меня в голове.

— Все выглядит по-прежнему? — спрашивает из кухни Фрост.

Ничего не отвечая, я иду в сторону лестницы.

— Айрис, подождите! — окликает он.

Но я уже взлетаю по ступенькам — тихо-тихо. Бешено бьется лишь мое сердце. Оно гонит кровь по конечностям, по мышцам. Оказавшись у своей спальни, я обхватываю рукоять сабли обеими руками.

Разгони облака, и увидишь солнце.

Я втягиваю ноздрями воздух и сразу же понимаю, что незваный гость был в этой комнате и оставил в ней свой враждебный запах. Эта вонь загрязняет воздух. Несколько секунд я не могу заставить себя сделать шаг и встретиться с противником. Я слышу, как по лестнице бежит детектив Фрост. Он прикроет мне спину, но больше всего меня пугает то, что ждет впереди.

Используй семь звезд, чтобы управлять тигром.

Я перешагиваю порог, и в этот момент Фрост включает свет. Внезапно комната становится четкой и пугающей. Фотография, пропавшая из гостиной, — у меня на подушке, ее пригвоздили лезвием ножа. Только теперь я слышу, как Фрост набирает номер на своем мобильном. Я оборачиваюсь к нему.

— Что вы делаете? — спрашиваю я.

— Звоню своей напарнице. Она должна знать об этом.

— Не звоните ей. Прошу вас. Вы ничего об этом не знаете.

Фрост поднимает взор и смотрит на меня так пристально, что я понимаю: я недооценивала его.

— А вы знаете?

14

Джейн стояла в спальне Айрис Фан и вглядывалась в фотографию, проткнутую ножом для разделки мяса. На снимке была изображена более молодая Айрис — ее улыбающееся лицо светилось, а на руках она держала грудного ребенка.

— Госпожа Фан говорит, что нож взяли с ее кухни, — объяснял Фрост. — А ребенок — ее дочь, Лора. Эта фотография всегда стояла в рамке, внизу, на книжном шкафу. Тот, кто проник сюда, сознательно вынул ее из рамки и принес наверх, туда, где она наверняка увидела бы ее.

— Точнее, его послание. Черт возьми, подушку проткнули ножом уж наверняка не затем, чтобы пожелать ей сладких снов. Что все это значит?

— Она не знает. — Фрост понизил голос, чтобы Айрис не смогла услышать его снизу. — Во всяком случае, так она говорит.

— Ты считаешь, она не честна с нами?

— Не знаю. Просто...

— Что?

Барри заговорил еще тише.

— Она не хотела, чтобы я звонил тебе. Она даже просила меня забыть об этом. Что-то тут не то.

Мне тоже так кажется, подумала Джейн. Она хмуро уставилась на нож, который воткнули по самую рукоятку, вдавив фотографию в подушку. Это был акт чистой ярости — кто-то очень хотел, чтобы Айрис пришла в ужас.

— Любой на ее месте стремился бы оказаться под защитой полиции.

— Она все время твердит, что ей это не надо. Говорит, что не боится.

— Ты уверен, что здесь на самом деле кто-то был?

— Куда ты клонишь?

— Она могла и сама это сделать. Ножом со своей собственной кухни.

— Зачем ей это надо?

— Этим можно объяснить отсутствие страха.

— Все произошло совсем не так.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был здесь, когда она это обнаружила.

Джейн обернулась к напарнику.

— Ты поднимался в ее спальню?

— Не надо на меня так смотреть. Я проводил ее до дома, вот и все. Мы заметили, что входная дверь открыта, и я вошел внутрь, чтобы проверить квартиру.

— Ясно.

— И больше ничего!

«Тогда почему же у тебя такой виноватый вид?» — задумалась Джейн. Она поглядела на изуродованную фотографию.

— Если бы я пришла домой и обнаружила нечто подобное, я перепугалась бы до ужаса. Почему же она не хочет, чтобы этим занялись мы?

— Возможно, все дело в отношении здешних жителей к полиции. Тань говорит, что обитатели Чайна-тауна смотрят на нас с подозрением.

— Лучше бы они относились с подозрением к тому, кто это сделал. — Джейн повернулась к двери. — Давай поговорим с госпожой Фан.

Напарники обнаружили Айрис в гостиной на первом этаже. Она сидела на выцветшем коричневом диване и выглядела слишком спокойной для женщины, в чей дом недавно врывались незнакомцы. Тут же, прижимая к уху мобильный телефон, мерил шагами комнату детектив Тань. Он перевел взгляд на Джейн, словно хотел сказать: «Я тоже не понимаю, что здесь происходит».

Джейн села напротив Айрис и, не говоря ни слова, пристально посмотрела на нее. Женщина так же внимательно поглядела на Риццоли — словно понимала, что ее проверяют, и уже готовилась к поединку. Подобный взгляд несвойствен жертве.

— Как вы думаете, что происходит, госпожа Фан? — спросила Джейн.

— Не знаю.

— А раньше кто-нибудь вторгался в ваш дом?

— Нет.

— Как долго вы здесь живете?

— Почти тридцать пять лет. С тех пор как мы с мужем эмигрировали в эту страну.

— Есть ли среди ваших знакомых люди, способные сделать подобное? Может быть, мужчина, с которым вы встречались, а потом отвергли, и он разозлился?

— Нет. — Айрис даже не задумалась. Словно готова была дать только такой ответ. — Никакого мужчины нет. Да и в участии полиции нет никакой необходимости.

— Кто-то врывается к вам в дом. Протыкает вашу фотографию мясным ножом и оставляет у вас на подушке. Весьма внятное послание. Кто вам угрожает?

— Я не знаю.

— Но не хотите, чтобы этим делом занялись мы.

Женщина просто смотрела на Риццоли, не выражая страха. Ее глаза напоминали омуты с черной водой — по ним ничего нельзя было понять. Джейн откинулась на спинку кресла, решив немного подождать. Она поглядела на Фроста и Таня — те стояли чуть поодаль, внимательно прислушиваясь к беседе женщин. На Айрис смотрели три пары глаз, молчание затянулось, однако азиатка по-прежнему хранила спокойствие.

Пришло время для новой попытки.

— Сегодня у меня состоялась интересная беседа, — снова заговорила Джейн. — С Патриком Дионом, бывшим мужем одной из погибших в

«Красном фениксе». Он говорит, что ежегодно, в марте, вы посылали записки ему и другим родственникам убитых.

— Я никому не посылала никаких записок.

— Они получали их последние семь лет. Каждый раз на годовщину массового убийства в «Красном фениксе». Родственники погибших считают, что это ваших рук дело. Что это вы посылаете копии некрологов их близких. Пытаетесь вызвать дурные воспоминания.

— *Вызвать* воспоминания? — Айрис застыла. — Что же это за родственники такие, если им нужно *напоминать*? — Впервые за всю беседу в ее голос прокралось беспокойство, а руки задрожали. — Я живу своими воспоминаниями. Они никогда не покидают меня, даже во сне.

— Вы получали какие-нибудь записки?

— Нет. Но *мне* не нужно напоминать. Похоже, из всех родственников только я одна задавала вопросы и требовала ответов.

— Если их посылаете не вы, кто же это, по-вашему, делает?

— Возможно, человек, считающий, что правду замалчивают.

— Как вы.

— Однако я не боюсь говорить об этом.

— Да, и заявляете во всеуслышание. Мы знаем, что в прошлом месяце вы разместили рекламное объявление в «Глоуб».

— Если бы вашего мужа убили, а вы знаете, что преступник остался безнаказанным, вы поступили бы иначе? И не важно, сколько лет прошло.

Минуло несколько секунд. Женщины по-прежнему не сводили друг с друга глаз. Джейн представила, каково каждое утро просыпаться в этой убогой квартирке, жить в невыразимом горе и постоянно думать об утраченном счастье. Искать причины или хоть какие-то объяснения, почему рухнула жизнь. Сидя в этой комнате, на этом ветхом кресле, Риццоли почувствовала, как отчаяние ложится ей на плечи, давит, душит, лишая всякой радости. Но это ведь даже не мой мир, подумала она. Я могу вернуться домой и поцеловать мужа. Могу обнять дочь и уложить ее спать. А вот Айрис останется здесь, словно пленница.

— Прошло девятнадцать лет, госпожа Фан, — проговорила Джейн. — Я понимаю, жить дальше непросто. Но родственники других погибших

хотят жить. У Патрика Диона, Марка Мэллори и других нет сомнений, что убийца — У Вэйминь. Может, и вам пора принять то, с чем они уже давно смирились.

Айрис вздернула подбородок и окинула Джейн каменным взглядом.

— Я не смогу принять ничего, кроме правды.

— Почему вы решили, что это неправда? Если верить полицейскому отчету, свидетельств против У Вэйминя больше чем достаточно.

— Полиция совсем не знала его.

— А вы уверены, что знали?

— Да, совершенно уверена. И это моя последняя возможность все исправить.

Джейн нахмурилась.

— Что вы имеете в виду — «последняя возможность»?

Айрис сделала вдох и подняла голову. А затем поглядела на Джейн спокойно и с достоинством.

— Я больна.

В комнате повисло молчание. Это простое замечание потрясло всех. Айрис сидела с невозмутимым видом, пристально глядя на Джейн, словно бросая вызов: попробуй-ка, пожалей.

— У меня хроническая форма лейкемии, — пояснила Айрис. — Доктор говорит, я проживу еще лет десять. А может, даже двадцать. Порой я чувствую себя прекрасно. А в иные дни ощущаю такую усталость, что с трудом отрываю голову от подушки. Однажды эта болезнь убьет меня, но я не боюсь. Просто я отказываюсь умирать, так и не узнав правды. И не увидев, что правосудие свершилось. — Она немного помолчала, и впервые нотка страха пробралась в ее голос. — Я чувствую: время, словно песок, утекает между пальцами.

Фрост подошел к Айрис со спины и положил руку ей на плечо. Простой жест сочувствия. Так мог бы поступить любой, но Джейн встревожили это прикосновение и горестное выражение в глазах напарника.

— Ей нельзя оставаться в одиночестве сегодня вечером, — проговорил Фрост. — Это небезопасно.

— Я только что говорил с Беллой Ли, — сообщил Тань. — Госпожа Фан может переночевать у нее, пока криминалисты будут работать на месте.

— Я отвезу ее туда, — вызвался Фрост.

— Нет, — возразила Джейн. — Это сделает Тань. Госпожа Фан, почему бы вам не собрать вещи? — Она встала с кресла. — Фрост, не мог бы ты выйти со мной на улицу? Нам нужно проверить здание по периметру.

— Но...

— Фрост.

Он несколько раз перевел взгляд с Айрис на Джейн, но в конце концов вслед за напарницей вышел на улицу — в туманную, влажную ночь.

— Может, расскажешь мне, что происходит? — спросила Джейн, когда дверь за ними захлопнулась.

— Да я бы с радостью. Видимо, кто-то пытается ее напугать. Не хочет, чтобы она задавала вопросы.

— Нет, сейчас я говорю о *тебе*. Как получилось, что ты пригласил ее поужинать? Стал ее белым рыцарем?

— Я пришел расспросить ее о дочери. Ты же знаешь.

— И каким образом допрос превратился в ужин?

— Мы были голодны. Так случилось.

— Случайности, конечно, бывают. Но приглашать на ужин человека, которого допрашиваешь... Это, знаешь ли, совсем другая история.

— Она — не подозреваемая.

— Это еще неизвестно.

— Ради Бога, Риццоли, она же пострадавшая. Она потеряла мужа из-за массового убийства и теперь хочет справедливости.

— Мы еще не знаем, чего она хочет на самом деле. Если честно, чего хочешь ты, я тоже не понимаю.

Желтое сияние фонаря на крыльце, расплывчатое из-за моросящего дождя, призрачным нимбом обрамляло его голову. Святой Барри, бой-скаут, подумала Джейн. Можно не сомневаться: этот полицейский

всегда поступит правильно. Сейчас Фрост стоял перед напарницей, избегая ее взгляда, и выглядел так, как обычно выглядят виноватые мужчины.

— Мне жаль ее, — проговорил Фрост.

— Ты чувствуешь только жалость?

— Мне просто хотелось бы… — Он вздохнул. — После смерти ее мужа прошло девятнадцать лет, а она по-прежнему любит его. По-прежнему предана ему. А Элис… — мы и десяти лет не прожили вместе, как она ушла от меня. Я смотрю на Айрис и думаю: «Почему, черт возьми, я не женился на такой женщине?»

— Да она тебе почти в матери годится.

— Я не о том! Я не говорю, что собираюсь с ней встречаться. И вообще — при чем тут возраст? Все дело в преданности. В любви на всю жизнь, что бы ни случилось. — Фрост отвернулся и добавил тихо: — Я никогда не узнаю, каково это.

Входная дверь распахнулась. Напарники обернулись — Айрис вышла из дома в сопровождении Таня. Она кивнула Фросту, устало улыбнулась, а затем забралась в машину к молодому детективу. Даже когда свет фар растаял в моросящем дожде, Фрост все еще смотрел вслед Айрис.

— Должна признать, — задумчиво заметила Джейн, — она погрузила меня в размышления.

Фрост обернулся к напарнице.

— И о чем же ты размышляешь?

— Кое в чем ты был прав. Ее явно кто-то боится. Человек, который разозлился или испугался до такой степени, что решился проникнуть к ней в дом. Проткнуть ножом ее подушку.

— А вдруг она права насчет убийства и это сделал вовсе не повар?

Джейн кивнула.

— Думаю, пришло время вплотную заняться «Красным фениксом».

15

Бруклайнская усадьба Патрика Диона оказалась частным райским уголком, состоящим из леса и лужайки; по ним были проложены

дорожки, извивающиеся между густой тенью и залитыми солнцем цветочными клумбами. Ворота из кованого железа были открыты, и, когда Джейн и Фрост миновали их, сквозь ряд белых призрачных березок они увидели саму резиденцию. Массивное здание в колониальном стиле стояло на холме и явно доминировало на обширных владениях Диона.

— Что это вообще такое — венчурный инвестор, черт возьми? — спросил Фрост, когда они проезжали мимо теннисного корта, спрятанного в тенистой рощице. — Я постоянно слышу этот термин.

— Думаю, тот, кто использует деньги, чтобы делать деньги, — ответила Джейн.

— А откуда берется начальный капитал?

— От друзей, у которых есть средства.

— Надо бы мне обзавестись новыми друзьями.

Джейн остановила машину на подъездной аллее, где уже были припаркованы два автомобиля, и посмотрела на особняк.

— Лучше подумай вот о чем. У тебя есть все эти деньги и прекрасный дом. Но потом твоя жена уходит к другому, а твою дочь похищают на улице. Я бы предпочла остаться бедной. — Риццоли поглядела на Фроста. — Ладно, теперь нам придется провести здесь кое-какие ремонтно-восстановительные работы. Если верить господину Диону, Тань не очень-то их очаровал.

Фрост покачал головой.

— Придется заставить этого парнишку сбавить обороты. Он всюду прет, как бешеный. Будто у него ускоряющая передача не выключается.

— Знаешь, кого мне напоминает Тань?

— Кого?

— Меня. Он говорит, что хочет попасть в отдел убийств еще до того, как ему исполнится тридцать. — Джейн толкнула водительскую дверцу. — Возможно, у него получится.

Напарники поднялись по гранитным ступеням. Не успела Джейн позвонить, как дверь распахнулась, и перед ними возник седовласый мужчина. Ему было около семидесяти, однако он был красив и по-прежнему в форме; впрочем, немного осунувшееся лицо и

мешковатые брюки говорили о том, что этот человек недавно сбросил вес.

— Я видел, как ваша машина приближалась по подъездной аллее, — объяснил он. — Я Патрик Дион.

— Детектив Риццоли, — представилась Джейн. — А это мой напарник, детектив Фрост.

Они обменялись рукопожатием — ладонь Диона оказалась твердой, взгляд был спокоен.

— Входите, пожалуйста. Мы расположились в гостиной.

— Господин Мэллори приехал?

— Да, и еще я пригласил Мэри Гилмор. Единый фронт — мы все расстроены происходящим и хотим понять, как положить этому конец.

Когда детективы и хозяин вошли в дом, Джейн заметила отполированные деревянные полы и изящную лестницу, которая, изгибаясь, уводила к высокой галерее второго этажа. Но разглядеть ничего не смогла — Патрик провел их прямиком в гостиную, где уже ожидали остальные.

Марк Мэллори с атлетической грацией поднялся с дивана. На вид это был мужчина лет тридцати пяти, подтянутый и загорелый; в прическе не серебрился ни один седой волос. Джейн оглядела его крокодиловый ремень, топсайдеры от «Сперри» и часы «Брайтлинг» — все эти вещицы словно говорили с презрением: «У тебя никогда не будет столько денег, сколько у него». Марк небрежно пожал ей руку — это свидетельствовало о том, что Мэллори хотел поскорее приступить к делу.

Еще одну гостью в этой комнате можно было бы вовсе не заметить, если бы их не предупредили о ее присутствии. Мэри Гилмор была примерно того же возраста, что и Патрик, однако худоба и сгорбленность делали ее почти невидимой — огромное кресло, стоявшее у окна, словно бы полностью поглотило ее. Женщина попыталась через силу подняться, но Фрост тут же оказался поблизости.

— Не напрягайтесь, пожалуйста, госпожа Гилмор. Сидите спокойно, хорошо? — попросил Фрост и помог старушке снова устроиться в кресле.

Увидев, как женщина улыбнулась ее напарнику, Джейн подумала: «Что же все-таки объединяет Фроста с пожилыми дамами? Он любит их, и все они любят его».

— Моя дочь тоже собиралась приехать, — проговорила госпожа Гилмор, — но не смогла уйти с работы, поэтому я привезла записку, которую она получила. — Изуродованной артритом рукой женщина указала на журнальный столик. — Записка пришла ей по почте в тот же день, что и мне. Каждый год они приходят тридцатого марта, в день смерти моего Джоуи. Это эмоциональное притеснение. Может ли полиция как-нибудь остановить эту женщину?

На журнальном столике лежали три конверта. Прежде чем коснуться их, Джейн полезла в карман за перчатками.

— Перчатки тут ни к чему, — заметил Марк. — На письмах и конвертах никогда не было отпечатков.

Джейн нахмурилась.

— Откуда вы знаете, что на них нет отпечатков?

— Детектив Ингерсолл отдавал их на анализ в криминологическую лабораторию.

— Значит, он знает о них?

— Он тоже их получает. Как и все люди, хоть как-то связанные с убитыми, даже деловые партнеры моего отца. Мы знаем о десятке людей, которым они приходят. Это происходит уже несколько лет, но криминологическая лаборатория так и не нашла никаких следов ни на конвертах, ни на самих вложениях.

— Госпожа Фан говорит, что не рассылала записки.

Марк фыркнул.

— А кто еще стал бы этим заниматься? Именно она разместила то объявление в «Глоуб». Она одержима этим.

— Однако она отрицает рассылку записок.

Руками в перчатках Джейн взяла первый конверт, адресованный госпоже Мэри Гилмор. На нем стоял бостонский штемпель и не было обратного адреса. Риццоли аккуратно вынула содержимое. Это была копия некролога двадцатипятилетнего Джозефа С. Гилмора, погибшего в результате массового убийства в одном из ресторанов китайского квартала. Покойный оставил после себя мать Мэри и сестру Фиби Моррисон. Похоронная месса будет отслужена в церкви святой Моники. Джейн перевернула ксерокопию и увидела одно-единственное предложение, написанное печатными буквами.

«Я знаю, что случилось на самом деле».

— Я получил такую же идиотскую записку, — сказал Марк. — Каждый год одно и то же. Только на этот раз мне пришел отцовский некролог.

— А мне — Динин, — тихо добавил Патрик.

Джейн взяла в руки конверт, адресованный Патрику Диону. В нем лежала ксерокопия некролога сорокалетней Дины Мэллори, погибшей вместе с мужем Артуром в результате стрельбы в «Красном фениксе». У нее осталась дочь от предыдущего брака, Шарлотта Дион. На обратной стороне было написано то же, что и на послании Мэри Гилмор.

«Я знаю, что случилось на самом деле».

— Детектив Ингерсолл говорил, что это обычные конверты, которые «Стэплз»[6] продает миллионами, — сообщил Марк. — А такие чернила используются в ручках «Бик». Внутри конвертов в криминологической лаборатории обнаружили микроскопические гранулы крахмала, которые указывают на то, что на отправителе были латексные перчатки. Марки и конверты — самоклеящиеся, поэтому ДНК на них нет. Записка оказывается у меня в почтовом ящике каждый год в один и тот же день. Тридцатого марта.

— В день убийства, — проговорила Джейн.

Марк кивнул.

— Будто бы кому-то нужно напоминать о дате.

— А почерк? — поинтересовалась Джейн. — Он меняется?

— Все время одни и те же печатные буквы. Одни и те же черные чернила.

— Однако сама записка в этом году другая, — вмешалась госпожа Гилмор. Она произнесла это так тихо, что ее голос чуть было не потонул в беседе Джейн и Марка.

Фрост, стоявший к ней ближе всех, ласково тронул женщину за плечо.

— Что вы имеете в виду, мэм?

— Раньше, все эти годы, в записках говорилось: «Разве вы не хотите узнать правду?» Но в этом году текст другой. В этом году он гласит: «Я знаю, что случилось на самом деле».

— Да это та же самая ерунда, — возмутился Марк. — Только сказанная чуть-чуть по-другому.

— Нет, в этом году смысл у записки совсем иной. — Госпожа Гилмор поглядела на Джейн. — Если она что-то знает, почему бы ей просто не заявить об этом открыто и не рассказать нам правду?

— Мы все прекрасно знаем эту правду, госпожа Гилмор, — терпеливо заметил Патрик. — Она ничем не отличается от того, что нам сказали девятнадцать лет назад. Я ничуть не сомневаюсь — Бостонское ПУ прекрасно понимало, что делает, когда закрывало это дело.

— А вдруг они ошибались?

— Госпожа Гилмор, — подключился Марк, — у этих записок только одна цель — чтобы мы обратили внимание на эту женщину. Мы все знаем, что ее нельзя назвать уравновешенной.

— Что вы хотите этим сказать? — осведомился Фрост.

— Патрик, расскажи им, что ты узнал о госпоже Фан.

Похоже, пожилому мужчине не очень хотелось делиться своими впечатлениями.

— Не уверен, что в это необходимо вдаваться прямо сейчас.

— Нам хотелось бы послушать, господин Дион, — попросила Джейн.

Патрик поглядел на свои руки, лежавшие на коленях.

— Несколько лет назад, когда детектив Ингерсолл впервые занялся этими посланиями, он сказал мне, что госпожа Фан страдает… э-э… манией величия. Она считает, что происходит из древнего рода воинов. Как воительница, она полагает своим святым долгом отыскать убийцу мужа и отомстить ему.

— Представляете? — Марк рассмеялся. — Какая-то китайская мыльная опера! Эта женщина совершенно больная.

— Она мастер боевых искусств, — возразил Фрост. — Ее ученики безраздельно верят ей, а уж они-то наверняка распознали бы обман.

— Детектив Фрост, — снова заговорил Патрик, — мы вовсе не хотим сказать, что она мошенница. Но, без сомнения, ее заявления должны показаться вам более чем абсурдными. Я знаю, что традиции боевых искусств уходят корнями глубоко в прошлое, однако многое — просто

фантазии. Достояние легенд и фильмов с Джеки Чаном. Мы с детективом Ингерсоллом считаем, что эта женщина глубоко травмирована смертью мужа. Она так и не смогла принять ее. Госпожа Фан избрала иной способ справляться с горем — она ищет некий глубинный смысл, нечто, способное придать значение этой смерти, чтобы она не казалась случайной выходкой сумасшедшего. Госпоже Фан необходимо доказать, что ее мужа погубило нечто большее, и она никогда не перестанет искать безымянного врага, потому что только это и наполняет ее жизнь смыслом. — Дион печально обвел взглядом Марка и Мэри Гилмор. — Но мы знаем правду. Это было бессмысленное убийство, совершенное эмоционально неустойчивым человеком. Артур, Дина и Джоуи умерли без всякой причины. Признать это непросто, но приходится. А госпожа Фан не способна это признать.

— Значит, нам придется смириться с притеснением, — проговорил Марк, указывая на послания на журнальном столике. — И мы не сможем добиться, чтобы она перестала их посылать?

— Нет никаких доказательств, что это делает именно она, — заметил Фрост.

— Зато мы знаем, что *это* — точно ее рук дело, — сказал Марк и вынул из кармана сложенную вырезку из «Бостон глоуб».

Это было то самое объявление в четверть газетной полосы, о котором детектив Тань рассказывал Джейн чуть раньше. Простая черная рамка. Под словом «НЕВИНОВЕН» — фотография повара из «Красного феникса» У Вэйминя. Под фотографией — дата убийства и единственная фраза: «НИКТО ТАК И НЕ СКАЗАЛ ПРАВДУ».

— После этого объявления ситуация стала еще хуже, — заявил Марк. — Теперь она заставила весь город обратить внимание на ее бред. Где предел этому? И когда он наступит?

— Кто-нибудь из вас говорил с госпожой Фан на эту тему? — Джейн обвела комнату взглядом и остановила его на Марке Мэллори.

Тот фыркнул.

— Во всяком случае я не стал бы тратить время на разговоры с ней.

— Значит, вы не ездили к ней домой? Не пытались оказать давление?

— А почему вы *меня* об этом спрашиваете?

— Похоже, господин Мэллори, что вы злитесь больше всех, — заметила Джейн.

Но был ли он зол настолько, чтобы проникнуть в дом Айрис? Чтобы воткнуть «предупреждение» ей в подушку? Джейн недостаточно хорошо знала Марка Мэллори и не могла понять, на что он способен.

— Послушайте, все мы расстроены, — проговорил Патрик, хотя его голос выдавал лишь усталость и больше ничего. — А еще мы знаем, что контактировать с этой женщиной было бы неумно. На прошлой неделе я звонил детективу Ингерсоллу, решив, что он мог бы вмешаться от нашего имени, но детектив так и не перезвонил мне.

— На этой неделе его нет в городе, — объяснила Джейн. Она собрала послания и разложила их по пакетикам для вещдоков. — Мы поговорим с ним об этом, когда он вернется. А пока, пожалуйста, сообщайте мне, если получите нечто подобное.

— Мы, со своей стороны, будем благодарны, если вы станете держать нас в курсе, — ответил Патрик.

Джейн снова пожала руки всем троим. И опять Марк едва коснулся ее ладони, словно уже решил, что от полиции ждать нечего. А вот рукопожатие Патрика было более продолжительным; он проводил их до двери, явно не желая расставаться.

— Пожалуйста, звоните мне в любое время, — предложил он. — По этому поводу или... — Лицо Диона омрачила тень. — По какому-нибудь другому.

— Нам жаль, что эта тема снова всплыла, господин Дион, — ответила Джейн. — Я понимаю, как вам тяжело.

— Особенно потому, что это слишком тесно связано с... другим событием. — Он умолк, его плечи опустились. — Полагаю, вы знаете о моей дочери.

Джейн кивнула.

— Я говорила о Шарлотте с детективом Букхольцем.

От одного упоминания о дочери лицо Патрика исказилось болью.

— Я тяжело переживал смерть Дины. Но ничто не сравнится с утратой ребенка. Единственного ребенка. Эти послания и объявление в газете напоминают мне о моей потере. Вот что больнее всего, детектив. Вот почему я хочу, чтобы это прекратилось.

— Я сделаю все, что в моих силах, господин Дион.

Они уже пожали друг другу руки, но Патрик снова вцепился в ладонь Джейн. Из-за этого прощания она чувствовала себя подавленной и молчала, когда они с Фростом шли к ее машине. Джейн отперла дверцы, но садиться не спешила. Вместо этого она посмотрела в другой конец лужайки — на деревья и садовые дорожки, которые скрывались в сгущающейся послеполуденной тени. Он владеет всем этим, думала Джейн, а на самом деле не имеет ничего, и это видно по его лицу. По опущенным уголкам рта, по впадинам под глазами. Девятнадцать лет спустя призрак дочери по-прежнему преследует его, как преследовал бы любого отца. Иметь ребенка — значит отдать свое сердце на милость судьбе.

— Детективы!

Обернувшись, Джейн увидела, как госпожа Гилмор спускается с крыльца. Старушка двигалась к ним с угрюмой решимостью; ее спину скрючивал вдовий горб.

— Мне нужно сказать кое-что, пока вы не уехали. Я знаю, Патрик и Марк убеждены, что дело было раскрыто. И всем абсолютно ясно, что случилось в ресторане. Но вдруг они ошибаются? Что, если мы действительно не знаем правды?

— Значит, вы все-таки сомневаетесь, — поняла Джейн.

Губы женщины сжались, образовав прямую линию.

— Я должна признаться. Мой сын Джоуи не был святым. Я воспитывала его как хорошего мальчика, старалась изо всех сил. Но кругом было много соблазнов, ведь так просто связаться с дурными людьми. — Старушка тяжело поглядела на Джейн. — Вероятно, вы знаете, что у Джоуи были неприятности.

— Я знаю, что он работал на Кевина Донохью.

Услышав это имя, госпожа Гилмор разъярилась.

— Гады! Весь клан Донохью! Только вот мой Джоуи восхищался силой и любил легкие деньги. Он думал, что Донохью всему его научит. А когда он понял, в чем дело, выпутаться было уже нельзя. Донохью не отпускал его.

— Вы считаете, что он приказал убить вашего сына?

— Об этом я задумывалась с самого начала.

— Но никаких доказательств этому нет, госпожа Гилмор.

Женщина зашлась тяжелым грудным кашлем.

— Думаете, Донохью не смог бы подкупить нескольких копов? Он мог замять любое расследование.

— Это серьезное обвинение.

— Я выросла в Южном Бостоне. Я прекрасно знаю, что происходит в этом городе и что можно купить за деньги. — Сузив глаза, она пристально посмотрела на Джейн. — Не сомневаюсь, детектив, вы тоже это знаете.

Намек заставил Джейн напрячься.

— Я уделю вашим опасениям должное внимание, госпожа Гилмор, — спокойно проговорила Риццоли и села в машину.

Когда они с Фростом двинулись с места, Джейн по-прежнему видела женщину в зеркале заднего вида — та стояла на подъездной аллее и сердито смотрела им вслед.

— Эта старушка не такая уж и чудесная, — пробормотала Джейн.

Фрост пораженно усмехнулся.

— Она что, обвинила нас во взяточничестве?

— Да, именно это она и сделала.

— А казалась такой милой.

— Для тебя они все милые. Тебе нравятся все бабушки, которых ты встречаешь. — «И всем им нравишься ты», — добавила Джейн про себя.

Зазвонил мобильный Фроста. Пока ее напарник разговаривал, Риццоли размышляла о том, как это Фросту всегда удается очаровывать пожилых дам. Без сомнения, он нашел контакт и с Айрис Фан — женщиной достаточно молодой и красивой, но при этом пугающей. Джейн вспомнила слова Патрика: «Глубоко травмированная. Страдает манией величия. Считает, что происходит из рода воинов». Возможно, Айрис и страдает маниями, однако в ее дом на самом деле вломились и в ее подушку воткнули нож. «Кому же ты так насолила, Айрис?» — задумалась Джейн.

Закончив разговор, Фрост вздохнул.

— Похоже, наш рабочий день еще не закончился.

— Кто звонил?

— Агент по недвижимости, занимающийся зданием на улице Наппа. Я весь день пытался его поймать. Он говорит, что уезжает из города сегодня вечером, но если мы хотим взглянуть на это место, он может встретиться с нами через час.

— Я так понимаю, мы снова едем в Чайна-таун?

Фрост кивнул.

— Снова в Чайна-таун.

16

В сгущающихся сумерках улица Наппа казалась мрачным, повергнутым во мглу ущельем между четырехэтажными кирпичными строениями. Джейн и Фрост стояли у здания, в котором когда-то находился ресторан «Красный феникс», и пытались заглянуть внутрь, однако между досками, закрывавшими окна, Джейн смогла разглядеть лишь рваные и почти прозрачные от старости занавески.

Фрост посмотрел на часы.

— Господин Куань опаздывает уже на пятнадцать минут.

— У тебя есть номер его мобильного?

— Не думаю, что у него есть мобильный. Я целый день пытался застать его в офисе.

— Агент по недвижимости без мобильного телефона?

— Хочется надеяться, что мы поняли друг друга. У него довольно сильный китайский акцент.

— В этом случае нам понадобится Тань. Где он?

— Сказал, что придет.

Джейн отступила на несколько шагов назад и посмотрела вверх — на ржавую пожарную лестницу и заколоченные окна. Всего неделю назад они с криминалистами ходили по крышам этих домов в поисках гильз. За углом располагался переулок, в котором обнаружили отрубленную руку неизвестной. Похоже, эта улица и это здание — отправная точка всего происшедшего.

— Судя по всему, строение давно заброшено. А ведь это отличная недвижимость в центре города.

— Только здесь произошло преступление. Тань говорит, что местные жители действительно верят в привидения. А здание, в котором обитают духи, приносит несчастья. — Фрост умолк, глядя в переулок. — Интересно, не к нам ли идет этот человек?

Пожилой китаец шел прихрамывая, будто у него болело бедро, однако в белых кроссовках «Рибок» ему удавалось передвигаться на удивление проворно — приближаясь по неровной мостовой, он с легкостью перешагнул через мусорный мешок. Пиджак был ему великоват размера на два, но мужчина носил его с шиком — ни дать ни взять опрятно одетый профессор на вечерней прогулке.

— Господин Куань?

— Здравствуйте, здравствуйте. Вы детектив Фрост?

— Да, сэр. А это моя напарница, детектив Риццоли.

Мужчина улыбнулся, демонстрируя два блестящих золотых зуба.

— Я говорить вам, я всегда следовать закону, хорошо? Хорошо? Все всегда законно.

— Сэр, я звонил вам не по этому поводу.

— Очень хорошее место здесь, на улице Наппа. Наверху три квартиры. Внизу хорошее помещение. Возможно, для ресторана или магазина.

— Господин Куань, мы хотели бы зайти внутрь и посмотреть.

— Сзади есть два места для парковки машин жильцов...

— Он пустит нас наконец в дом или же решил продать его нам? — пробормотала Джейн себе под нос.

— ...строительная компания из Гонконга больше не хочет им управлять, поэтому продает за очень хорошую цену.

— Тогда почему же оно до сих пор не продано? — удивилась Джейн.

Похоже, вопрос обескуражил агента по недвижимости, и китаец внезапно умолк, оборвав рекламное бормотание. Во мраке он поглядел на Риццоли, и его морщинистое лицо нахмурилось.

— Здесь случилось плохое, — наконец признал мужчина. — Никто не хочет снимать или покупать.

— Сэр, нам просто нужно взглянуть на это место, — сказал Фрост.

— Зачем? Внутри пусто, смотреть нечего.

— Это дело полиции. Пожалуйста, отоприте дверь.

Куань неохотно вынул огромную гремящую связку ключей — такие, наверное бывают у тюремщиков. В полутемном проулке он мучительно долго отыскивал нужный ключ и засовывал его в висячий замок. Дверь с оглушительным визгом распахнулась, и все трое оказались в помещении, которое когда-то было рестораном «Красный феникс». Господин Куань нажал на кнопку выключателя — на потолке загорелась единственная лампочка.

— Это весь свет? — удивилась Джейн.

Поглядев на потолок, агент по недвижимости пожал плечами.

— Пора купить лампочки.

Джейн направилась в центр мрачного помещения и оглядела зал. Как и говорил Куань, здесь ничего не было — Риццоли видела лишь голый линолеумный пол, пожелтевший и потрескавшийся от времени. И только встроенный в стену прилавок намекал на то, что здесь когда-то находился ресторанный зал.

— Мы все помыли и покрасили, — пояснил Куань. — Сделать все так, как было раньше, но по-прежнему никто не покупать. — Он раздраженно покачал головой. — Китайцы слишком суеверны. Они даже внутрь заходить не хотеть.

И я бы не стала их винить, подумала Джейн, когда ее кожи коснулся легкий холодок. Насилие оставляет следы, сверхъестественные пятна, которые невозможно смыть мылом или уничтожить отбеливателем. В таком замкнутом сообществе, как китайский квартал, все наверняка помнят о том, что произошло в этом здании. И каждый вздрагивает, проходя по улице Наппа. Даже если этот дом снести и выстроить на его месте новый, в умах тех, кто помнит жуткое прошлое здания, обагренный кровью кусок земли под ним навсегда останется прибежищем духов. Джейн опустила взгляд на линолеум — на тот самый пол, куда пролилась кровь. Пусть стены были заново окрашены, а следы от пуль заштукатурены, в углах и на стыках пола по-прежнему остались химические следы крови. Вдруг у нее в голове всплыла фотография с

места преступления, которую она совсем недавно разглядывала. Риццоли вспомнила тело, лежавшее посреди разбросанных коробок для еды на вынос.

«На этом самом месте умер Джоуи Гилмор», — поняла она.

Джейн поглядела на кассовый прилавок, и другая фотография с места происшествия будто бы наложилась на участок пола позади него — тело Джеймса Фана, одетое в опрятный жилет и черные брюки; очки официанта сдвинулись набок. Он словно забился в угол позади кассового аппарата, а рядом лежали долларовые купюры.

Риццоли обернулась и вгляделась в то место, где когда-то находился столик на четверых. Она представила себе, как за ним сидят Дина и Артур Мэллори и попивают чай, пытаясь согреться после вечерней прогулки по мартовской прохладе. Внезапно этот образ исчез, сменившись фотографиями, которые спустя несколько часов сделала полиция. По-прежнему сидевший на стуле Артур Мэллори рухнул вперед, на чашки и разлитый чай. Всего в метре от него, уткнувшись лицом в пол, лежала Дина; рядом валялся перевернутый стул, который она сбила, пытаясь убежать. Стоя в этом пустом помещении, Джейн слышала эхо выстрелов и звон бьющегося фарфора.

Она повернулась к кухне, где погиб повар. И ей почему-то не захотелось перешагивать порог. Первым туда вошел Фрост. Он включил свет. Снова загорелась всего одна лампочка. Последовав за напарником, Джейн различила в полумраке потемневшую плиту, холодильник и рабочие поверхности из нержавеющей стали. Бетонный пол казался рябым от старости.

Она двинулась к двери в подвал. Именно здесь, закрыв своим телом выход, испустил последний вздох повар У Вэйминь. Джейн смотрела вниз, и ей казалось, что пол в этом месте был темнее, будто бы бетон по-прежнему покрывали пятна застарелой крови. Она вспомнила, каким поразительно нетронутым было лицо повара, если не считать единственного пулевого отверстия в виске. Пуля отрикошетила от костей черепа, перемесила серое вещество, но погубила бедолагу не сразу. Они знали это, потому что в последние минуты жизни У Вэйминь истекал кровью — его сердце продолжало работать, а из раны бил фонтан алой жидкости, обагрявшей ступени подвала.

Открыв дверь, Джейн поглядела вниз, на деревянную лестницу, пропадавшую во мраке. С потолка свисал выключатель-шнурок. Риццоли потянула за него, но безуспешно — лампочка перегорела.

Пройдя по кухне, Фрост приблизился к другой двери.

— Это выход на улицу?

— Ведет к задней части дома, — ответил Куань. — К парковке.

Фрост открыл дверь и увидел еще одну — запертую железную.

— Тут проулок. В отчете говорится, что жена повара вошла именно через эту дверь. Она услышала выстрелы, спустилась вниз, чтобы проведать мужа, и обнаружила его на кухне мертвым.

— Значит, теоретически, если эта дверь была не заперта, через нее мог проникнуть любой незваный гость, — заключила Джейн.

Куань переводил взгляд с Риццоли на Фроста и, похоже, был озадачен.

— Какой незваный гость? Повар убил себя.

— Мы заново рассматриваем это происшествие, господин Куань, — объяснил Барри. — Хотим удостовериться, что полиция ничего не упустила.

Агент по недвижимости испуганно покачал головой.

— Это очень плохая вещь для Чайна-тауна, — пробормотал он, видимо, простившись с последней надеждой избавиться от проклятого здания. — Лучше забыть об этом. — Куань украдкой поглядел на часы. — Если вы закончили, мы уходить, хорошо? Я запирать дверь.

Джейн посмотрела вверх.

— У Вэйминь со своей семьей жил на втором этаже. Вы не могли бы отвести нас в его квартиру?

— Нечего смотреть, — заверил Куань.

— И все-таки нам нужно взглянуть на нее.

Китаец глубоко вздохнул — так, словно детективы просили его об услуге, требующей нечеловеческих усилий. Он снова достал тяжелую связку и со всем усердием принялся искать нужный ключ. Судя по тому, сколько ключей висело на этой связке, Куань контролировал половину всей недвижимости Чайна-тауна. В конце концов он определил нужный ключ и повел детективов через кухонный черный ход в проулок.

Как и в случае с главным входом в ресторан «Красный феникс», доступ к квартирам, находившимся наверху, преграждала стальная дверь. Полумрак сгустился до ночной тьмы, и Фросту пришлось зажечь

фонарик, чтобы Куань смог вставить ключ в замок. Когда агент по недвижимости открывал дверь, ржавые петли заскрипели, а затем, чтобы отпереть еще одну, внутреннюю дверь, Куань вставил очередной ключ в очередной замок.

Внутри царила тьма. Свет на лестнице не включался, и Джейн, достав свой фонарик, увидела ступеньки, ведущие вверх, и перила, до блеска отполированные бессчетными ладонями. Казалось, темнота усиливает скрип ступеней под их ногами; Джейн слышала тяжелое дыхание позади — это господин Куань с трудом поднимался по лестнице.

На площадке второго этажа Риццоли остановилась возле двери. Она не была заперта, однако Джейн не хотела открывать ее и смотреть на то, что за ней скрывалось. Положив ладонь на ручку, холодившую кожу, Джейн замерла. И, только лишь услышав хрипящее дыхание господина Куаня, наконец поднявшегося на последнюю ступеньку, Джейн толкнула дверь.

Они с Фростом оказались в помещении, которое когда-то было домом У Вэйминя. Квартира пустовала долгие годы, однако в воздухе до сих пор чувствовались ароматы, оставленные бывшими жильцами. Призрачные запахи ладана и апельсина по-прежнему витали здесь, в этом гробовом сумраке. Когда луч ее фонарика пробежался по деревянному полу, Риццоли заметила массу вмятин и царапин, свидетельствовавших о многолетнем использовании помещения, — следы от ножек стульев и другой мебели, которую двигали туда-сюда.

Джейн направилась к двери, располагавшейся в другом конце комнаты. Когда она прошла через нее, аромат ладана и ощущение присутствия духов усилились. Здесь окна тоже были заколочены, а фонарик Джейн казался слишком слабым оружием в борьбе с беспросветной тьмой. Его луч метнулся по стене, выхватив шрамы от старых гвоздей и пятно плесени, напоминавшее кляксу Роршаха[7].

И вдруг мелькнуло чье-то лицо.

Джейн охнула и отскочила назад, столкнувшись с Фростом.

— Что такое? — удивился он.

От потрясения Джейн не могла произнести ни слова — лишь направила луч фонарика на портрет в рамке, висевший на стене. Приближаясь к нему, Джейн почувствовала, как усиливается аромат ладана. Под портретом стоял низкий столик, на котором Джейн увидела остатки ароматических палочек, догоревших дотла на холмике из пепла. На фарфоровой тарелке лежали пять апельсинов.

— Это он, — понял Фрост. — Это фотография повара.

Джейн догадалась не сразу, однако, вглядевшись в лицо, поняла, что ее напарник прав. Запечатленный на фотографии человек действительно был У Вэйминем, но сейчас на них смотрел вовсе не сумасшедший убийца. На этой фотографии повар в залихватски сдвинутой набок бейсболке «Бостон Ред Сокс» смеялся, сжимая в руке удочку. «Счастливый человек в счастливый день», — подумалось Риццоли.

— Похоже, это какой-то алтарь в честь него, — сказал Фрост.

Джейн взяла с тарелки апельсин и понюхала его. Заметила зеленоватый оттенок стебля. Настоящий, решила она. Джейн обернулась к господину Куаню — его силуэт с трудом можно было различить в дверном проеме.

— У кого еще есть ключи от этого здания?

— Ни у кого, — ответил агент, гремя своей связкой. — Единственный ключ у меня.

— Но тут свежие апельсины. Кто-то недавно был здесь. Оставил это подношение и зажег ароматические палочки.

— Ключи всегда со мной, — настаивал китаец, громко звякая связкой для убедительности.

— На железной двери внизу засов, — сказал Фрост. — Так что взломать замок не получится.

— Но как же тогда кто-то... — Джейн затихла. Обернулась к двери.

По лестнице приближались чьи-то шаги.

Через мгновение Джейн выхватила оружие и зажала его в обеих руках. Отстранив господина Куаня, она выскользнула из спальни. Осторожно ступая по гостиной, Джейн чувствовала, как сильно бьется ее сердце, слышала доносящийся справа скрип шагов Фроста. Она ощутила сразу множество мелочей — аромат ладана, запах плесени и пота. Но все ее внимание было обращено на лестничный колодец — на черные врата, из которых вот-вот появится нечто. И вдруг это нечто обрело форму человека.

— Стоять! — скомандовал Фрост. — Бостонское ПУ!

— Ого, Фрост! — Джонни Тань пораженно усмехнулся. — Это всего-навсего я.

Джейн услышала, как у них за спинами пронзительно вскрикнул господин Куань.

— Кто он? Кто он?

— Черт возьми, Тань, — тяжело выдохнул Фрост, пряча пистолет. — Я мог бы разнести тебе голову.

— Ты же сам велел мне приехать сюда, верно? Я добрался бы скорее, но застрял в пробке, когда возвращался из Спрингфилда.

— Ты говорил с владельцем «Хонды»?

— Да. Он сказал, что машину угнали прямо с его подъездной аллеи. И в ней не было никакого навигатора. — Тань обвел комнату лучом фонарика. — Что здесь происходит?

— Господин Куань устроил нам экскурсию по дому.

— Да он уже много лет стоит заколоченный. Чего тут смотреть?

— Оказалось, есть чего. Это квартира У Вэйминя.

Свет фонарика, который держал Тань, выхватил участки плесени и обсыпавшуюся штукатурку.

— Похоже, это помещение времен свинцовой краски, — заметил он.

— Здесь нет свинцовая краска, — возмутился Куань. — И асбест тоже нет.

— Зато посмотри, что мы нашли, — предложила Джейн, снова направившись в спальню. — Кто-то был в этой квартире. И оставил… — Она осеклась, когда луч ее фонарика замер на голой стене.

— Оставил — что?

Наверное, я ищу не в том месте, решила Джейн, и переместила луч фонарика. На нее снова смотрела голая стена. Она обвела фонариком всю комнату и отыскала маленький столик с ароматическими палочками и апельсинами. Стена над ним была пуста.

— Что за черт! — прошептал Фрост.

Сквозь биение собственного сердца Риццоли услышала, как одновременно открылись три кобуры. Вытащив свой пистолет, Джейн прошептала:

— Тань, отведи господина Куаня на лестницу и оставайся с ним. Фрост, ты пойдешь со мной.

— Зачем? — изумился господин Куань, когда Тань вытащил его из комнаты. — Что происходит?

— Вон та дверь, — пробормотала Джейн, направив луч фонаря на черный прямоугольник.

Напарники медленно подобрались к двери, внимательно оглядывая каждый темный угол, отчего лучи их фонариков то и дело скрещивались. Собственное дыхание казалось Джейн ревом, все чувства обострились, каждое — как алмазная грань. Она отмечала ароматы тьмы, стробоскопические вспышки света, когда луч ее фонарика метался туда-сюда. Чувствовала вес пистолета — тяжелого и придающего уверенность. «У неизвестной с крыши тоже было оружие, — мелькнуло в голове, — но это ее не спасло».

Джейн думала о клинках, разрубающих кости запястья, шею, трахею, и ужасно боялась переступить порог и встретиться с тем, что ждало ее внутри.

«Раз, два, три, — посчитала про себя Джейн. — Вперед!»

За дверью она оказалась первой, присела на корточки и обвела помещение лучом света. Слыша тяжелое дыхание Фроста за спиной, Джейн увидела фарфоровый унитаз, раковину и проржавевшую ванну. А вот чудовища с мечом не увидела.

Еще одна дверь.

На этот раз первым был Фрост — он проскользнул во вторую спальню, где со стен свисали отклеившиеся обои, словно комната сбрасывала кожу. Там не было мебели, а значит, не было и места, где спрятаться.

Еще через одну дверь они вернулись в гостиную. На знакомую территорию. Джейн вышла на лестницу, где их ожидали Тань и господин Куань.

— Ничего? — осведомился Тань.

— Фотография исчезла не сама по себе.

— Мы все время стояли здесь, на лестнице. Мимо нас никто не проходил.

Джейн вернула пистолет в кобуру.

— Тогда как, черт возьми…

— Риццоли! — крикнул Фрост. — Посмотри на это!

Он стоял у окна в спальне, где висел портрет. Как и все прочие окна, это тоже было заколочено, но когда Фрост толкнул одну из досок, она легко откинулась в сторону — ее удерживал всего один гвоздь, вбитый над оконной рамой. Джейн заглянула в дыру и поняла, что окно выходит на улицу Наппа.

— Здесь пожарная лестница, — сообщил Фрост. Он высунулся из окна и вытянул шею, чтобы посмотреть на крышу. — Эй, там что-то движется!

— Вперед! Вперед! — поторопила его Джейн.

Фрост с трудом перебрался через подоконник, неуклюже шевеля руками и ногами, и с лязгом упал на лестничную площадку. Тань вылез за ним с грацией акробата. Последней из окна выбралась Джейн; спрыгивая на металлическую решетку площадки, она мельком увидела улицу. Поломанные ящики, битые бутылки. Неприятное падение, как на него ни посмотри. Она заставила себя сосредоточиться на лестнице над головой, по которой с лязгом поднимался Фрост, таким образом объявляя на весь мир, что детективы за кем-то гонятся.

Джейн с трудом карабкалась вслед за Танем, впиваясь пальцами в скользкий металл ступенек и чувствуя, как ветерок холодит пот на ее лице. Она услышала, как Фрост застонал от натуги, увидела силуэт его болтающихся ног на фоне вечернего неба — это он подтянулся, чтобы оказаться на крыше. Джейн почувствовала, как от его движений задрожала пожарная лестница, и в мимолетной панике даже подумала, что крепления могут оторваться, что вес трех человек способен сорвать всю эту хрупкую конструкцию и под скрежет металла они рухнут вниз, на мостовую. Риццоли замерла, вцепившись в лестницу и опасаясь, что малейшее дуновение ветра может принести беду.

От вопля, донесшегося с крыши, все волоски у нее на затылке встали дыбом. «Фрост», — поняла она.

Джейн поглядела вверх, ожидая, что напарник вот-вот упадет на нее, но увидела лишь Таня, который, взобравшись по последним ступеням лестницы, исчез на крыше. Она стала подниматься за ним, замирая от ужаса. Когда Джейн добралась до края крыши, кусок битумной черепицы отвалился от ее прикосновения и упал во тьму. На дрожащих руках Джейн подтянулась и выползла на крышу. Тань сидел на корточках в метре от нее.

«Фрост! Где Фрост?»

Поднявшись на ноги, Риццоли оглядела крышу. Ей показалось, что мелькнула какая-то тень — плавно, но очень быстро. Возможно, это была всего лишь кошка, с грацией, присущей всем кошачьим, умчавшаяся во мрак. На фоне ночного неба Джейн видела только пустые крыши, переходящие одна в другую, — надземный пейзаж, состоящий из откосов и впадин, выступающих труб и вентиляционных стволов. Но Фроста нигде не было.

«Боже мой, он свалился, — в ужасе подумала Джейн. — Лежит где-то там, на земле. Уже мертвый. Или умирающий».

— Фрост! — кричал Тань, делая круг по крыше. — *Фрост!*

Джейн вынула свой мобильный.

— Это детектив Риццоли. Пересечение Береговой и Наппа. Полицейский внизу...

— Он здесь! — заорал Тань. — Помоги мне поднять его!

Джейн развернулась и увидела Таня у края крыши — он стоял на коленях, словно собирался ласточкой нырнуть вниз, на улицу. Риццоли сунула телефон в карман и побежала к нему. Она увидела Фроста — тот обеими руками вцепился в водосток; его ноги болтались над пропастью глубиной в четыре этажа. Тань лег на живот и протянул руку, чтобы ухватить левое запястье Фроста. Это был откос крыши, одно неверное движение, и оба могли соскользнуть вниз. Джейн улеглась на живот рядом с Танем и схватила Фроста за правое запястье. Они начали тянуть, изо всех сил пытаясь вытащить Барри на колючую черепицу, которая цепляла Джейн за куртку, царапала кожу. Громко застонав, Фрост шлепнулся на крышу рядом с ними и повалился на спину, раскинув руки и жадно глотая воздух.

— Бог мой, — прошептал он. — Я уж думал, что погиб.

— Какого черта! Ты что, споткнулся и упал? — спросила Джейн.

— Я гнался за ним, но клянусь, оно мгновенно *перелетело* через крышу.

— О чем это ты?

— А разве вы его не видели? — Фрост принял сидячее положение. Даже во тьме Джейн заметила, что он бледен и трясется.

— Я ничего не видел, — отозвался Тань.

— Оно было прямо тут, стояло там, где ты теперь. Обернулось и посмотрело прямо на меня. Я отпрыгнул назад и потерял опору.

— Оно? — удивилась Джейн. — Ты говоришь о человеке или о чем?

Фрост прерывисто вздохнул. Обернувшись, он поглядел вдаль, на крыши китайского квартала.

— Не знаю.

— Как ты можешь этого не знать?

Фрост медленно поднялся на ноги и повернулся лицом в ту сторону, куда убежало неизвестное существо.

— Оно двигалось слишком быстро для человека. Это я могу тебе точно сказать.

— Здесь темно, Фрост, — заметил Тань. — Под действием адреналина трудно быть уверенным в том, что видишь.

— Я знаю, возможно, это звучит безумно, но здесь было *нечто*. Никогда раньше я не видел ничего подобного. Вы должны поверить мне!

— Ладно, — согласилась Джейн, хлопнув напарника по плечу. — Я тебе верю.

Фрост поглядел на Таня.

— А ты — нет, верно?

В темноте было заметно, как Джонни пожал плечами.

— Это Чайна-таун. Здесь много странного происходит. — Он рассмеялся. — Может быть, в этой экскурсии о привидениях куда больше правды, чем мы думали.

— Это было не привидение, — возразил Фрост. — Говорю вам, оно живое, из плоти и крови, и стояло вон там. Оно настоящее.

— Никто, кроме тебя, его не видел, — заметил Тань.

Фрост зашагал по крыше, а потом остановился, глядя на лежавшую внизу улицу.

— Возможно, это не совсем так.

Последовав за ним, Джейн тоже остановилась у края крыши и увидела пожарную лестницу, по которой они только что забрались наверх. Под ними тянулась улица Наппа, освещенная тусклым светом фонарей.

— Видишь? — спросил Фрост, указывая на угол здания, на то, что было там закреплено.

На камеру видеонаблюдения.

17

Даже в половине десятого вечера сотрудники «Дедемской безопасности» еще работали — следили за зданиями в Бостоне и пригородах.

— Обычно плохие парни берутся за дело, когда стемнеет, — заметил Гус Гиллиам, ведя трех детективов мимо длинного стеллажа мониторов видеонаблюдения. — Поэтому нам тоже спать не полагается. Если срабатывает хотя бы один из наших сигнализаторов, мы уже на связи с Бостонским ПУ. На раз. Вот так. — Он прищелкнул пальцами. — В общем, если когда-нибудь вам понадобится система безопасности, звоните нам.

Тань изучил изображения на мониторах.

— Ух ты! Да у вас весь город как на ладони.

— Весь округ Саффолк. К тому же наши камеры действительно работают. Половина тех, что развешены по городу, просто пустышки, которые ничего не записывают. Так что если ты преступник, это как игра в наперстки. Никогда не поймешь, какие камеры действительно наблюдают, а какие — нет. Но когда нарушители замечают камеру, они обычно стараются держаться подальше, так что камера на виду — уже средство устрашения.

— Нам повезло, что камера на улице Наппа — настоящая, — порадовалась Джейн.

— Ага. У нас всегда в запасе примерно сорок восемь часов видео, снятого ею. — Гиллиам отвел их в дальнюю комнату, где возле монитора уже поставили четыре кресла. — Так что обычно, когда нас уведомляют о происшествии, мы успеваем сохранить соответствующий отснятый материал. Эта камера была установлена пять лет назад. В прошлый раз, когда нас попросили показать видео с нее, поймали парнишку, который высадил окно. — Гус уселся напротив монитора. — Вы сказали, что вас интересует площадка пожарной лестницы на втором этаже?

— Надеюсь, это место попадает в поле зрения вашей камеры, — сказала Джейн. — Нужное нам здание находится примерно в двадцати — двадцати пяти метрах от нее.

— Не знаю. Вероятно, это далековато, чтобы разглядеть детали, и второго этажа тоже может быть не видно. К тому же у нас низкое разрешение. Но все равно давайте посмотрим.

Когда трое детективов придвинулись поближе, чтобы видеть монитор, Гиллиам щелкнул по ярлычку «Воспроизведение», и на экране возникло живое изображение улицы Наппа. Появились спины двух прохожих, идущих мимо, в сторону улицы Ниленд.

— Смотрите, — проговорил Фрост. — Тут как раз виден угол пожарной лестницы.

— Но, к сожалению, самого окна не видно, — расстроилась Джейн.

— Может, этого будет достаточно. — Фрост нагнулся к монитору, чтобы разглядеть дату и время записи. — Вернитесь примерно на два часа назад. На семь тридцать. Посмотрим, удастся ли нам углядеть нарушителя.

Гиллиам перемотал запись на 19.30.

В 19.35 по улице Наппа медленно прошла пожилая женщина с тяжелыми продуктовыми сумками в руках.

В 19.50 возле ресторана «Красный феникс» появился Джонни Тань. Он заглянул в окно, посмотрел на часы, потом исчез за открытой дверью. Через минуту он появился снова и поглядел вверх, на окна квартир. Видимо, решив обогнуть здание, Тань скрылся за углом.

В 20.06 на пожарной лестнице что-то резко зашевелилось. Это Фрост неуклюже вывалился из окна. Вскочив на ноги, он начал карабкаться вверх и исчез из виду.

— Что за черт! — пробормотал Барри. — Передо мной никто не вылезал. Но ведь я прекрасно знаю, что гнался по лестнице за этим существом.

— Его не видно, — заметила Джейн.

— А это ты, Риццоли. Как так получилось, что Таня тоже не видно? Ведь он вылез сразу после меня.

— Может быть, я привидение? — фыркнул Тань.

— Тут все дело в поле зрения, — понял Гиллиам. — Мы видим только угол лестницы, поэтому камера не фиксирует тех, кто влезает и вылезает несколько... э-э... грациозней.

— Иными словами, из нас с Фростом форточников не получится, — подытожила Джейн.

Гиллиам улыбнулся.

— А вот из детектива Таня вполне.

Джейн вздохнула.

— Значит, эта камера нам не поможет.

— Если, конечно, нарушитель влезал туда всего один раз.

Джейн вспомнила аромат ладана и свежие апельсины на тарелке.

Кто-то регулярно посещает эту квартиру, оставляя приношения в память У Вэйминя.

— Вернитесь на два вечера назад, — попросила она, — и запустите запись.

Гиллиам кивнул.

— Да, стоит посмотреть.

На мониторе время побежало назад, проскочило сорок восемь часов и остановилось на отметке 21.38. Запись снова начала прокручиваться вперед, в скоростном режиме — движения прохожих убыстрились, а их фигуры стали менее четкими. 22.00. Полночь. К 2.00 улица Наппа опустела, и на экране отображалась лишь мостовая, по которой временами, трепеща, проносились обрывки бумаги.

В 3.02 Джейн *увидела.*

Всего лишь тень слегка шевельнулась на площадке пожарной лестницы, но уже одно это заставило Риццоли податься вперед.

— Стоп! Назад! — воскликнула она.

Гиллиам перемотал запись и остановил на картинке с тенью — никаких контуров, просто мрак на пожарной лестнице стал еще гуще.

— Да тут почти ничего не видно, — заметил Тань. — Возможно, это всего-навсего тень от кошки.

— Если кто-то забрался в это здание, — возразил Фрост, — значит, ему пришлось вылезти назад, верно?

— Тогда давайте посмотрим, что произойдет дальше, — согласился Гиллиам и снова включил воспроизведение.

Они наблюдали за тем, как сменяются минуты. Видели, как двое явно пьяных мужчин, пошатываясь, прошли по улице Наппа и свернули за угол.

— *Вон оно!* — через несколько секунд воскликнула Джейн.

Гиллиам остановил кадр и пристально поглядел на тень — согнувшись, она замерла на пожарной лестнице.

— Что это такое, черт возьми? — тихо проговорил он.

— Я же говорил, что видел нечто, — сказал Фрост. — Это оно.

— Тут вообще не поймешь, на что мы смотрим, — заметил Тань. — Лица не видно, даже и не скажешь наверняка, человек ли это.

— Но ведь оно двуногое, — возразил Фрост. — Посмотрите, оно сидит на корточках. И вот-вот прыгнет.

У Джейн зазвонил мобильный телефон. Звук прозвучал настолько резко и пугающе, что, перед тем как ответить, ей пришлось перевести дух и откашляться.

— Детектив Риццоли.

— Вы оставляли сообщение на моем автоответчике, — сказал какой-то мужчина. — Вот я и перезваниваю. Это Лу Ингерсолл.

Джейн выпрямилась в кресле.

— Детектив Ингерсолл, мы всю неделю пытались связаться с вами. Нам необходимо побеседовать.

— О чем?

— Об убийстве в Чайна-тауне. Оно произошло в среду ночью, на прошлой неделе. Жертва — неизвестная женщина лет тридцати с небольшим.

— Вы ведь знаете, что я уволился из Бостонского ПУ шестнадцать лет назад. Почему вы спрашиваете меня о недавнем деле?

— Мы полагаем, что эта смерть может быть связана с одним из ваших старых расследований, массовым убийством в «Красном фениксе».

В трубке повисло молчание.

— Не уверен, что стоит говорить об этом по телефону, — наконец произнес Ингерсолл.

— Может, встретимся, сэр?

Джейн услышала шаги детектива. Уловила его затрудненное дыхание.

— Ладно, похоже, машина уехала. Зря я не записал эти чертовы номера.

— Какая машина?

— Фургон. Он стоял на противоположной стороне улицы с того самого момента, как я приехал домой. Вероятно, там сидел тот подонок, что врывался в мой дом, когда я был на севере.

— Что там у вас происходит?

— Приезжайте прямо сейчас, и я изложу вам свою теорию.

— Мы в Дедеме. На дорогу нам понадобится полчаса, а то и больше. Вы уверены, что мы не можем поговорить прямо сейчас?

Она снова услышала шаги Ингерсолла.

— Мне не хочется говорить об этом по телефону. Я не знаю, кто нас слушает, а я обещал не ввязывать ее в это. Так что я подожду, когда вы приедете.

— О чем вообще речь?

— О девочках, детектив, — ответил он. — Речь о том, что случилось с теми девочками.

— Ну теперь ты хотя бы мне веришь, — сказал Фрост, когда они с Джейн ехали в сторону Бостона. — Ты видела его своими глазами.

— Мы еще не знаем, что было на этой записи, — возразила Риццоли. — Не сомневаюсь, найдется логическое объяснение.

— Я никогда не видел, чтобы человек двигался так быстро.

— И что же это было, как ты думаешь?

Фрост уставился в окно.

— Знаешь, Риццоли, на свете много вещей, которых мы не понимаем. Нечто древнее и настолько странное, что кажется совершенно невозможным. — Барри немного помолчал. — Я как-то встречался с китаянкой.

— Ты? Когда?

— Давно, в старших классах школы. Она и ее семья тогда только-только переехали из Шанхая. Она была очень мила, ужасно застенчива. И невероятно старомодна.

— Может, тебе следовало жениться на ней, а не на Элис?

— Ты же знаешь, что говорят о заднем уме. У меня все равно ничего не получилось бы, потому что ее родня была категорически против любого белого парня. Зато ее прабабке я нравился. Думаю, старушка симпатизировала мне, потому что один я обращал на нее внимание.

— Бог мой, Фрост, есть ли на свете хоть одна бабушка, которой ты не нравишься?

— Я любил слушать ее рассказы. Она говорила, а Жад переводила мне. То, что она рассказывала о Китае… черт!., если бы хоть частичка этого оказалась правдой…

— Ну например?

Фрост посмотрел на Джейн.

— Ты веришь в привидения?

— Сколько мертвецов нам довелось увидеть? Если бы привидения существовали, мы уже давно с ними встретились бы.

— Прабабка Жад говорила, что в Китае повсюду привидения. Она считала, это потому, что Китай такой древний и там умерли миллионы людей. Ведь души должны где-то обитать. Если они не на небесах, значит, должны быть здесь. Среди нас.

Джейн затормозила на светофоре. Ожидая зеленого света, она думала о том, сколько душ, должно быть, витает над этим городом. Сколько их обитает на этом самом месте, на пересечении двух дорог. Если сложить

всех, кто умирал здесь век за веком, Бостон, без сомнения, перенаселен призраками.

— Старая госпожа Чан рассказывала мне совершенно безумные вещи, однако сама она в них верила. О святых, которые ходили по воде. О монахах-воинах, умевших летать по воздуху и становиться невидимыми.

— Похоже, она посмотрела слишком много фильмов о кунг-фу.

— Но легенды ведь на чем-то основываются, ты так не считаешь? Возможно, наше западное сознание слишком закрыто, чтобы принять непонятное, и в этом мире происходит куда больше, чем мы можем себе представить. Разве ты не ощущаешь этого в китайском квартале? Когда я оказываюсь там, я всегда задумываюсь о том, чего не вижу, обо всех скрытых ключах к разгадке, которые я не замечаю из-за своей слепоты. Я захожу в пыльные лавки торговцев лекарственными травами и разглядываю странные засушенные штуковины в банках. Нам это кажется очковтирательством, но вдруг они действительно излечивают рак? Или продлевают жизнь до ста лет? Китайской цивилизации пять тысячелетий. Они должны многое знать. Но никогда не расскажут нам об этих тайнах.

В зеркале заднего вида отражалась машина Таня, который ехал за ними. Джейн задумалась: а как бы он отреагировал на эту беседу? Оскорбили бы его разговоры об экзотичных и таинственных китайцах? Зажегся зеленый свет.

— Я бы не стала рассказывать об этом Таню, — заметила она, минуя перекресток.

Фрост покачал головой.

— Возможно, это разозлило бы его. Но я ведь не расист, понимаешь? Я правда встречался с китаянкой.

— А это уж точно его разозлило бы.

— Я просто стараюсь понять, открыть сознание вещам, которых мы не видим.

— Вот чего я не вижу, так это общей картинки. Ничего не складывается, не состыковывается. Мертвая женщина на крыше. Старое суицид-убийство. А теперь еще Ингерсолл, который бормочет о том, что какой-то фургон следит за его домом. И что-то там о девочках.

— Почему он не стал говорить с тобой по телефону? Почему он думает, что его кто-то подслушивает? И кто?

— Этого он не сказал.

— Когда кто-то начинает говорить о жучках в телефоне, у меня сразу срабатывает предупреждение: псих. Он не показался тебе параноиком?

— Он показался мне встревоженным. А еще он упомянул о «ней». Сказал, что обещал не ввязывать ее в это.

— Айрис Фан?

— Не знаю.

Фрост посмотрел вперед, на дорогу.

— Старый коп вроде него наверняка вооружен. Нам нужно действовать осторожно и медленно. Чтобы не напугать его.

Через пятнадцать минут Джейн затормозила у дома Ингерсолла, а прямо за ней припарковался Тань. Детективы вышли из машин, одновременно захлопнув дверцы. В трехэтажном городском особняке горел свет, но, когда Фрост позвонил в дверь, ее никто не открыл. Барри звякнул еще раз и постучал в окно.

— Я позвоню ему, — вызвалась Джейн, набирая номер Ингерсолла на своем мобильном.

Было слышно, как где-то в доме звонит телефон. Четыре сигнала, затем прозвучало краткое сообщение автоответчика: «Меня нет. Оставьте сообщение».

— Ничего не видно, — сообщил Тань, заглядывая в зашторенные окна фасада.

Джейн дала отбой и сказала Фросту:

— Продолжай звонить в дверь. Тань, мы с тобой обойдем дом. Возможно, он нас не слышит.

Даже когда они с Танем свернули за угол здания, Джейн все равно слышала, как Фрост барабанит в дверь. Узкая дорожка между домами не освещалась и заросла кустами. Джейн чувствовала запах влажной листвы, ощущала, как ботинки проваливаются в сырую землю. В окне она заметила голубое свечение ингерсолловского телевизора и, остановившись, заглянула в гостиную. На экране сменялись картинки. А на журнальном столике лежали мобильный телефон и недоеденный сандвич.

— Это окно не закрыто на задвижку, — заметил Тань. — Я могу забраться внутрь. Что скажешь?

Они обменялись во тьме взглядами. Каждый из них думал о последствиях: что будет, если ворваться в чужой дом без разрешения или ордера.

— Он ведь пригласил нас, — решилась Джейн. — Может, он просто сидит в туалете и ничего не слышит.

Тань поднял оконную раму. В считаные секунды он подтянулся и перебрался через подоконник, а затем беззвучно скользнул в дом. Как, черт возьми, ему это удается? — подивилась Джейн, разглядывая подоконник, доходивший ей до груди. Из этого парня и вправду получится отличный форточник.

— Детектив Ингерсолл! — крикнул Тань, выходя в другую комнату. — Это Бостонское ПУ. Вы здесь?

Джейн поразмыслила о том, чтобы, пыхтя и размахивая руками, тоже пролезть в окно, но потом решила: к тому времени, когда она переберется через подоконник, Тань уже отопрет входную дверь.

— Риццоли, он здесь! Он ранен!

Крик Таня прогнал всю нерешительность. Джейн ухватилась за подоконник и собралась было влезть в окно, но вдруг услышала во мраке шорох кустов и шаги.

«Задняя часть дома, — поняла она. — Подозреваемый уходит».

Она пустилась в погоню и достигла самой дальней части здания как раз в тот момент, когда темная фигура взобралась на забор и спрыгнула на землю с другой стороны.

— Фрост! — крикнула Джейн, мчась к забору. — Мне нужна поддержка!

Адреналин помог ей взобраться на забор и перемахнуть его, хотя щепки кололи руки. Джейн приземлилась на другой стороне — ее туфли впечатались в тротуар, и это болью отозвалось в голенях.

Она увидела противника. «Мужчина», — поняла Джейн.

Риццоли слышала, как кто-то скребет по забору руками и ногами, но не стала смотреть, кто именно — Фрост или Тань. Все ее внимание было по-прежнему сосредоточено на фигуре, маячившей впереди. Она настигала мужчину и уже приблизилась настолько, что могла различить:

он одет во все черное. Наряжен специально для преступления. «Но не настолько скор, чтобы сбежать от девчонки-полицейского», — решила Джейн.

Подмога явно отставала, однако Риццоли не замедляла хода, она не могла позволить преследуемому ускользнуть. И вот до него осталось всего несколько десятков метров.

— Полиция! — закричала она. — Стоять!

Мужчина рванул вправо и скрылся между зданиями.

Это взбесило ее. Ярость заставила Джейн обогнуть угол дома, и она оказалась в проулке. Там было темно, слишком темно. Она помчалась вперед — эхо ее шагов дробно отражалось от стен. Джейн пробежала еще немного и замедлила ход. Остановилась.

«Где он? — стучало в голове. — Куда он пошел?»

Выхватив оружие, Джейн с колотящимся сердцем вглядывалась во мрак. Увидела мусорные контейнеры, услышала звон бьющегося стекла.

Пуля попала ей в спину, прямо между лопаток. Удар швырнул ее вперед, она рухнула ничком и ободрала ладони о мостовую. Пистолет выпал из рук. Кевларовый жилет спас ее, но толчок был столь силен, что у Джейн перехватило дыхание. Оглушенная, она лежала, не в силах сообразить, куда отлетело ее оружие.

Кто-то медленным шагом приближался к ней. Риццоли с трудом поднялась на колени, пытаясь нащупать пистолет.

Шаги за спиной замерли.

Джейн повернулась и увидела возвышавшийся над ней силуэт мужчины. Его лицо скрадывал мрак, но все же в проулок попадало достаточно света, чтобы Риццоли различила движение — он поднял руку. Джейн увидела слабый блеск пистолета — его ствол был направлен ей в голову. Конец будет быстрым и верным, а убийца и жертва так и не посмотрят друг другу в глаза. Габриель, подумала Джейн, Реджина, я так и не сумела сказать, как сильно люблю вас обоих.

Она слышала в ночи шепот Смерти — он был словно тихий свист ветра в ушах. Что-то брызнуло ей на лицо, и Джейн зажмурилась. Когда она снова открыла глаза, стоявший над ней силуэт пропал — человек рухнул вперед. Он свалился ей на ноги, словно срубленное дерево. Придавленная весом мужчины, Джейн чувствовала, что по ее одежде

разливается какое-то жидкое тепло. И сразу же узнала характерный металлический запах.

Кто-то дышал во мраке — существо, чьи очертания вырисовывались теперь на том месте, где раньше был стрелок. У него не было лица, только черный овал и ореол из серебристых волос. Существо не произнесло ни слова, но, когда оно отворачивалось, в его руке что-то сверкнуло — яркая дуга отраженного света, молниеносно исчезнувшая. Тень скользнула тенью — только так это и можно было назвать, а еще Джейн показалось, что она слышит шорох ветра. Через мгновение Риццоли осталась одна, придавленная к жесткому асфальту телом мужчины, из которого выплескивались ей на одежду остатки крови.

— Риццоли! *Риццоли!*

Джейн попыталась освободиться от трупа, сдавливавшего ее ноги.

— Я здесь! Фрост!

В отдалении сверкнул луч фонарика. Он приблизился, скользя влево-вправо по проулку.

Застонав от напряжения, Джейн все же сумела отодвинуть тело. От соприкосновения с мертвой плотью она вздрогнула и отползла в сторону.

— Фрост, — проговорила она.

Свет ударил прямо в глаза Джейн, и она подняла руку, чтобы загородиться.

— Боже мой! — закричал Фрост. — Ты что, ра...

— Со мной все нормально. Все хорошо! — Риццоли сделала глубокий вдох и почувствовала сильную боль в том месте спины, где пуля впилась в кевларовый жилет. — По крайней мере, я так думаю.

— Тут столько крови...

— Это не моя. Это его.

Фрост направил луч фонарика на тело, и Джейн в ужасе вдохнула столько воздуха, что у нее заболели ребра. Тело лежало на животе, отрубленная голова откатилась чуть в сторону. Глаза покойника смотрели прямо на них, а рот был открыт, словно мужчина собирался удивленно вскрикнуть. Джейн изумленно уставилась на аккуратно разрубленную шею и вдруг почувствовала, насколько мокрыми были ее брюки — они прилипали к ногам. Все вокруг завертелось — спотыкаясь,

Джейн отбрела в сторону и оперлась спиной о стену здания. Там она опустила голову и принялась отчаянно сражаться с подступающей рвотой.

— Что произошло? — спросил Фрост.

— Я видела его, — прошептала Джейн. — Существо. То, что было на крыше. — Казалось, будто ее ноги растаяли. Риццоли сползла по стене и уселась на землю. — Оно только что спасло мне жизнь.

Повисло долгое молчание. Ветер мел по проулку, разбрасывая песок — он колол лицо, разъедал глаза. Я должна была умереть, подумалось ей. Должна была лежать здесь с пулей в голове. Но вместо этого сегодня снова окажусь дома. Обниму мужа и поцелую ребенка. И за это чудо я в долгу перед неким существом, непонятно откуда взявшимся во тьме ночной.

Джейн подняла голову и поглядела на Фроста.

— Ты должен был встретиться с ним. Только что.

— Я никого не видел.

— Оно должно было пробежать мимо тебя, когда ты входил в проулок.

Барри покачал головой.

— Это так же, как было на крыше. Там его видел только я, а ты мне не поверила.

Джейн снова посмотрела на обезглавленное тело, на пистолет, который по-прежнему сжимала рука покойника.

— Теперь — верю.

18

Из своей припаркованной машины Маура видела троих полицейских, стоявших возле желтой ленты оцепления. Все они смотрели в ее сторону и наверняка опознали черный «Лексус», а потому понимали: приехала судмедэксперт. Но когда она вышла из машины и двинулась в их сторону, полицейские отвернулись и продолжили беседовать о своем. Только после того как Маура официально отрекомендовалась, они наконец удостоили ее взглядом.

— Детектив Риццоли в доме? — осведомилась она.

— Не знаю, мэм, — ответил один из патрульных. — Почему бы вам самой не проверить?

Неужели он из принципа не хотел помогать ей? Холодно-нейтральное выражение полицейского не позволяло понять это. Маура поднырнула под ленту оцепления, двинулась к парадному входу и, услышав смех патрульных за спиной, задумалась: а не над ней ли смеются? И не придется ли ей теперь каждый раз сталкиваться с подобным отношением на месте происшествия? Взгляды, шепот, едва скрываемая враждебность. Маура остановилась у парадной двери, чтобы натянуть бахилы. Она изо всех сил старалась удержать равновесие — нельзя давать патрульным очередной повод похихикать. Когда Маура выпрямилась, дверь уже была открыта и на нее смотрел детектив Тань.

— Доктор Айлз, простите, что вытащили вас из дома среди ночи.

— Оба убитых в доме?

— Один — на кухне. Другой — за несколько кварталов отсюда, в проулке.

— И как это второй убитый оказался так далеко от первого?

— Он пытался удрать от Риццоли. Думаю, эту девушку не так-то просто сбросить с хвоста.

Из прихожей Тань проводил Мауру в коридор. Шурша бахилами по полу, она последовала за детективом на кухню и страшно удивилась, увидев рядом с Барри Фростом начальника отдела убийств Бостонского ПУ. Встреча с лейтенантом Маркеттом на месте происшествия — событие весьма редкое; его присутствие свидетельствовало о том, что это убийство особенное.

Погибший лежал на боку. Возле его лица, на плиточном полу, застывала огромная лужа крови. Это был грузный белый мужчина лет семидесяти с лишним, в рыжевато-коричневых брюках, вязаной фуфайке и темных носках. На одной ноге по-прежнему оставалась тапка. Огнестрельная рана в виске почти не оставляла сомнений о причине смерти. Маура не сразу бросилась к телу, а немного постояла в стороне, пытаясь отыскать взглядом орудие, однако никакого пистолета возле трупа не обнаружила. «Значит, не самоубийство», — решила она.

— Он был полицейским, — тихо проговорила Джейн.

Маура не слышала, как подошла Риццоли. Она обернулась и уставилась на залитую кровью блузку подруги. Вместо своего обычного темного

брючного костюма Джейн надела мешковатые тренировочные штаны — видимо, обстоятельства вынудили ее сменить одежду.

— Боже мой, Джейн!

— Да, непростая история вышла.

— И как ты, нормально?

Джейн кивнула и снова поглядела вниз, на мертвеца.

— А вот о нем такого не скажешь.

— Кто он?

— Детектив Лу Ингерсолл, — ответил лейтенант Маркетт. — Шестнадцать лет назад вышел в отставку, а до этого служил в отделе убийств. Он один из наших, доктор Айлз. И заслуживает серьезных стараний.

Неужели лейтенант намекает, что Маура может уделить этому мертвецу меньше внимания, чем обычно? Что судмедэксперт, предавшая одного служителя правопорядка, предаст и этого полицейского? Ее щеки вспыхнули. Она наклонилась к телу. Потребовалось несколько секунд, чтобы до Мауры дошло, какое имя ей назвали. Лу Ингерсолл.

Маура перевела взгляд на Таня.

— Этот человек работал по делу о массовом убийстве в «Красном фениксе», — сказала она.

— Ты уже знаешь о нем? — удивилась Джейн.

— Мы с детективом Танем говорили об этом, когда он привозил мне отчеты о вскрытии.

Джейн повернулась к Таню.

— А я и не знала, что ты консультировался с ней.

Джонни пожал плечами.

— Мне просто хотелось узнать мнение доктора Айлз. Не было ли что-нибудь упущено девятнадцать лет назад.

— Детектив Риццоли? — В дверях кухни стоял один из криминалистов; у него на шее были наушники. — Мы проверили комнату сканером

радиочастот. Вы были правы. От его городского телефона действительно идет сигнал.

— Сигнал? — Маркетт непонимающе взглянул на Джейн.

— Ингерсолл считал, что кто-то прослушивает его телефон, — пояснила Риццоли. — Если честно, я несколько удивлена, что вы действительно обнаружили сигнал.

— Зачем кому-то устанавливать жучок на его телефон?

— Причина здесь явно необычная. Он вдовец уже восемнадцать лет, так что никакой войны, связанной с разводом, вести не мог. У него есть дочь, но она понятия не имеет, что происходит. — Джейн снова поглядела на мертвеца. — Странностей только прибавляется. Он был недоволен, что из какого-то фургона наблюдали за его домом. Сказал, что кто-то вломился к нему в дом, когда он был в отъезде. Мне все это показалось бредом сумасшедшего.

— Однако бредом это не было. — Маркетт посмотрел на криминалиста. — Вы еще не проверили его мобильный?

— На нем мы никакого сигнала не обнаружили. Батарея разрядилась. Когда зарядится, мы просмотрим журнал вызовов.

— Нужно получить распечатку его звонков — мобильных и городских. И посмотреть, с кем он разговаривал последнее время.

Маура поднялась.

— Насколько я понимаю, есть еще один убитый.

— Стрелок, — ответила Джейн. — Во всяком случае, мы считаем, что этот человек — стрелок. Я гналась за ним несколько кварталов.

— Ты сама положила его?

— Нет.

— А кто же?

Джейн глубоко втянула воздух, словно морально готовясь к тому, что будет дальше.

— Это непросто объяснить. Давай я лучше покажу тебе.

Они вышли на улицу, где уже собралась толпа, завороженная вторжением органов правопорядка в этот район. Прокладывая путь между зеваками, Джейн вывела Мауру за угол, в тихий переулок. Риццоли шла своей обычной быстрой походкой, однако ее самонадеянность куда-то делась, а плечи поникли, словно нынешняя ночь сломила ее, отобрала уверенность в себе.

— С тобой действительно все нормально? — спросила Маура.

— Если забыть о том, что испорчен мой любимый брючный костюм? Да, все нормально.

— Но выглядишь ты ненормально. Давай поговорим, Джейн.

Риццоли замедлила шаг и остановилась. Она уперлась взглядом в мостовую, словно боялась смотреть на Мауру, боялась показать, насколько уязвимой себя чувствует.

— Я не должна стоять на этом самом месте, — пробормотала она. — Я должна была умереть, как Ингерсолл. Должна была лежать в проулке с пулей в башке. — Джейн неодобрительно поглядела на свои руки, словно они принадлежали кому-то другому. — Ты только посмотри. Черт, они трясутся.

— Ты сказала, что гналась за преступником.

— Да, я гналась за ним. Но была слишком самонадеянна. Побежала за ним в проулок. Это он меня положил. — Джейн обхватила себя руками, словно ее внезапно обдало холодом. — Меня спас подарок на день рождения. Помнишь, как Габриэль купил мне кевларовый жилет? Как мы с тобой смеялись над этим? Так романтично, любой девчонке понравилось бы. Когда я не надевала его, Габриэль страшно злился, так что сегодня утром я нацепила жилет, чтобы сохранить мир в семье. Теперь придется постоянно выслушивать одно и то же. Что он был прав.

— Габриэль уже знает, что с тобой случилось?

— Я еще не звонила ему. — Джейн утерла лицо рукавом. — Не успела.

— Тебе надо ехать домой. Немедленно.

— И все здесь бросить?

— Джейн, ты едва держишься. Твоя команда спокойно продолжит работу.

— Ну да, ведь тут же Маркетт! Еще увидит, что не могу пережить такого пустяка, как выстрел в спину! Да ну к черту! — Джейн отвернулась и пошла прочь, словно торопилась скорее покончить со всем этим делом. Стремилась доказать, что справится.

Ах, Джейн, подумала Маура. Ты постоянно доказываешь, на что способна, и никак не можешь успокоиться. Ты навсегда останешься той новенькой, которая неудержимо стремилась к признанию. Боялась показаться слабой.

Они подошли к другому оцепленному участку — проулку, вход в который охранял патрульный. И снова Мауру встретили с холодным безразличием. Надевая новые бахилы и подныривая под желтую ленту оцепления, Маура чувствовала, что патрульный наблюдает за ней, поэтому рада была уйти от его пристального взгляда и последовать в темный проулок за Джейн.

— А вот холостяк номер два, — объявила Джейн, направляя фонарик на мостовую.

Игривый и совсем неуместный комментарий сбил Мауру с толку — она и не предполагала, какой ужас лежал прямо у ее ног.

Труп обезглавили умело. Сама голова в темной вязаной шапочке покоилась примерно в метре от туловища белого мужчины лет сорока. Тело, облаченное во все черное, лежало на животе; казалось, оно плывет брассом в океане из собственной крови. Застывшая в трупном окоченении рука по-прежнему сжимала пистолет. Водя своим фонариком, Маура увидела прерывистые дуги брызг на стенах и застывшие темные лужи крови на мостовой, словно кто-то неумело готовил здесь кровяную колбасу.

— Познакомься с придурком, который испортил мой любимый костюм, — объявила Джейн.

Нахмурившись, Маура окинула взглядом обезглавленное туловище. Оружие, которое мужчина сжимал в руке.

— Ты гналась за этим человеком от дома Ингерсолла?

— Да. Бежала за ним с заднего двора. Он выпустил пулю и попал мне в спину. До сих пор ужасно больно.

— Тогда как же он…

— Вмешалось третье лицо. Если у тебя есть вопросы о том, каким образом он погиб, спроси меня, потому что я присутствовала. Я лежала

на земле, а этот парень чуть было не всадил пулю мне в голову. Я думала, все, конец. Думала… — Она нервно сглотнула. — Потом услышала звук, этакий свист в воздухе. И он просто рухнул на меня. — Глядя вниз, Джейн тихо добавила: — А я все еще жива.

— Ты видела, кто это сделал?

— Только тень. Серебристые волосы.

— И все?

Джейн засомневалась.

— И меч. Думаю, это был меч.

Глядя на тело, Маура почувствовала легкое дуновение ветерка, пронесшегося по проулку. И задумалась: неужели звук, сопровождавший смертельный удар, был таким же, как шепот ветра? Она вспомнила ампутированную кисть неизвестной, аккуратно рассеченные суставы и сухожилия. И сосредоточила внимание на пистолете, который сжимал мертвец.

— Пистолет с глушителем, — заметила Маура.

— Да. Этот тип одет в черное, и у него оружие наемного убийцы. Как и у неизвестной, женщины с крыши.

— Обычным взломом это не назовешь. — Маура подняла взгляд. — Почему на телефоне Ингерсолла был жучок?

— Лу так и не успел рассказать мне, однако он явно нервничал и хотел что-то *сообщить*. Что-то о девочках. «Речь том, что случилось с теми девочками», — сказал он.

— С какими девочками?

— Думаю, это связано с «Красным фениксом». Ты знаешь, что у двоих погибших там людей пропали дочери?

До Мауры донеслись чьи-то голоса и хлопанье автомобильных дверей. Она поглядела в проулок и увидела свет приближающихся фонариков. Криминалисты.

— Теперь уж я точно прочитаю документы, которые привез Тань.

— Зачем он это сделал? Я удивилась, что он сбросил это на тебя.

— Он ждет беспристрастного суждения. Мне кажется, он не верит, что повар покончил жизнь самоубийством.

— И что ты думаешь?

— Мне было некогда заниматься документами. На этой неделе у меня гостит Крыс, я провожу много времени с ним. — Маура повернулась, собираясь уходить. — Утром я сразу же приступлю к вскрытиям. Так что приходи, если хочешь.

— Ты будешь проводить оба?

Этот вопрос показался Мауре странным, и она снова обернулась к подруге.

— Поверь, говорить нет необходимости. Я прекрасно знаю обо всех пересудах. Я вижу все это, когда какой-нибудь полицейский смотрит на меня или отказывается на меня смотреть. Они считают меня врагом.

— Это пройдет, Маура. Просто понадобится время.

«До тех пор, пока я не дам показания против очередного копа», — подумала Маура.

— Мне не хочется вести себя некорректно, — произнесла она вслух. — Я попрошу доктора Бристола провести вскрытие Ингерсолла.

Она поднырнула под ленту полицейского оцепления и двинулась прочь, мимо команды криминалистов. Только удалившись на квартал от проулка, она почувствовала, как уходит напряжение. «Это пройдет, Маура», — сказала Джейн. Неужели? У полицейских хорошая память. Они держат в голове подробности дел десятилетней давности, не забывают обид и помнят всех, кто был за или против них. Я навсегда буду причислена ко второй категории, решила Маура. Даже через двадцать лет они не забудут, что однажды я помогла засадить полицейского.

Когда она снова оказалась у дома Ингерсолла, там появилось еще больше служебных машин. Маура остановилась, ослепленная светом проблесковых маячков и почти карнавальной неразберихой. Внезапно болтовню полицейских раций прорезали женские рыдания.

— Дайте мне увидеть его! Мне нужно увидеть отца!

— Мэм, прошу вас. Внутрь вам заходить нельзя, — сказал патрульный, преграждая ей дорогу. — Как только появится возможность, к вам выйдут, с вами поговорят.

— Но это же мой папа. Я имею право знать, что с ним случилось.

— Отец Брофи! — крикнул полицейский. — Не могли бы вы помочь этой даме?

Высокий мужчина с клерикальным воротничком спокойно пробрался сквозь толпу. Даниэла Брофи, священника, прикрепленного к Бостонскому полицейскому управлению, часто вызывали в места, где произошла трагедия, так что Мауру не удивило его присутствие, но все же она была поражена этой встрече. С тоской во взгляде Маура следила за тем, как Даниэл уводил дочь Ингерсолла прочь от ленты оцепления. Не похудел ли он? Кажется, его лицо стало более обеспокоенным, а волосы еще больше поседели. «Скучаешь ли ты без меня так же сильно, как я без тебя?» — подумала Маура.

Он вел рыдающую женщину к патрульной машине, а затем вдруг увидел Мауру, и их взгляды встретились. На мгновение окружающий мир исчез, и она видела только Даниэла. Ощущала биение собственного сердца — оно бешено вздрагивало, словно крылья умирающей птицы.

Даниэл уходил, прижимая к себе плачущую женщину, а Маура продолжала смотреть на него, не в силах отвести взгляд.

19

Джейн стояла возле негатоскопа, изучая рентгеновские снимки мертвеца. Костные ткани выглядели вполне нормально, если не считать одной бросавшейся в глаза детали: его череп был отделен от тела — шею разрубили между третьим и четвертым позвонком. Тань и Фрост уже стояли возле секционного стола, ожидая начала вскрытия, а Джейн никак не могла покинуть свое место — она не готова была увидеть то, что скрывалось под простыней. Рентгеновские снимки — вещь абстрактная, этакие черно-белые анатомические комиксы. У них нет ни запаха плоти, ни лица. А потому Джейн стояла возле негатоскопа дольше, чем нужно, разглядывая тени легких и сердца — того самого сердца, которое прошлой ночью выбрасывало кровь на ее одежду. Если бы не безымянный спаситель, здесь висели бы мои рентгеновские снимки, подумала Джейн. А на столе лежало бы мое тело.

— Джейн! — окликнула Маура.

— Трудно представить, насколько острым должен быть клинок, чтобы сделать такое одним ударом, — проговорила Риццоли, не отрывая взгляда от снимков.

— Тут все дело в анатомии, — заметила Маура. — В том, под каким углом клинок обрушивается на сочленение. В Средневековье искусный палач мог одним ударом обезглавить осужденного. Если он рубил несколько раз, значит, был несведущ в своем деле. Или пьян.

— Приятно начинать утро с такой темы, — отозвался Тань.

Маура сдернула простыню.

— Мы еще не раздели его. Я посчитала, что вы захотите присутствовать при этом.

Нет, я не хочу присутствовать, подумала Джейн. Не хочу это видеть. Однако она заставила себя повернуться к столу. То, что лежало там, уже не было для нее неожиданностью, однако при виде отрубленной головы она все равно резко втянула воздух. Джейн еще ничего не знала об этом человеке — ни имени, ни происхождения. Единственными пока зацепками были предметы, извлеченные прошлой ночью из его карманов: запасная обойма, стопка наличных и ключи от угнанного «форда», припаркованного в двух кварталах от дома Ингерсолла. Никаких удостоверений при нем не оказалось.

Руки мертвеца уже были помыты, а отпечатки пальцев взяли еще ночью, после прибытия в морг. На подушечках до сих пор остались следы сиреневых чернил. Маура и Йошима вместе сняли одежду: фуфайку, брюки, трусы и носки. Обезглавленное тело оказалось коренастым и мускулистым. На правом колене виднелся заживший диагональный шрам — напоминание о старой хирургической операции. Пристально глядя на шрам, Джейн подумала: теперь-то я знаю, почему мне так легко удалось догнать его прошлой ночью.

Под увеличительным стеклом Маура оглядела рассеченные мягкие ткани, пытаясь отыскать неровности и синяки.

— Я не вижу никаких зазубрин, — постановила она. — Рана однородная, повторных порезов нет. Удар был только один.

— Я же тебе говорила, — вставила Джейн. — Это меч. Отрубили одним махом.

Маура подняла голову.

— Даже если я считаю свидетеля очень надежным, мне все равно нужно подтверждение. — Она снова переключила внимание на рану. — Этот удар нанесли под необычным углом. В какой руке был меч — в левой или правой?

Джейн засомневалась.

— Самого удара я не видела. Но, когда он уходил, меч был… в правой руке.

— Ты уверена?

— Да. А что?

— Просто с правой стороны рана начинается чуть снизу, а затем, в левой части шеи, уходит вверх.

— И что?

— Рост убитого примерно сто семьдесят восемь — сто восемьдесят сантиметров. Если убийца напал со спины и нанес удар справа налево, он, вероятно, был ниже. — Маура поглядела на Джейн. — Ты согласна?

— Я лежала на спине. С такого ракурса все кажутся высокими, особенно те, у кого огроменный меч. — Джейн выдохнула, вдруг осознав, что Маура смотрит на нее своим аналитическим взглядом, который так раздражал ее.

Этот взгляд вторгался в ее личное пространство, заставляя чувствовать себя плавающим в формалине образцом. Джейн резко отвернулась от стола.

— Не думаю, что мне стоит здесь оставаться. Чем нам поможет это вскрытие? Вот так сюрприз — кто-то отрезал ему башку! — Она бросила халат в ящик с грязным бельем. — Досмотрите вы, ребята. А я позвоню в криминалистическую лабораторию и узнаю, нашлось ли что-нибудь на мобильном телефоне Ингерсолла.

Внезапно дверь из предсекционной распахнулась, и Джейн с изумлением увидела своего мужа, входящего в зал.

— Что ты здесь делаешь?

Спецагент Габриэль Дин не впервые оказывался в секционном зале. Джейн познакомилась со своим мужем, когда вела дело о серийном убийце; в ходе расследования им приходилось часами склоняться над зловонными трупами, которых обнаруживали в разных стадиях разложения. Габриэль уже надел халат и бахилы и теперь натягивал перчатки. Когда он подошел к столу, его лицо приобрело мрачное и сосредоточенное выражение.

— Это человек из проулка? — напрямик спросил он. — Тот, что чуть не убил тебя?

— Привет и тебе, дорогой, — отозвалась Джейн. Она поглядела на Таня. — Если тебя интересует, кто сей незваный гость, поясняю: это мой муж Габриэль. Я понятия не имею, зачем он сюда пожаловал.

Габриэль с прежним вниманием разглядывал труп.

— Что нам известно о нем на данный момент?

— Нам? С каких это пор ты стал членом команды? — поразилась Джейн.

— С тех пор, как этот человек попытался застрелить тебя.

— Габриэль… — Джейн вздохнула. — Мы поговорим об этом позже.

— Об этом нужно говорить именно сейчас.

Джейн пристально посмотрела на мужа, силясь понять, что происходит, и стараясь угадать его настроение по лицу, которое казалось каменным в резком лабораторном свете.

— В чем дело?

— В отпечатках пальцев.

— Из АСРОП[8] нам не прислали никаких результатов.

— Я говорю об отпечатках неизвестной. Женщины с крыши.

— По ней тоже не было никаких совпадений, — возразила Маура. — Ее нет в базе данных ФБР.

— Я послал «черный циркуляр»[9] в Интерпол, — объяснил Дин. — Потому что мне ясно: эта история — часть чего-то большего. Гораздо большего. Вспомните, как была одета неизвестная. Вспомните ее оружие. То, что у нее не было удостоверения личности, и то, что она ездила на угнанной машине. — Спецагент посмотрел на труп. — Точно так же, как этот мужчина.

— Тебе пришел ответ из Интерпола? — поинтересовалась Джейн.

Габриэль кивнул.

— Час назад. Она числится в их базе данных. Не по имени, конечно, а по отпечаткам пальцев. Они остались на составляющих автомобильной

бомбы, которая взорвалась в Лондоне два года назад. Погиб водитель, американский бизнесмен.

— Так что, речь идет о *терроризме*? — поразился Тань.

— Интерпол считает, что бомба — дело рук организованной преступной группировки. Заказное убийство. Женщина с крыши — явно профессионал. Этот человек, я полагаю, тоже. — Габриэль поглядел на Джейн. — Кевларовый жилет не спасет тебя, Джейн. Против таких людей он бессилен.

Джейн удивленно усмехнулась.

— Черт, нам страшно повезло, верно?

— У тебя есть дочь, — продолжал Габриэль. — У *нас* есть дочь. Подумай об этом.

— О чем тут думать?

— Сможет ли Бостонское ПУ справиться со всем этим.

— Все, хватит. Давай обсудим это в другом помещении, прошу тебя. — Джейн посмотрела на своих коллег. — Извините, — пробормотала она и вышла через двери, открывающиеся в обе стороны. Только когда они с Габриэлем оказались в коридоре, за пределами слышимости, Риццоли выпалила: — Чего ты сюда приперся?

— Пытаюсь сохранить жизнь своей жене.

— Это моя территория, ясно? Я решаю, что здесь происходит.

— Ты вообще представляешь, с чем столкнулась?

— Очень скоро я разберусь.

— А пока только собираешь пули и мертвые тела.

— Да. Похоже, скоро будет целая коллекция.

— Включая копа. Ингерсолл умел постоять за себя, но теперь и он в мешке для перевозки тел.

— И что, ты хочешь, чтобы я самоустранилась? Убежала домой и спряталась под кроватью? — Джейн фыркнула. — Не бывать этому.

— Кто пользуется услугами профессиональных убийц, Джейн? Человек, заказывающий убийство бывшего копа, не боится Бостонского ПУ. Он не боится тебя. Наверняка это организованная преступность. Русская мафия. Или китайская…

— Кевин Донохью, — подсказала Риццоли.

Габриэль немного помолчал.

— Ирландская группировка? — спросил он.

— Мы уже собираем на него материал. Один из его людей по имени Джоуи Гилмор погиб в результате массового убийства в Чайна-тауне. Мать Гилмора полагает, что это заказное убийство ее сына, оплаченное Донохью. Дело вел Ингерсолл.

— Если это Донохью, то у него очень длинные руки. Возможно, у него есть связи даже в Бостонском ПУ.

Джейн пристально поглядела на мужа.

— И что, бюро способно чем-то подкрепить это обвинение?

— У нас нет достаточного количества свидетельств, чтобы обвинение выглядело правдоподобно. Но вот что я тебе скажу: с ним шутки плохи, Джейн. Если у него есть каналы в Бостонском ПУ, он уже совершенно точно знает, что ты собираешься делать. Он знает, что ты придешь к нему.

Джейн вспомнила обо всех полицейских, оказавшихся в доме Ингерсолла прошлой ночью, включая лейтенанта Маркетта собственной персоной. Сколько копов следили за ней, вслушиваясь в ее слова, в ее планы? Какая часть увиденного и услышанного уже дошла до Донохью?

— Прошлая ночь была подарком, — продолжал Габриэль. — Ты осталась жива. Может, стоит забрать этот подарок домой и немного насладиться им?

— Забыть о нынешнем деле? Ты этого от меня хочешь?

— Возьми отпуск. Тебе нужен отдых.

— *Не смей.* — Джейн подошла к мужу вплотную. Ей пришлось выгнуть шею, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Габриэль не отступил, он никогда не отступал. — Я не хочу слышать это от тебя, — добавила она. — Особенно сейчас.

— Когда же мне говорить это? На твоих похоронах?

Звонок ее мобильного прорезал повисшую тишину. Выхватив телефон из чехла, она кратко ответила:

— Риццоли.

— Э-э-э… я звоню в неудачное время, детектив?

— Кто это?

— Эрин. Из криминологической лаборатории.

Джейн тяжело выдохнула.

— Простите. Что вы хотели сказать?

— Помните те странные волоски на одежде неизвестной? Те, что я не смогла идентифицировать?

— Да. Серые.

— Мне не терпится рассказать вам, чьи они.

Джейн все еще обдумывала тягостный диалог с Габриэлем, когда они с Фростом ехали к Шрёдер-плаза[10]. Барри прекрасно понимал настроение Джейн, а потому большую часть дороги молчал, но, когда Джейн свернула на парковку, он задумчиво проговорил:

— Мне очень не хватает этой стороны брака.

— Какой стороны? — не поняла его напарница.

— Того, что кто-то волнуется за тебя. Мучает тебя разговорами о том, что ты слишком много рискуешь.

— И что, это разве хорошо?

— А разве нет? Это значит, что он любит тебя. И не хочет тебя потерять.

— Это значит, что мне приходится воевать на двух фронтах. Умудряться работать, хотя Габриэль мечтает надеть на меня смирительную рубашку.

— А если бы он не мечтал? Ты когда-нибудь думала об этом? На что это было бы похоже, если бы ему было настолько все равно, что он и рта бы

не раскрывал? И на что это было бы похоже, если бы ты вообще была не замужем?

Риццоли заняла парковочное место и заглушила двигатель.

— Он не хочет, чтобы я работала по этому делу.

— Не уверен, что я сам хочу по нему работать. Особенно после того, что нам обоим пришлось пережить.

Джейн посмотрела на Фроста.

— Испугался?

— И не боюсь в этом признаться.

Напарники услышали, как хлопнула дверца автомобиля, и, повернувшись, увидели Таня — он выходил из машины, которую только что припарковал неподалеку от них.

— Держу пари, что он не испугался, — пробормотала Джейн. — Не думаю, что хоть что-то способно смутить этого Брюса Ли.

— Наверняка это напускное. Он был бы сумасшедшим, если бы не боялся Донохью и его парней.

Джейн толкнула свою дверцу.

— Пойдем. А то подумают, что мы здесь обжимаемся или еще чего-нибудь там.

Когда они прибыли в криминалистическую лабораторию, Тань уже сидел у микроскопа Эрин Волчко и разглядывал препарат.

— А вот и вы наконец, — сказала Эрин. — Мы с детективом Танем рассматриваем образцы шерсти приматов.

— И среди них есть похожие на те, что мы сняли с нашей девицы? — поинтересовалась Джейн.

— Да, но микроскопия не позволяет точно установить вид. Для этого мне пришлось прибегнуть к другой технике. — Эрин положила на рабочий стол распечатанную страницу с несколькими столбиками разных оттенков серого. — Это результаты анализа кератинов. В волосах содержатся разнообразные белковые компоненты, которые можно разделить при помощи электрофореза. Нужно помыть и высушить образец, затем растворить в «химическом супе» и поместить

растворенные белки на тонкий слой геля. А затем подвергнуть воздействию электрического тока. Он заставляет разные белки перемещаться по гелю с различной скоростью.

— И в конце концов получаются эти серые столбики?

— Да. После окрашивания серебром и промывания. Чтобы усилить контраст.

Фрост пожал плечами.

— Не вижу в этом ничего особенно интересного.

— Однако я отправила их по электронной почте в орегонскую криминалистическую лабораторию Службы охраны диких животных, и там эти данные прокачали по базе образцов кератина.

— Что, существует такая база? — поразился Тань.

— Безусловно. Ее составляют специалисты по живой природе со всего мира. Если американские таможенники конфискуют партию шкур, им необходимо знать, грозит ли этим животным исчезновение. База данных помогает понять, какому зверю принадлежал тот или иной мех. — Эрин открыла папку и вынула из нее еще одну страничку с результатами анализа кератина. — Вот с чем они сравнивали наши шерстинки. Вы заметите, что мои белковые полоски почти идеально совпадают с одним из образцов.

Джейн несколько раз перевела взгляд с одной распечатки на другую.

— Столбик номер четыре, — заключила она.

— Верно.

— И что же под номером четыре?

— Нечеловекообразный примат, как я и думала. Узконосая обезьяна рода гульманов или серых лангуров. В нашем случае — вид, известный под названием серый лангур североравнинный.

— Серый? — Джейн взволнованно подняла взгляд.

Эрин кивнула.

— Того же цвета, что и шерстинки, снятые с тела неизвестной. Это достаточно большие обезьяны, с черными мордами и серой или белой шерстью. Ареал их наземного и арбореального обитания — Южная Азия,

от Китая до Индии. — Криминалист умолкла. — То есть они живут как на земле, так и на деревьях. — Эрин повернулась к компьютеру и запросила поиск по «Гугл. Картинки». — Вот фотография. Эти обезьяны выглядят именно так.

От увиденного на экране руки у Джейн внезапно похолодели. «Черное лицо. Серые волосы», — вспомнила она. Риццоли снова почувствовала боль между лопатками — в том самом месте, где пуля вонзилась в кевларовый жилет. Припомнила, как ей на лицо плеснула горячая кровь, припомнила силуэт, темневший над нею в проулке, и голову, обрамленную серебристыми волосами.

— А какой рост у этих обезьян? — тихо спросила она.

— Самцы достигают примерно восьмидесяти сантиметров в длину.

— Вы уверены, что они не бывают выше?

— Они не человекообразные приматы, а просто обезьяны.

Джейн поглядела на Фроста. Заметила его бледность и ошеломленный взгляд.

— Это ведь то, что ты видел, верно? — спросила она. — На крыше.

Эрин нахмурилась.

— Кого вы видели?

Фрост покачал головой.

— То существо было гораздо выше восьмидесяти сантиметров.

Джейн кивнула.

— Согласна.

Эрин несколько раз перевела взгляд с детектива на его напарницу.

— Вы *оба* видели это существо?

— У него такая же морда, — проговорил Фрост. — И серая шерсть. Но это точно не обезьяна. Разве обезьяны разгуливают с мечами?

— А вот теперь и у меня по спине побежали мурашки, — тихо призналась Эрин. — Особенно если иметь в виду, что это за обезьяна. В Индии ее

также называют хануман. Хануман — это индийский бог, известный как Обезьяна-Воин.

Ледяное дыхание вдруг коснулось шеи Джейн — теперь и по ее спине пробежали мурашки. Риццоли вспомнила существо из проулка. Меч, который блеснул, когда оно отвернулось и пропало во мраке.

— Это тот же персонаж, что и Царь Обезьян? — поинтересовался Тань. — Просто я знаю эту легенду. Существует еще и китайская версия. Бабушка любила рассказывать мне эти истории.

— Что это за Царь Обезьян? — спросила Джейн.

— В Китае его называют Сунь Укун. Он родился из волшебной скалы и сначала был каменной обезьяной. Но потом стал, как все — из плоти и крови, — был коронован и превратился в царя обезьян. Заделался воином и отправился на небеса — учиться мудрости у богов. Однако там его поджидало множество неприятностей.

— Значит, он отрицательный персонаж? — осведомился Фрост.

— Нет, он не злой. Просто импульсивный и озорной, как настоящая обезьяна. Про него написана целая книга историй. О том, как он съел все персики в небесном саду. Выпил слишком много украденного волшебного эликсира. Повздорил с Бессмертными, которые не знали, как с ним справиться. Поэтому его выгнали с небес и на время заточили в тюрьму под горой.

Фрост рассмеялся.

— Похож на парней, с которыми я учился в школе.

— А что было с ним потом? — поинтересовалась Джейн.

— У Сунь Укуна было много приключений на земле. Иногда из-за него случались неприятности. А порой он делал добрые дела. Я уже не помню всех историй, но могу сказать точно: в них было много волшебных битв, речных чудовищ и говорящих животных. Просто-напросто обычные сказки.

— Сказочные персонажи не оживают, — заметила Джейн. — И не оставляют свои шерстинки на убитых.

— Я ведь рассказываю о том, что говорится в легендах. Сунь Укун — сложное создание, порой он приносит пользу, а порой — вред. Но если приходится выбирать между добром и злом, Царь Обезьян почти всегда совершает хороший поступок.

Джейн уставилась на фотографию, занимавшую почти весь дисплей Эрин. На мордочку, из-за которой несколько мгновений назад она вся похолодела.

— Значит, он вовсе не плохой, — проговорила Риццоли.

— Нет, — ответил Тань. — Несмотря на его недостатки, несмотря на хаос, который он, случается, порождает, Царь Обезьян всегда на стороне справедливости.

20

Из кухни Анжелы Риццоли доносился аппетитный аромат жареной курицы с розмарином, а в столовой позвякивали серебро и фарфор — это отставной детектив Винс Корсак накрывал на стол. Во дворе смеялась и визжала дочка Джейн Реджина — Габриэль раскачивал ее на качелях. Но Риццоли ничего этого не замечала, она читала, сидя на мамином диване, а перед ней, на журнальном столике, лежали несколько книг, взятых в библиотеке. Книги об азиатских приматах и серых лангурах, а также истории о Сунь Укуне, Царе Обезьян. Оказалось, приключения Сунь Укуна стали основой не только для книг, но и для фильмов, китайских опер, танцев и даже детского мультсериала.

Завязку легенды Джейн нашла в сборнике китайских сказок. Эти сказки сочинил в конце XVI века некий китайский автор по имени У Чэнъэнь, однако сами легенды были старинными — считалось, что они существуют со времен духов и магии, с той поры, когда боги и чудовища воевали и на небесах, и на земле.

Из одной скалы на этой земле, скалы, что со времен своего создания знала дыхание ветра, сияние луны и благосклонность богов, выскочило каменное яйцо. И стало это яйцо каменной обезьяной. Она могла бегать, прыгать и лазить, а глаза этой обезьяны горели так ярко, что изумляли даже Нефритового императора[11] на небе.

Каменная обезьяна, не имевшая ни отца, ни матери, вскоре стала царем обезьян. Ее народ жил в совершенной гармонии, пока однажды Царь Обезьян не понял, что их ждет гибель. И отправился он искать тайну бессмертия. Это путешествие привело его на небо, а также к искушениям, бедам и неволе. Когда Царь Обезьян шествовал на собственную казнь — его собирались сжечь в плавильной печи волшебным огнем, — ему удалось вырваться на свободу, и битва Сунь Укуна за жизнь ввергла небеса в хаос. Тогда богам пришлось заточить его под Гору Пяти Стихий.

Там, в каменном мраке, он сидел веками, пока наконец не понадобился на земле. И вот пришел тот день, когда Царю Обезьян суждено было появиться снова, чтобы вступить в борьбу.

Перевернув страницу, Джейн увидела изображение Сунь Укуна, сжимавшего длинный боевой шест. Это была всего-навсего книжная иллюстрация, однако от одного лишь взгляда на Царя Обезьян руки Джейн покрылись гусиной кожей. Она всматривалась в острые зубы, выступавшие из черного рта, в корону из серебристой шерсти и была не в силах отвести взгляд.

Джейн вспомнила, как однажды, еще шестилетней девочкой, она была в зоопарке, и папа приподнял ее на руках, чтобы дочка увидела паукообразных обезьян. Зверьки всего лишь разок глянули на нее, и клетка погрузилась в пугающий хаос: обезьяны принялись вопить и скакать по веткам, будто бы только что узрели самого сатану. Тут же примчался работник зоопарка. «Отойдите, посторонитесь! — приказал он всем собравшимся. — Я не знаю, что их напугало!» Папа уносил Джейн прочь от клетки, а она прекрасно понимала, из-за кого взбесились обезьяны. Они испугались ее. «Что привиделось им в шестилетней девочке с черными кудряшками?» — задумалась Джейн. Или они поняли что-то иное, нечто, открывшееся им еще тогда? Может быть, то, кем она станет в один прекрасный день?

— Ну и как идут дела с обезьяньими книжками?

От слов Корсака Джейн вздрогнула и оторвалась от книги. Он был одет в лучший воскресный костюм — во всяком случае, в лучший из всех комплектов, которые можно было бы составить для ужина у Анжелы Риццоли. Во всяком случае, на его белой рубашке-гольф и классических брюках цвета хаки не было пятен от кетчупа. После инфаркта, пережитого несколько лет назад, Корсак сел на диету и сбросил четырнадцать килограммов, однако сейчас его вес начал потихоньку возвращаться, и отрастающий живот опять натягивал ремень, в котором недавно проделали новое отверстие.

— Это для одного нашего дела, — пояснила Джейн. Она закрыла книгу, радуясь возможности не видеть Сунь Укуна.

— Да, я слышал о нем. Снова у вас таинственная история. Все началось с мертвой женщины на крыше, верно? Как бы мне хотелось снова оказаться в седле!

Поглядев на его живот, Джейн подумала: да поможет Бог той лошади, на которую ты решишь взгромоздиться.

Корсак плюхнулся в кресло — то самое, в котором любил сидеть отец Джейн. Странно было видеть его на привычном месте Фрэнка Риццоли, однако папа Джейн лишился всех прав на кресло в тот день, когда ушел от Анжелы и переехал к Шлюшке. Теперь все они называли ее именно так, хотя прекрасно знали ее имя. Сэнди Хаффингтон. Джейн обладала полной информацией о Шлюшке, включая количество уведомлений о нарушении правил дорожного движения, которые та получила за последние десять лет. Их, уведомлений, было ровным счетом три. Именно из-за Шлюшки Винс Корсак сидел в этом кресле, счастливый и раздобревший на Анжелиной стряпне.

Джейн даже думать не хотелось о том, какими еще способами ублажала его мама.

— Китайский квартал, — пробормотал Корсак. — Странное место, вкусная еда.

Ну конечно же он не забыл о еде!

— Что ты помнишь о стрельбе в «Красном фениксе»? — поинтересовалась Джейн. — До тебя наверняка доходили тогдашние слухи.

— Да это просто жуть какая-то. С чего вдруг парню, отцу лапочки-дочки, понадобилось застрелить четырех человек и пустить себе пулю в висок? Я никогда этого не понимал. — Винс покачал головой. — Да и ребенок был такой милый. Настоящая папенькина дочка.

Эти слова удивили Джейн.

— Ты знал семью повара?

— Да нет, конечно, хотя неоднократно ужинал там. Эти китайцы понятия не имеют, что такое выходные, поэтому ресторан был открыт постоянно, почти всю ночь. Даже после самой поздней смены там можно было поужинать. Как-то раз, в воскресенье, я зашел в ресторан в десять вечера, и печенье с предсказанием мне принесла девочка. Детский труд, конечно, м-да. Но, судя по виду, девчонка с большим удовольствием крутилась возле папочки.

— Ты уверен, что видел дочку повара? Тогда она, наверное, была совсем малышкой.

— Она и выглядела малышкой. Лет пяти, вряд ли больше. Ну очень миленькая. — Корсак печально вздохнул. — Не могу поверить, что отец был способен сотворить такое, что он мог оставить жену и ребенка. Не

говоря уж о других разрушенных по его вине семьях. А через несколько недель похитили дочь одной из убитых.

— Шарлотту Дион.

— Так ее звали, да? Я просто помню, что это была какая-то греческая трагедия. Одно несчастье за другим.

— А знаешь, что самое странное? — спросила Джейн. — За два года до этого похитили дочь еще одного погибшего. Официанта. Она пропала по дороге из школы домой.

— Да ладно! Я этого не знал. — Корсак обдумал новую информацию. — Поразительно. Волей-неволей начинаешь думать, что это не просто совпадение.

— Одна из последних фраз, сказанных мне детективом Ингерсоллом по телефону, касалась девочек. «Речь о том, что случилось с теми девочками». Вот что он сказал.

— С теми двумя девочками? Или с какими-то другими?

— Не знаю.

Корсак покачал головой.

— Столько лет прошло, а мы опять думаем о них. Жутко осознавать, что сейчас, возможно, от них остались одни скелеты. — Он помолчал. — Но сегодня вечером мне хочется думать совсем не об этом. Давай нальем вина.

— А я думала, ты любитель пива.

— Твоя мамка обратила меня. Знаешь, в любом случае вино лучше действует на мой старый мотор. — Он встал из кресла. — Пора поговорить о чем-нибудь радостном, верно?

Только не о мертвецах, подумала Джейн. Не о массовых убийствах и не о похищенных девочках. Но когда в дом вошел Габриэль, державший Реджину за ее крохотную ручку, Джейн снова подумала о Шарлотте Дион и Лоре Фан. Она помогла маме отнести блюда на стол. Это была целая череда все более и более впечатляющих кушаний. Хрустящая жареная картошка. Зеленая фасоль, сбрызнутая оливковым маслом. И наконец — две роскошные жареные курицы, благоухавшие розмарином. Но даже когда они сели за стол, когда Джейн повязала Реджине слюнявчик и разрезала мясо на мелкие кусочки, чтобы ребенку было удобней есть, Риццоли продолжала размышлять о пропавших девочках и безутешных

родителях. Как матери жить дальше после такого? Джейн задумалась: а не хотелось ли Айрис Фан в конце концов покончить со своими мучениями? Спрыгнуть с крыши или принять горсть снотворных таблеток? Это ведь куда проще, чем каждый день жить горем, изнемогать без близких людей, которых больше никогда не сможешь увидеть.

— Джени, тебе не нравится еда? — спросила Анжела.

Джейн подняла взор на мать, обладавшую необъяснимой способностью — она всегда точно знала, что попадает в рот каждого из сидящих за ее столом гостей.

— Очень вкусно, мама. Сегодня ты превзошла саму себя.

— Тогда почему же ты не ешь?

— Я ем.

— Ты съела всего один кусочек курицы, а потом принялась копаться в своей тарелке. Надеюсь, ты не худеешь, потому что тебе не нужно сбрасывать вес, милая моя.

— Я не худею.

— Многие девушки вечно сидят на диетах. Помирают с голода на одних салатах. И спрашивается — чего ради?

— Уж наверняка не ради мужчин, — пробормотал Корсак, набивший полный рот картошки. — Парням нравится, когда у девушки есть хоть немного мяса. — Он подмигнул Анжеле. — Вот, например, твоя мамка. Сложена так, как должна быть сложена женщина.

Джейн не видела, что происходит под столом, но вдруг ее мама, смеясь, резко выпрямилась на своем стуле.

— Винсент! Веди себя прилично!

«Веди себя прилично, пожалуйста, — мысленно попросила Джейн. — Потому что я больше не могу это видеть».

— Ну вот, — начал Корсак, разрезая свой кусок курицы. — Настала пора поведать сама знаешь о чем.

Никогда еще эти четыре слова не звучали так зловеще. Вздернув подбородок, Джейн поглядела на маму.

— О чем это — «сама знаешь о чем»?

— Это то, что мы некоторое время обсуждали, — пояснила Анжела. — Мы с Винсом.

Джейн посмотрела на мужа — лицо Габриэля, как обычно, приобрело характерное фэбээровское выражение, даже несмотря на то, что он, вероятно, чувствовал, к чему приведет этот разговор.

— Ну, ты ведь знаешь, что мы с Винсом довольно долго встречаемся, — продолжала Анжела.

— Довольно долго? Это сколько же? Всего-то полтора года?

— Вполне достаточно, чтобы узнать человека, Джени. И понять, что у него доброе сердце. — Анжела широко улыбнулась Корсаку, и они склонились друг к другу, чтобы смачно чмокнуться в губы.

— С папой ты встречалась целых три года, — возразила Джейн. — Ну и чем все это закончилось?

— Когда я познакомилась с твоим отцом, мне было всего пятнадцать. До него у меня был только один парень.

— В пятнадцать лет у тебя был парень?

— Просто я была еще ребенком и не знала, что в этом мире есть много хорошего. Я слишком рано вышла замуж и слишком рано родила детей. Только теперь я могу делать то, что мне хочется.

Джейн поглядела на Корсака и подумала: «Неужели ты и в самом деле говоришь о нем?»

— Именно поэтому мы и пригласили тебя сегодня, дорогая моя. Вы с Габриэлем узнаете первыми. Фрэнки и Майку я еще не рассказывала, потому что… ну-у-у… ты их знаешь. Они до сих пор очень привязаны к папе и все такое, даже несмотря на то, что он спит со Шлюшкой. — Анжела умолкла, чтобы перевести дыхание. Одно упоминание о Шлюшке заставило ее голос взлететь на пол-октавы. — Твои братья… они ничего не понимают. Но ты, моя дочка, знаешь, с чем в этом мире приходится мириться нам, женщинам. Ты знаешь, сколько кругом несправедливости.

— Мама, не стоит торопиться.

— Ах, мы и не собираемся спешить. У нас будет помолвка, и мы еще долго будем женихом и невестой, а потом устроим все по-старомодному. Закажем в типографии настоящие приглашения. Снимем большой зал для приемов и оплатим обслуживание. И мы пойдем покупать платье

вместе, Джени! Только ты и я. Как же будет здорово! Я думаю о персиковом или лавандовом, поскольку я… ну, ты понимаешь.

Джейн поглядела на Корсака, чтобы понять, какова его реакция на этот очень женский перечень дел, но он лишь сиял, как медный таз.

— На этот раз я хочу, не торопясь, насладиться каждой минутой своей свадьбы, — не унималась Анжела. — И у твоих братьев будет время привыкнуть ко всему этому.

— А как же папа?

— А что папа?

— Сможет ли он привыкнуть?

— Это его проблема. — Взгляд Анжелы помрачнел. — Только бы он первым не поторопился к алтарю. О-о-о, знаешь, я не удивлюсь, если он сделает это. Быстро женится на Шлюшке, чтобы досадить мне. — Анжела посмотрела на Корсака. — Может, все-таки стоит приблизить дату нашей свадьбы?

— Нет. Мама, забудь, что я заговорила о папе.

— Я бы с радостью о нем забыла, но он никуда не девается, он словно заноза в ноге. И не вытащишь, и не притворишься, что ее нет. Постоянно мешается. Надеюсь, Джени, ты никогда не узнаешь, что это такое. — Анжела умолкла и посмотрела на Габриэля. — Ну конечно же, нет. Тебе достался такой хороший мужчина.

«Хороший мужчина, которого по-прежнему раздражает, что я коп», — подумала Джейн.

Габриэль благоразумно воздержался от участия в беседе и принялся терпеливо засовывать кусочки картошки в рот Реджине.

— Ну вот, теперь ты все знаешь, — сказал Корсак, поднимая бокал с вином. — За семью!

— Давайте же, Джейн, Габриэль! — настаивала Анжела. — Давайте же выпьем!

— За семью, — пробормотала Джейн, мужественно подняв бокал.

— Подумать только, — проговорил Корсак, радостно пихнув ее локтем. — Теперь ты можешь называть меня папой.

— Но ты же не могла не понимать, к чему все идет, — сказал Габриэль, когда они с Джейн и спящей на заднем сиденье Реджиной ехали домой. — Они оба были одиноки, а теперь посмотри, как они счастливы. И прекрасно подходят друг другу.

— Ага. Она готовит — он ест.

— Могло быть и хуже.

— Они же совсем недавно состояли в отношениях с другими людьми. Им еще рано жениться.

— Жизнь коротка, Джейн. Тебе это должно быть ясно, как никому другому. Ее можно лишиться в один момент. Всего только и нужно, что обледенелая дорога да пьяный водитель.

«Или пуля в темном проулке», — добавила про себя Джейн. Да, Риццоли это было ясно, потому что она слишком часто видела, как обрываются жизни. Видела, какое влияние каждая смерть оказывает на живых. Она вспомнила страдальческое лицо матери Джоуи Гилмора и горе, которое заволокло глаза Патрика Диона, когда он говорил о своей дочери Шарлотте. Даже спустя девятнадцать лет волны, поднятые смертью, все еще обрушиваются на тех, кто на плаву.

— Я с ужасом думаю, что мне придется рассказать об этом братьям, — призналась Джейн.

— Считаешь, они плохо это воспримут?

— Фрэнки наверняка придет в ярость. У него вызывает отвращение даже мысль о том, что мама и другой мужчина… ну, понимаешь.

— Спят вместе?

Джейн поморщилась.

— Должна признать, мне от этого тоже не по себе. Мне нравится Корсак. Он порядочный человек и будет хорошо с ней обращаться. Но, боже мой, она ведь моя мама!

Габриэль рассмеялся.

— И она по-прежнему занимается сексом. Смирись с этим. Позвони Фрэнки — и дело с концом.

Однако, когда они оказались дома, Джейн отложила звонок брату на потом и решила держаться подальше от телефона. Вместо этого она поставила на плиту чайник и уселась за кухонный стол, чтобы еще раз взглянуть на библиотечные книжки. С картинки на нее снова смотрел Царь Обезьян, сжимавший в лапах боевой шест. Образ казался настолько пугающим, что Джейн с трудом заставила себя дотронуться до книги и перевернуть страницу.

Глава девятая. История о Чэнь Э

Великий город Чанъань долго был столицей всего Китая. В то время трон занимал Тай-цзун из династии Тан. И государство жило в мире.

Такое обезоруживающе радостное начало предваряло историю о Чэнь Э, добродетельном и ученом молодом человеке. Он женился на потрясающей красавице, и его назначили правителем в одну из дальних областей. По буйно цветущей сельской местности он вместе с беременной новобрачной и слугами отправился занимать свой пост. Однако стоило им достигнуть речной переправы, как замечательная сказка вдруг обратилась кровавой историей резни — на них напали вооруженные бандиты. Оказалось, что это вовсе не чудесная сказка, а рассказ о криках, ужасе и телах, разрубленных и сброшенных в бурную речку. В ту ночь в живых остался только один человек — беременная жена. Убийцы похитили ее из-за того, что она была красива, и заточили в неволю, где ей пришлось ожидать рождения своего обреченного дитяти.

Свист чайника оторвал Джейн от повествования. Она подняла взгляд и увидела Габриэля — тот выключил конфорку и налил кипящую воду в заварочный чайник. Риццоли и не слышала, как муж зашел на кухню.

— Интересно? — спросил он.

— Боже мой, да это жуткая книжка! — вздрогнув, воскликнула она. — Я бы ни за что не стала читать ее своему ребенку. Вот, например, «История о Чэнь Э». Она рассказывает о резне на речной переправе, в которой выживает только беременная женщина, но и ее похищают убийцы.

Габриэль поставил заварочный чайник на стол и уселся напротив жены. Весь вечер он был подавлен, и Джейн заметила красноречивые складочки между его бровями. Намек на хмурые морщинки она заметила только теперь, при ярком кухонном освещении.

— Я знаю, ты не способна принять иное решение по этому делу, — произнес он. — Я просто хочу еще раз выразить свою обеспокоенность.

Джейн вздохнула.

— Приняла к сведению.

— Джейн, я не могу выбросить это из головы. Не могу забыть, как ты выглядела прошлой ночью, когда приехала домой. Ты была в трансе. И эта кровь на твоей одежде… Я не видел тебя такой испуганной, с тех пор как…

Габриэль не произнес имени — они оба знали, что он вспомнил о чудовище, которое свело их вместе. О человеке, оставившем шрамы на ладонях Джейн. О том монстре, чьи кровавые следы до сих пор испещряют ее ночные кошмары.

— Ты ведь помнишь, чем я зарабатываю на жизнь? — спросила Джейн.

Он кивнул.

— И я понимал, что подобные дни настанут. Но даже не мог представить, насколько сложно будет с этим жить.

— Ты когда-нибудь жалел об этом? — тихо поинтересовалась она.

— О том, что я женился на полицейской?

— О том, что ты женился на мне?

— Ну-у-у… — Потерев подбородок, Габриэль издал чрезмерно задумчивое «гм-м-м-м». — Нужно подумать.

— Габриэль!

Он повернулся к ней, и в этот момент зазвонил телефон.

— Зачем тебе понадобилось задавать этот вопрос? — спросил он, направляясь в другой конец кухни, чтобы взять трубку. — Я ни о чем не жалею. Я просто говорю, что мне не нравятся эти события и то, с чем ты столкнулась.

— Мне все это тоже не очень нравится, — призналась Риццоли и снова посмотрела в книгу. На историю о Чэнь Э. Как и в случае с «Красным фениксом», это был рассказ о массовом убийстве. И о похищенной женщине, мысленно добавила она, вспомнив Шарлотту Дион.

— Джейн, это тебя. — Габриэль держал в руках телефонную трубку, и в его глазах отражалось беспокойство. — Он отказался назвать свое имя.

Джейн взяла трубку, чувствуя, что муж пристально следит за ней, и произнесла:

— Детектив Риццоли.

— Я знаю, что вы расспрашивали обо мне, так что я решил не ходить вокруг да около. Давайте поговорим с глазу на глаз. Завтра в четыре часа, у меня дома. Только вы одна. Можете сказать своему мужу, что беспокоиться не о чем.

— Кто это? — спросила Джейн.

— Кевин Донохью.

Она резко перевела взгляд на Габриэля.

— О чем речь, господин Донохью? — осведомилась она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— О «Красном фениксе». Ваше расследование двинулось не в ту сторону. Думаю, пришло время это поправить.

21

Несмотря на то что Фрост и Тань наблюдали за ней из своих припаркованных автомобилей, Джейн, звонившая в ворота Кевина Донохью, остро чувствовала свою беззащитность и одиночество. Через мгновение к ней по подъездной аллее уже шли два здоровенных мужика, щеголявшие весьма выразительными выпуклостями под пиджаками — пистолетами. Они не задали ей ни одного вопроса — просто открыли калитку, впустили и снова заперли замок. Проходя под аркой, Джейн заметила установленную на ней камеру. За каждым ее движением следили.

Шагая вслед за охранниками по подъездной аллее, Джейн заметила, что на участке нет ни деревьев, ни кустов. Здесь были лишь широкая лужайка и цементная подъездная дорожка, вдоль которой тянулись ряды уродливых фонарных столбов. На них тоже были установлены камеры наблюдения. Вот явное свидетельство того, что положение короля ирландской мафии тоже имеет обратную сторону. Нужно постоянно оглядываться и смотреть по сторонам, потому что знаешь: где-то есть пуля, на которой выбито твое имя.

При всем его богатстве вкус у Донохью был до невероятности унылым — Джейн поняла это, как только попала в дом и узрела висевшие на стенах картины в пастельных тонах. Они походили на пейзажи, которые в больших количествах продаются в любом торговом центре. Сопровождающие отвели Джейн в гостиную, где в огромном кресле сидел громадный человек, раздутый, словно жаба. Это был гладко

выбритый, лысеющий мужчина лет шестидесяти с небольшим; его голубые глаза сердито смотрели из-под тяжелых век. Представляться ему было незачем — Джейн уже знала, что персонаж, напоминающий Джаббу Хатта[12], и есть Кевин Донохью, известный своим впечатляющим аппетитом и не менее впечатляющей раздражительностью.

— Просканируй ее, Шон, — велел чей-то голос. Джейн не обратила внимания, что в комнате присутствовал еще один человек — худенький нервозный малый в деловом костюме.

К ней приблизился один из провожатых, сжимавший в руке радиочастотный сканер.

— Это еще что за фигня? — рявкнула Джейн.

— Я адвокат господина Донохью, — отрекомендовался худенький мужчина. — Прежде чем он начнет говорить с вами, нам необходимо проверить, нет ли на вас жучков. А еще вам придется отдать нам мобильный телефон.

— Такого уговора не было.

— Детектив Риццоли, — прогремел Донохью, — я позволил вам оставить при себе оружие, поскольку вы пришли сюда добровольно. Но мне не нужны записи этой беседы. Если вас беспокоит собственная безопасность, я не сомневаюсь: ваши коллеги из припаркованных на улице машин примчатся спасать вас при первых же признаках неприятностей.

Некоторое время Джейн и Донохью пристально смотрели друг на друга. Потом Риццоли отдала адвокату свой мобильный и замерла, пока телохранитель сканировал ее на предмет радиосигналов. Только когда Шон объявил, что Джейн чиста, Донохью жестом указал на диван, приглашая ее сесть. Вместо этого она опустилась в кресло, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Ваша репутация идет впереди вас, — заметил Донохью.

— Да и ваша тоже.

Он рассмеялся.

— Похоже, слухи правдивы.

— Слухи?

Донохью сложил руки на своем огромном животе.

— Детектив Джейн Риццоли. Хитрожопая и языкатая. Гребаная бульдожиха.

— Сочту это за комплимент.

— Вот поэтому я и говорю вам: выкапывайте свои кости в другом месте. Вы зря тратите на меня время.

— Неужели?

— Вы много расспрашивали обо мне. И ваш муж тоже. Ах да, я знаю все о вашем муже, господине Спецагенте Габриэле Дине. Вот такая парочка блюстителей порядка! Имейте в виду, я вовсе не боюсь, что вы обнаружите нечто полезное. Но все эти бесконечные вопросы делают меня слабаком в глазах соперников. Точно я вот-вот откинусь. А если я выгляжу слабым, это привлекает стервятников. — Он подался вперед, и его пузо перевалилось через ремень. — Вы ничего не обнаружите, ясно? У меня нет никаких связей с «Красным фениксом».

— А как насчет Джоуи Гилмора?

Донохью вздохнул.

— Вы беседовали с этой старой каргой, его мамашей?

— Она говорит, что девятнадцать лет назад у вас с Джоуи случилась размолвка.

— Мелочи. Из-за этого не стоило расплачиваться пулей.

— Вряд ли это такая уж ерунда, если вы привлекаете людей извне, чтобы замести следы.

— Что?

Джейн поглядела на телохранителей Донохью.

— Сейчас я достану из кармана фотографии, хорошо? Не надо психовать, ребята. — Она достала две фотографии, сделанные в морге, и, положив их на журнальный столик, пододвинула к Донохью. — Ваши наемники не сумели удержать головы на плечах.

Мафиозо уставился на снимки. Из всех сделанных в морге фотографий, которые могла бы принести с собой Джейн, она выбрала самые выразительные и уродливые. Неизвестная с перерезанной глоткой. Голова неизвестного, лежащая на секционном столе рядом с туловищем.

Изображения произвели желаемый эффект: лицо Донохью стало таким же бледным, как у трупов.

— Какого хера вы показываете мне это? — спросил он.

— Зачем вы наняли этих двух убийц?

— Беседа завершена, — вмешался адвокат. — Шон, Колин, проводите детектива Риццоли к выходу.

— Заткнись! — рявкнул Донохью.

— Господин Донохью, не в ваших интересах будет…

— Я отвечу на этот вопрос, ясно? — Мафиозо поглядел на Джейн. — Я их не нанимал. Я знать не знаю, кто эта женщина. — Он снова посмотрел на фотографию неизвестной, сделанную в морге, и шумно вздохнул. — Красивая девчонка. Жалко ее!

— А мужчина? Вы его узнаете?

— Возможно. Что-то в нем есть знакомое. Как думаешь, Шон?

Охранник Шон посмотрел на фотографию.

— Кажется, я видел его где-то здесь. Не знаю его имени, но он местный. Украинец или русский.

Донохью покачал головой.

— Нехорошие они, эти ребята. У них вообще нет представлений о морали. Могу сказать, что этот парень никогда на меня не работал. — Он остро взглянул на Джейн. — И теперь, видимо, уже никогда не поработает.

— Интересно, почему я вам не верю? — спросила она.

— Потому что заранее решили, будто я виновен. Даже если я на маминой Библии поклянусь, что не нанимал этих двоих. — Первоначальное потрясение от увиденного на фотографиях прошло, и на лицо Донохью вернулась краска, а в его поведение — самоуверенность. — Так что, возможно, вам стоит подумать и отступиться.

— Вы мне угрожаете, господин Донохью?

— Вы умная девушка. Как сами-то думаете?

— Думаю, что вы напуганы. И знаете, что вас загнали в угол.

— Вы, что ли, меня в угол загнали? — Он рассмеялся. — Да вы-то меня меньше всего беспокоите.

— Вы обозвали меня бульдожихой, не забыли? Ну так вот, я продолжу рыться на вашем заднем дворе, потому что именно там я обнаружу кости Джоуи Гилмора.

— Да ладно вам. Людей в ресторане убил повар, а потом он прикончил себя. Всем известно — то было самоубийство, но эта старая карга, мать Джоуи, никак не может успокоиться. Именно поэтому она прислала мне гребаную записку.

Джейн замерла.

— Вы получили записку?

— Несколько недель назад я получил копию некролога Джоуи. И еще одно дурацкое сообщение, которое она написала на обороте. «Я знаю, что случилось на самом деле». Что это, черт возьми, значит?

— Если вы наводите справки о господине Донохью только из-за госпожи Гилмор, — проговорил адвокат, — не тратьте время зря.

— С чего вы взяли, что эти записки рассылает Мэри Гилмор? — поинтересовалась Джейн. — Она что, подписалась? Обозначила обратный адрес?

Адвокат нахмурился, внезапно осознав, что сказала Джейн.

— Записки? Во множественном числе? Что, были и другие?

— Их было несколько. Почтовые отправления получили все родственники погибших в «Красном фениксе». Текст был таким же, как в записке господина Донохью.

На лице адвоката отразилась растерянность.

— Ничего не понимаю. Зачем госпоже Гилмор изводить записками других людей?

— Возможно, их рассылает не она, — произнесла Джейн.

Адвокат и Донохью переглянулись.

— Нам нужно еще раз подумать над этим, — сказал худенький человечек. — Явно происходит нечто иное. Если Мэри Гилмор не делает этого…

Пальцы Донохью сжались в пухлые кулаки.

— Я хочу знать, кто это делает, черт возьми!

22

Маура проснулась на рассвете и порадовалась, что в окно пробиваются первые лучи солнца. Она приготовит оладьи и сосиски для мальчика, а потом они отправятся на экскурсию по Бостону. Сначала посетят Тропу Свободы и Нортэнд, а затем отправятся в заповедник «Голубые холмы», чтобы устроить пикник и прогуляться с собакой. Маура запланировала насыщенный день, дабы у них не было времени для неловкого молчания и прочих напоминаний о том, что они все еще чужие люди. Полгода назад, в горах Вайоминга, Маура доверила свою жизнь Джулиану «Крысу» Перкинсу. Но теперь она понимала, что этот неуклюжий подросток с огромным размером ноги по-прежнему остается загадкой. И задумывалась: неужели Крыс тоже считает ее таинственной? Вдруг он тревожится, что она бросит его, как бросали другие в прошлой жизни?

Маура натянула джинсы и футболку — облачение, подходящее для возни с собакой. Вспомнила о сандвичах с курицей и авокадо, которые собиралась сделать, и задумалась: а любит ли Крыс авокадо? Пробовал ли он их когда-нибудь? А ростки люцерны и эстрагон? Я так мало знаю о нем, подумала Маура. И тем не менее он здесь. Он часть моей жизни.

Маура прошла по коридору и заметила, что дверь в спальню парнишки открыта.

— Крыс! — позвала она, но, заглянув в комнату, мальчика не увидела.

Маура обнаружила его на кухне — паренек сидел перед ноутбуком, который она оставила на столе накануне вечером. Пес, лежавший у ног Крыса, увидел хозяйку дома и поднял уши, словно обрадовался, что хоть кто-то наконец обратил на него внимание. Глянув парнишке через плечо, Маура поразилась — на экране была фотография из морга.

— Не смотри на это, — попросила она. — Мне нужно было спрятать все это вчера вечером. — Маура ударила по клавише «выход», и фотография исчезла из виду. Затем она быстро собрала все документы по «Красному фениксу» и переложила их на рабочий стол у плиты. — Давай ты поможешь мне приготовить завтрак?

— Почему он сделал это? — спросил парнишка. — Зачем ему понадобилось убивать людей, которых он не знал?

Маура поймала его беспокойный взгляд.

— Ты прочитал полицейский отчет?

— Он лежал здесь, на столе, и я просто не мог не взглянуть на него. Но ничего в нем не понял. Почему люди делают такое?

Маура придвинула стул и села напротив мальчика.

— Крыс, некоторые вещи порой невозможно объяснить. Мне жаль, что я слишком часто говорю подобное, но я понятия не имею, зачем люди делают такое. Зачем они топят своих маленьких детей, душат жен или стреляют в коллег. Я вижу результаты их действий, однако не могу сказать, что именно побуждает их к этому. Просто знаю, что это случается. И что люди способны на ужасные поступки.

— Я понимаю, — пробормотал парнишка и поглядел на пса, который положил свою огромную голову ему на колени, словно зная, что сейчас Крысу необходима поддержка. — Так вот, значит, чем вы занимаетесь?

— Да.

— Вы любите свою работу?

— Не думаю, что «любить» — подходящее слово.

— А какое же подходящее?

— Это трудная работа. Интересная.

— И вам не мучительно видеть все это?

— Кто-то же должен говорить вместо мертвых. Я умею это делать. Они — вернее, их тела — рассказывают мне, как они умерли. Естественной смертью или насильственной. Да, порой это выводит из равновесия. Заставляет задуматься: что такое быть человеком, если твои собратья творят друг с другом подобное. Но, мне кажется, я рождена именно для этой работы, для того чтобы говорить вместо мертвых.

— Как вы думаете, я смогу делать это? — Крыс поглядел на стопку документов. — Заниматься той же работой, что и вы?

— Ты имеешь в виду — быть патологоанатомом?

— Я тоже хочу узнавать объяснения. — Крыс посмотрел на Мауру. — Я хочу быть как вы.

— А это, — улыбаясь, проговорила она, — самая большая лесть, которую я когда-либо слышала в свой адрес.

— В школе Вечерни преподаватели считают, что я умею подмечать то, что не видят другие. Поэтому, мне кажется, я смогу это делать.

— Если ты хочешь быть патологоанатомом, — сказала Маура, — тебе нужно получать очень хорошие оценки в школе.

— Я знаю.

— Тебе придется поступить в колледж, а потом пять лет учиться в медицинской школе. После этого придется пройти ординатуру и аспирантуру по судебной медицине. На это уйдет много времени и сил, Крыс.

— Вы хотите сказать, что я не смогу?

— Я просто говорю, что тебе нужно по-настоящему хотеть этого. — Маура посмотрела парнишке в глаза и подумала, что на какую-то секунду разглядела там мужчину, которым он однажды станет. Глубоким и чрезвычайно преданным. Человеком, который будет не только говорить вместо мертвых, но и бороться за них. — Тебе придется постичь науку, потому что только наука способна доказать твою правоту во время свидетельских показаний. Интуиции недостаточно.

— Даже если у тебя очень сильная интуиция?

— То, о чем свидетельствует капля крови, куда убедительней интуиции.

— Но ведь интуиция подсказывает, если что-то не так. Как на той фотографии.

— На какой фотографии?

— На той, что с китайцем, который покончил жизнь самоубийством. Я покажу вам. — Он поднялся и снова принес на стол ноутбук и папки с документами. Несколькими щелчками мыши Крыс опять вызвал изображение тела У Вэйминя, лежащего на кухне «Красного феникса». — Полиция считает, что он выстрелил себе в голову один раз, — сказал Крыс.

— Да.

— Посмотрите, что лежит на полу рядом с ним.

Вчера вечером Маура лишь бегло просмотрела фотографии. Было поздно, они провели много времени с Крысом, к тому же ее тянуло в сон после двух бокалов вина. Теперь же она внимательней пригляделась к погибшему повару и к оружию, которое У Вэйминь все еще сжимал в своей руке. Возле его плеча лежала использованная гильза.

Крыс указал на задний план фотографии, на то, что она не приметила. На вторую гильзу.

— Сказано, что у него в голове одна пуля, — проговорил Крыс. — Но если он стрелял дважды, куда же девалась вторая?

— Возможно, где-нибудь там на кухне и осталась. Вероятно, в таких обстоятельствах полиция не видела смысла искать ее.

— А почему он выстрелил дважды?

— Во время самоубийств такое случается. Жертве нужно набраться смелости, чтобы убить себя, и, возможно, в первый раз он промахнулся. Или пистолет дал осечку. Я сталкивалась со случаем, когда самоубийца выстрелил себе в голову больше двух раз. Еще один произвел выстрел недоминантной рукой. Был и мужчина, который… — Маура осеклась, внезапно ужаснувшись тому, какой разговор она ведет с шестнадцатилетним парнишкой.

Однако Крыс смотрел на нее спокойно, словно коллега-профессионал.

— Безусловно, это обоснованное опасение, — проговорила она. — Не сомневаюсь, что полиция учла его.

— Но мнение свое не изменила. И по-прежнему считает, что он убил этих четырех человек, хотя не может объяснить, почему он это сделал.

— А как это можно было объяснить? Повара очень немногие знали лично.

— Да и меня по-настоящему никто не знал, — тихо заметил паренек.

Теперь Маура поняла, что именно так встревожило мальчика. Ведь его тоже называли убийцей, его тоже осуждали люди, едва ли имевшие представление о том, какой он человек. Глядя на У Вэйминя, Крыс видел себя.

— Ну хорошо, — согласилась она. — Давай на минуту представим, что он не убивал себя. Предположим, это была инсценировка самоубийства.

Значит, кто-то еще должен был застрелить этих четырех человек, а затем прикончить повара.

Крыс кивнул.

— Подумай. Представь, что ты повар. Ты стоишь на кухне, и вдруг кто-то начинает стрелять в соседнем помещении. У пистолета нет глушителя, так что ты услышал бы выстрелы.

— Как же тогда получилось, что больше никто их не слышал? В отчете сказано: в трех квартирах наверху были люди, но они слышали лишь один хлопок. Поэтому никто не бросился сразу же звонить в полицию. Потом вниз спустилась жена повара и обнаружила его тело.

— Ты много успел прочитать?

— Большую часть отчета.

— Тогда я от тебя отстала, — призналась Маура.

Она открыла папку с отчетом, который составили Стейне и Ингерсолл. Когда детектив Тань только привез эти материалы, ей не хотелось заниматься дополнительной работой, и Маура отложила бумаги, глянув на фотографии лишь мельком. Теперь же она прочитала полицейский отчет от начала до конца и поняла, что Крыс прав. Семь разных свидетелей заявили, что слышали всего один хлопок, однако в ресторане «Красный феникс» было обнаружено в общей сложности девять гильз.

У Мауры проснулось шестое чувство. Ее начало тревожить ощущение, что, как и говорил Крыс, здесь что-то не так.

Она открыла отчет о вскрытии У Вэйминя. Если верить патологоанатому, повара обнаружили лежащим на боку; его спина упиралась в закрытую дверь подвала. С его правой руки — с той, которая все еще сжимала пистолет, — позднее взяли мазки и подтвердили наличие следов выстрела. Забыв о том, что Крыс наблюдает за ней, Маура, щелкая мышью, просмотрела фотографии вскрытия повара. Смертоносная пуля попала в правый висок, и на ближнем плане было видно, что это жестокое ранение в упор, края опалены и отмечены черным кругом — следом от газов, которые вырвались из прижатого дула. Выходного отверстия не было. Щелкнув мышкой, Маура открыла рентгеновские снимки и увидела металлические фрагменты, разбросанные по всему черепу. Экспансивная пуля, поняла она, такая «раскрывается» в теле и распадается на части, сообщая свою кинетическую энергию непосредственно мягким тканям. Максимальное повреждение при минимальном входном отверстии.

Маура перешла к другим файлам.

Второй отчет о вскрытии касался Джеймса Фана, мужчины тридцати семи лет, обнаруженного позади стойки с кассовым аппаратом. Его убили одним выстрелом в голову. Пуля вошла над левой бровью.

В третьем отчете фигурировал двадцатипятилетний Джоуи Гилмор. Тело упало перед стойкой с кассовым аппаратом, вокруг него валялись коробки для еды на вынос. Гилмора убили одним выстрелом в затылок.

Последними двумя погибшими были Артур и Дина Мэллори; обоих обнаружили возле углового столика, за которым они сидели. В Артура выстрелили дважды — сначала в затылок, а затем в спину. Его жену поразили три пули: одна ударила в щеку, другая — в спину, третья — в череп. Просматривая резюме патологоанатома, Маура поняла, что он пришел к тому же заключению, что и она сама, — Дина Мэллори передвигалась, когда в нее стреляли первые два раза; видимо, она пыталась убежать от убийцы. Маура собралась было отложить отчет в сторону, но тут заметила фразу, описывающую иссеченные желудок и двенадцатиперстную кишку.

Судя по объему содержимого желудка, состоящего из фрагментов спагетти и томатного соуса, постпрандиальный период можно оценить в один-два часа.

Маура открыла отчет о вскрытии Артура Мэллори и отыскала результаты осмотра его желудка, который, как это обычно делается при аутопсии, был взрезан, а его содержимое — извлечено.

Содержимое желудка, похоже, включает сыр, мясо и частично переваренные фрагменты зеленого салата. Постпрандиальный период составляет от одного до двух часов.

Ерунда какая-то. Зачем чета Мэллори, набив животы итальянской едой, явилась в китайский ресторан?

Описание содержимого желудков, мацерированного зеленого салата и полупереваренного томатного соуса испортили Мауре аппетит.

— Ну нет, так начинать завтрак нельзя, — объявила она, закрывая папку. — Сегодня прекрасный день, и я напеку оладий. Как тебе такая идея? Давай больше не будем думать об этой истории.

— А как же пропавшая пуля? — расстроился Крыс.

— Даже если мы найдем ее сейчас, результатов она не изменит. Тела убитых давно захоронены или кремированы, а место преступления

отмыто и прибрано. Чтобы снова открыть дело, понадобятся новые данные судебной экспертизы. А после стольких лет ничего уже не осталось.

— Но во всем этом что-то не так, верно? Вы ведь тоже так думаете.

— Ладно, — вздохнула Маура. — Давай предположим, что повар не убивал себя. Давай предположим, что кто-нибудь другой, какой-то неизвестный вошел в ресторан и открыл стрельбу. Почему повар не сбежал?

— Может, не сумел?

— Из кухни есть другой выход. В отчете сказано, что он ведет в проулок.

— Возможно, дверь была заперта снаружи.

На своем ноутбуке Маура открыла фотографии с места преступления. Конечно, мальчику не стоило бы смотреть на такое, но он задавал хорошие вопросы; к тому же все то, что он уже увидел и услышал, похоже, вовсе не ошеломило его.

— Вот, — сказала Маура, показывая на выход из кухни. — Кажется, эта дверь немного приоткрыта. Поэтому он вполне мог сбежать. Услышав выстрелы в ресторанном зале, разумный человек наверняка удрал бы через кухонную дверь.

— А эта дверь? — Парнишка указал на вход в подвал, перегороженный телом повара. — Может быть, он решил спрятаться там, внизу?

— Подвал — это тупик. Спускаться туда нет смысла. Смотри, сколько доказательств, Крыс. Он держит в руке пистолет. На его кисти обнаружены следы, а это значит, что он соприкасался с оружием во время выстрела. — Маура умолкла, внезапно вспомнив о пропавшей гильзе.

На кухне стреляли дважды, но свидетели слышали только один хлопок. У «Глока» был ствол с наружной нарезкой, так что его вполне могли оснастить глушителем. Маура попыталась представить иную последовательность событий. Неизвестный убийца расстреливает У Вэйминя. Снимает глушитель и кладет оружие в руку погибшего. Стреляет в последний раз, чтобы на руке жертвы остались следы выстрела. Так можно объяснить, почему люди слышали всего один хлопок и почему на кухне остались две гильзы. В этом сценарии Маура не могла объяснить лишь одну деталь: почему У Вэйминь, у которого была возможность сбежать через черный ход, решил остаться на кухне.

Она пристально разглядывала дверь в подвал и лежащее перед ней тело повара. Труп перекрывал вход. И вдруг Маура подумала: а что, если У Вэйминь не мог сбежать?

«По той причине, что у него была очень серьезная причина остаться».

23

— Вероятно, от люминола все тут засветится, — предположила Джейн. — Если верить агенту по недвижимости, после тех событий они просто-напросто помыли стены и пол. Линолеум не меняли. Так что я не очень-то понимаю, какие доказательства нам может представить сегодняшнее мероприятие.

— Мы и не поймем, пока не посмотрим, верно ведь? — отозвалась Маура.

Они стояли возле бывшего ресторана «Красный феникс» и ждали прибытия криминалистов. Для того чтобы как следует обследовать помещение, требовалась полнейшая тьма, и вот уже сумерки начали густеть, неся с собой влажную прохладу. Маура даже пожалела, что прихватила с собой только плащ-дождевик. В дальнем конце улицы Наппа светился фонарь, но здесь, в этой стороне, лежала плотная тень, и здание с заколоченными окнами и железной дверью походило на тюрьму, запломбированную вместе с ее собственными духами.

Джейн заглянула в окно ресторана и заметно вздрогнула.

— Знаешь, мы уже были там. Жуткое место и, вероятно, кишащее тараканами. Только голые стены и пустые помещения. Там и смотреть-то теперь не на что.

— Кровь никуда не делась, — заверила Маура.

Тщательное мытье мылом удаляет лишь видимые доказательства, однако на полах и стенах остается химический призрак крови. Люминол сможет выявить застарелые пятна и отпечатки ног, которые не были замечены в ходе первоначального расследования.

Маура обернулась на яркий свет передних фар и сощурилась. Вырулившая из-за угла машина медленно остановилась. Из нее вышли Фрост и Тань.

— Достал ключи? — выкрикнула Джейн.

Фрост вытащил из кармана связку.

— Да мне пришлось господину Куаню чуть ли не души наши отписать, прежде чем он согласился их отдать.

— Подумаешь! Там даже украсть нечего.

— Он сказал, если мы что-нибудь испортим, это уменьшит стоимость перепродажи.

Джейн фыркнула.

— Я могу увеличить эту стоимость с помощью динамитного патрона.

Фрост отпер дверь и нащупал выключатель. Ничего не произошло.

— Похоже, лампочка все-таки перегорела, — заметил он.

Во тьме, за порогом, что-то зашевелилось, напуганное неожиданным вторжением. Маура включила фонарик и увидела штук пять тараканов — они бросились врассыпную, спасаясь от луча света под прилавком для кассового аппарата.

— Фу-у-у, — протянул Фрост. — Спорим, их тут с тысячу бегает?

— Ну спасибо, — пробормотала Джейн, — теперь мне вовеки не удастся отделаться от этой картины.

Лучи четырех фонариков метались взад-вперед, прорезая тьму. Как и описывала Джейн, помещение представляло собой лишь голые стены и пол, однако, когда Маура оглядывала зал, перед ней то и дело всплывали образы с полицейских фотографий. Она снова видела Джоуи Гилмора, распластавшегося возле прилавка. И Джеймса Фана, завалившегося на стену позади кассы. Она подошла к тому углу, где погибла чета Мэллори, и припомнила, как упали их тела. Артур рухнул лицом на столик, а Дина растянулась на полу.

— Ау! — крикнул чей-то голос из проулка. — Детектив Риццоли!

— Мы внутри, — отозвалась Джейн.

Свежая парочка дуэлирующих лучей присоединилась к свету их фонариков, и в помещение вошли двое мужчин из криминалистического отдела.

— Здесь и правда достаточно темно, — проговорил один из них. — Да и мебель не придется двигать, так что дело пойдет быстро. — Он присел на корточки и осмотрел пол. — Тот самый линолеум?

— Так нам сказали, — ответил Тань.

— Похоже на то. Линолеум с фактурным рисунком, полно изломов и щелей. Наверняка отлично засветится. — Поднимаясь, криминалист закряхтел: его живот был таким огромным, будто у него шел восьмой месяц беременности.

— Что вы надеетесь здесь обнаружить? — спросил его более худой коллега, возвышавшийся над первым криминалистом.

— Пока непонятно, — призналась Джейн.

— Наверняка есть причина, почему вы взялись за поиски через девятнадцать лет.

В повисшем молчании Маура почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, и задумалась: неужели вся ответственность за эту вылазку в результате упадет на ее плечи?

— У нас есть причина полагать, что это не суицид-убийство, — наконец вымолвила Джейн.

— Значит, ищем непонятные следы? Свидетельства какого-либо вторжения?

— Сперва — да.

— Ладно, — вздохнул тучный криминалист, — сделаем все от начала до конца. Просили — получите.

— Я помогу вам разгрузить фургон, — вызвался Тань.

Мужчины внесли в помещение осветительное оборудование и видеоаппаратуру, электрические шнуры и химические препараты. Все лампочки в ресторане перегорели, зато электрические розетки были в полном порядке, и, когда мужчины включили в зале иллюминацию, свет ламп оказался не менее ярким, чем солнечный. Пока один криминалист снимал зал на видеокамеру, другой вытаскивал из холодильника коробки с химическими препаратами. И только сейчас, при свете, Маура узнала этих двух мужчин — именно они работали тогда на крыше.

Медленно панорамируя, видеооператор отснял помещение, после чего выпрямился.

— Ну что, Эд? Ты готов начинать?

— Как только все подготовятся, — ответил Эд. — Маски вон в том ящике. Вам их должно хватить.

Тань передал Мауре защитные очки и респиратор — она надела его, чтобы обезопаситься от паров люминола. Только после того как все надели маски, Эд — по крайней мере теперь Маура знала, как зовут высокого мужчину, — начал смешивать химикаты. Он взболтал раствор в банке, затем перелил его в распылитель.

— Кто-нибудь хочет управлять светом?

— Давайте я, — вызвался Фрост.

— Здесь будет очень темно, так что стойте возле лампы, не то вам придется каждый раз нащупывать выключатель. — Эд оглядел комнату. — Ну и с чего, ребята, вы хотите начать?

— Вот с этого участка, — сказала Джейн, указывая область перед кассовым прилавком.

Эд переместился на нужное место, затем бросил взгляд на Фроста.

— Свет.

Помещение погрузилось во мрак — казалось, в темноте дыхание Мауры звучит куда громче. Раздалось едва слышное шипение — это Эд начал распылять люминол. Внезапно на полу вспыхнул сине-зеленый геометрический узор — вещество вступило в реакцию с застарелыми следами гемоглобина. Там, где капает, брызгает или течет кровь, навсегда остается эхо ее присутствия. Девятнадцать лет назад она пропитала этот линолеум и так упрямо засела в щели и трещины, что ее нельзя было вывести даже очень тщательным мытьем.

— Свет.

Фрост нажал на выключатель, и все заморгали от яркого света. Сине-зеленое сияние исчезло — на его месте снова был участок пола, который они уже видели раньше.

Тань оторвал взгляд от своего ноутбука, в котором хранились полицейские фотографии из «Красного феникса».

— Соответствует тому, что я вижу здесь, — сообщил он. — Никаких сюрпризов. Именно на этом месте было обнаружено тело Джоуи Гилмора.

Они переместили камеру на штативе в уголок позади прилавка и снова заняли свои места. Снова погас свет, опять послышалось шипение распылителя, и еще один участок пола начал люминесцировать — квадраты линолеума высвечивались словно бы в шахматном порядке. Здесь погиб Джеймс Фан. На этот раз осветилась и стена — брызги, словно стихшее эхо крика, замерцали в тех местах, где остались следы крови официанта.

В этом здании по-прежнему можно было слышать вопли.

Вся компания переместилась в тот угол, где погибла чета Мэллори. Два тела — значит, вдвое больше пятен и самые громкие вопли; во тьме ярко вспыхнуло и угасло настоящее шоу ужасов из брызг и клякс.

Фрост включил свет, и некоторое время все молчали, глядя на истертый участок пола, который еще несколько секунд назад так ярко сиял. Никаких сюрпризов им пока не встретилось, но тем не менее все были встревожены увиденным.

— Пойдемте на кухню, — предложила Джейн.

Они перешагнули через порог. Казалось, в другой комнате было гораздо холоднее, так зябко, что у Мауры мороз пробежал по коже. Она огляделась — холодильник, старенькая вытяжка и плита. Здесь пол был бетонным — специально для того, чтобы он легко отмывался в помещении, где разлетаются брызги жира и соуса. «А еще — крови», — подумала Маура. Поеживаясь, она стояла у двери в подвал, пока команда криминалистов вносила в эту комнату аппаратуру, камеры и химикаты. Теперь кухня была ярко освещена; Эд и его напарник, нахмурившись, оглядывали территорию.

— Да там же проржавевшее кухонное оборудование, — заметил Эд. — Оно вступит в реакцию с люминолом и засветится.

— Нам нужно сосредоточить внимание на полу, — возразила Маура. — Вот тут, где нашли тело повара.

— И мы снова обнаружим кровь. Вот чудеса-то! — Сарказм в голосе Эда был очевиден.

— Послушайте, если вы считаете это пустой тратой времени, дайте мне распылитель, и я сделаю это сама, — резко отозвалась Маура.

Внезапно воцарилась тишина, и криминалисты переглянулись.

— Может, вы все-таки *скажете* нам, что хотите найти, доктор Айлз? — снова заговорил Эд. — Чтобы нам наконец стало ясно.

— Скажу, когда увижу. Давайте начнем у двери, ведущей в зал.

Эд кивнул Фросту.

— Выключайте свет.

Внезапная тьма на кухне оказалась такой всепоглощающей, что Маура даже покачнулась — ее смутило отсутствие визуальных признаков, ощущения того, кто или что находится возле нее. В таком мраке рядом мог оказаться кто угодно, и она понятия не имела бы, кто это. Распылитель зашипел, и на полу волшебным образом возникли сине-зеленые полоски. Маура снова ощутила, как по коже пробежал холодок — словно какой-то призрак коснулся ее, пролетая мимо. Да, в этом помещении действительно обитают привидения, решила она, духи пролитой крови, которая по-прежнему осталась на полу. Маура снова услышала шипение, и перед ее глазами возникли новые светящиеся участки.

— Здесь я вижу следы, — сказал Эд. — Вероятно, женские, размер тридцать пятый или тридцать шестой.

— Они есть и на снимках с места происшествия, — заметил Тань. — Жена повара была первой, кто вошел сюда. Она жила в квартире, находящейся прямо над кухней. Услышав выстрел, женщина прошла через дверь, выходящую в переулок, и обнаружила своего мужа. Его кровь она на обуви перенесла в зал ресторана, где увидела других погибших.

— Что ж, именно так это и выглядит. Отпечатки туфель ведут в сторону зала.

— Повар был прямо здесь, где я сейчас стою, — сказала Маура. — Нам нужно сосредоточиться на этом месте.

— Не стоит психовать, доктор, — ответил криминалист, и Маура уловила нотки раздражения в его голосе. — Мы доберемся до нужного места.

— Я зафиксировал этот участок.

— Хорошо. Поехали дальше.

Маура слышала, как распыляют вещество, и видела новые отпечатки — люминесцентную запись передвижений жены повара. Они отслеживали отпечатки в обратном направлении, и вдруг перед ними вспыхнула огромная лужа. Здесь собралась кровь У Вэйминя, пролившаяся из раны в его виске. Маура читала отчет о вскрытии, видела на снимках ближний план небольшого отверстия в коже и черепе, за которым скрывались страшные повреждения мозга. Но еще несколько секунд после этого

сердце повара продолжало сокращаться, и кровь все выплескивалась и выплескивалась, образовывая густеющий ореол вокруг его головы. Вот здесь жена У Вэйминя опустилась рядом с ним на корточки и оставила отпечаток своей туфли. «Его тело наверняка было еще теплым», — подумала Маура.

— Свет.

Маура сощурилась — теперь пол представлял собой всего лишь голый бетон. Эд принялся снова заполнять распылитель люминолом, а перед ее глазами все еще стояли эта лужа и доказательство присутствия жены.

— Мы закончим вон там, — сказал Эд, указывая на выход в переулок. — Его жена ушла тем же путем, что и пришла?

— Нет, — ответил Тань. — Если верить отчету Ингерсолла, она выбежала из главного входа, на улицу Наппа. И направилась к Береговой улице, чтобы позвать на помощь.

— Значит, в том конце крови быть не должно.

Тань вгляделся в экран своего ноутбука.

— На этой фотографии с места происшествия ее не видно.

Маура заметила, как Эд глянул на часы — напоминание о том, что уже поздно. Все, что сейчас было снято на видео, — это следы, которые они в любом случае ожидали найти. Маура подумала, о чем эти двое мужчин будут говорить несколько позже; их комментарии наверняка разойдутся по всему Бостонскому ПУ. «Доктор Айлз отправила нас гоняться за призраками».

«Неужели это ошибка? — задумалась она. — Неужели я понапрасну вытащила всех сюда этим вечером, и только лишь потому, что меня угораздило прислушаться к сомнениям шестнадцатилетнего мальчишки?» Однако Маура разделяла подозрения Крыса. После того как он вернулся в школу, оставив ее в доме, который казался теперь до невероятности тихим и пустым, Маура еще много часов внимательно читала отчеты и рассматривала фотографии из дела «Красного феникса». Неясности, которые так быстро приметил парнишка, все больше и больше тревожили ее саму.

— Пора сворачиваться и отправляться домой, — устало сказала Джейн. В ее голосе слышалось отвращение.

Свет снова выключили, и Маура сжала руки в кулаки, радуясь, что ее лицо потонуло во тьме. Она опять услышала, как из распылителя с шипением вырывается облачко люминола.

— Эй, вы видите это? — выпалил Эд.

— Свет! — крикнула Джейн, и Фрост включил лампу.

При ярком свете все умолкли, пристально глядя на голый бетон.

— Этого нет на фотографиях с места происшествия, — сообщил Тань.

Эд нахмурился.

— Давайте я воспроизведу запись, — предложил он.

Все сгрудились вокруг камеры, и, перемотав запись, Эд нажал на кнопку «воспроизведение». Во мраке засияли три сине-зеленых пятна — они тянулись цепочкой и уходили в сторону двери в переулок. Два пятна смазались и деформировались, а третье точно было отпечатком маленькой туфельки.

— Может быть, они вообще не относятся к этому убийству? — предположила Джейн. — Может быть, пятна просто накопились за несколько лет.

— Два кровавых происшествия в одной и той же кухне? — поразился Тань.

— А как тогда объяснить, что этих отпечатков нет ни на одной фотографии с места преступления?

— Просто кто-то смыл их, — тихо проговорила Маура. — Еще до того, как приехала полиция.

И все-таки следы остались здесь, подумала она. Пусть человеческому глазу они не видны, зато от люминола им никуда не деться.

Остальные присутствующие были поражены тем, что им удалось выяснить. На кухне находился какой-то ребенок. Этот ребенок ступил в кровь и двинулся к двери в переулок.

— Подвал, — догадалась Джейн.

Она подошла к двери и распахнула ее. Маура приблизилась к ней, а Джейн фонариком осветила уходящие вниз деревянные ступеньки. Оттуда, из самой черноты, поднимался запах влажного камня и плесени.

Луч фонарика пронзил мрак, и Маура увидела большие бочки и огромные консервные банки с кулинарным жиром, наверняка испорченным после двух десятилетий хранения.

— Повар умер прямо здесь, закрывая собой дверь, — припомнила Джейн. Она обернулась к Эду: — Давайте посмотрим верхние ступени.

На этот раз не последовало ни раздраженных мин, ни вздохов, ни взглядов на часы. Криминалисты быстро переместили камеру со штативом, направив ее на лестницу в подвал. Когда выключился свет, все столпились у двери, и Эд выпустил из распылителя последнюю шипящую порцию люминола. Только теперь они увидели, что кровь, стекая сюда из кухни, капала на верхнюю ступеньку.

А на самой ступеньке виднелся отпечаток маленькой туфельки.

24

— В тот вечер в кухонном подвале кто-то был, госпожа Фан. Ребенок, который, возможно, знает, что произошло на самом деле, — говорит детектив Риццоли. — Вам известно, кто этот ребенок?

Полицейская изучает меня, наблюдая за моей реакцией, когда я начинаю понимать, чт***о*** она сказала. Сквозь закрытую дверь до меня доносятся стук шестов и сливающиеся в хор голоса моих учеников, тренирующих боевые приемы. Но я раздумываю о возможных ответах здесь, в тишине своего кабинета. Молчание — это уже реакция, и детектив Риццоли пытается понять его значение, однако я не позволяю эмоциям отразиться на моем лице. Для нас обеих это уже превратилось в шахматную игру внутри шахматной игры, и наши ходы настолько незаметны, что детектив Фрост, который стоит поблизости, видимо, даже не подозревает о них.

Мой настоящий противник — эта женщина.

— Откуда вам известно, что в подвале кто-то был? — спрашиваю я, глядя ей прямо в глаза.

— В кухне и на ступенях подвала остались следы. Отпечатки детских ног.

— Но ведь прошло девятнадцать лет.

— Даже после стольких лет, госпожа Фан, следы крови остаются, — объясняет Фрост. Его голос звучит мягче, это голос друга, поясняющий то, что, как он считает, я не понимаю. — Существуют определенные химические препараты, с помощью которых мы можем видеть следы

крови. Нам известно, что ребенок вышел из подвала, наступил в кровь У Вэйминя и вышел из кухни в переулок.

— Этого мне никто еще не говорил. Детектив Ингерсолл ничего такого не рассказывал.

— Потому что он не видел этих следов, — говорит детектив Риццоли. — Когда приехала полиция, их уже не было. Их смыли. — Она наклоняется так низко, что мне видны ее зрачки — две черные мишени внутри шоколадных радужек. — Кому понадобилось это делать? Кто хотел скрыть тот факт, что в подвале был ребенок?

— Почему вы спрашиваете об этом у меня? В тот момент меня даже не было в стране. Когда все это случилось, я гостила на Тайване у своих родственников.

— Но вы ведь знали У Вэйминя и его жену. Как и они, вы говорите на мандаринском диалекте. В подвале была их маленькая дочка, верно? — Она достает из кармана блокнот и читает: — Мэймэй, пяти лет от роду. — Риццоли смотрит на меня. — Мать и дочка — куда они уехали?

— Откуда же мне знать? Я смогла улететь домой только через три дня. К тому времени они уже уехали. Собрали всю свою одежду, все свои вещи. Понятия не имею, куда они отправились.

— Почему они убежали? Потому что жена повара была нелегальной эмигранткой?

Я стискиваю зубы и сердито смотрю на полицейскую.

— Вы удивлены, что она сбежала? Если бы я была нелегальной эмигранткой, детектив, и вы бы решили, что мой муж только что убил четырех человек, как скоро вы надели бы на *меня* наручники и депортировали? Девочка родилась здесь, а вот Лихуа — нет. Она хотела, чтобы дочка выросла в Америке, так стоит ли винить ее за то, что она избегала полиции? Стремилась уйти в тень?

— Смыв отпечатки, она уничтожила важное доказательство.

— Возможно, таким образом она хотела защитить дочь.

— Девочка была свидетельницей. Она могла бы изменить ход расследования.

— И что, вы бы привели пятилетнюю девочку в зал суда и заставили бы давать показания? Неужели вы думаете, что присяжные поверили бы

дочке нелегальных эмигрантов, если весь город уже назвал ее отца чудовищем?

Мой ответ ошарашивает ее. Риццоли замолкает, раздумывая о логике моих слов. Она осознает, что действия Лихуа в самом деле были разумными. Лихуа действовала как любая мать, стремящаяся обезопасить себя и ребенка от властей, которым она не доверяет.

— Мы вам не враги, госпожа Фан, — мягко произносит Фрост. — Мы просто пытаемся узнать правду.

— Я сказала правду девятнадцать лет назад, — напоминаю я. — Сказала полиции, что У Вэйминь и мухи не обидел бы, но они не хотели меня слушать. Гораздо проще было считать, что он — сумасшедший китаеза, а кто знает, что творится в голове китаезы? — Я слышу горечь в собственном голосе, но даже не пытаюсь скрыть ее. Резкая и жгучая, она продолжает изливаться. — Поиск *правды* — трудоемкое занятие. Слишком трудоемкое. Вот что думала тогда полиция.

— Но я так не считаю, — спокойно возражает Фрост.

Я смотрю на него и вижу искренность в его взгляде. В соседнем помещении завершилось занятие; я слышу, как уходят ученики, и дверь то и дело со свистом захлопывается.

— Если Мэймэй была в подвале, — продолжает детектив Риццоли, — нам необходимо найти ее. Мы должны узнать, что она помнит.

— И вы ей поверите?

— Зависит от того, какая это девушка. Что вы можете рассказать нам о ней?

Некоторое время я раздумываю, глядя назад, сквозь туман девятнадцати прошедших лет.

— Я помню, что она ничего не боялась. Никогда не сидела спокойно, постоянно бегала и прыгала. «Маленький тигр» — так называл ее отец. Когда моей дочери Лоре приходилось сидеть с Мэймэй, она возвращалась домой совершено вымотанная. Лора даже говорила мне, что не хочет иметь детей, если ее малыши будут такими же бешеными, как Мэймэй.

— Она была умной девочкой?

Я печально улыбаюсь ей.

— У вас есть дети, детектив?

— Двухлетняя дочь.

— И, вероятно, вы считаете ее самой смышленой на свете.

На этот раз улыбается Риццоли.

— Не сомневаюсь, что она такая и есть.

— Потому что все дети кажутся способными, верно? Малышка Мэймэй была такой шустрой, такой любознательной... — Мой голос затихает, и я нервно сглатываю. — Когда они уехали, я словно снова потеряла свою дочь.

— Куда они уехали?

Я качаю головой.

— Мне кажется, у них была какая-то кузина в Калифорнии. Лихуа была красавица и всего лет двадцати с небольшим. Она могла выйти замуж еще раз. И сменить имя.

— Вы не знаете, где она теперь?

Я держу достаточно долгую паузу, чтобы посеять сомнения в мыслях полицейской. Чтобы заставить ее задуматься, правдив ли мой ответ. Наша шахматная партия продолжается — ход за ходом.

— Нет, — наконец отвечаю я. — Я даже не знаю, жива ли она.

Раздается стук в дверь, и на пороге показывается Белла. Она раскраснелась от напряжения после проведенного занятия, и ее короткие волосы, непослушные от пота, торчат в разные стороны. Она кланяется.

— Сыфу, завершилось последнее сегодняшнее занятие. Я вам еще понадоблюсь?

— Подожди минутку. Мы как раз заканчиваем.

Оба детектива понимают, что мне больше нечего им сказать, а потому они собираются уходить. По дороге к двери Риццоли останавливается и внимательно смотрит на Беллу. Ее взгляд долог и пытлив, и я почти читаю мысли, которые роятся у нее в голове. «Мэймэй исчезла, когда ей было пять лет. Сколько лет этой девушке? Возможно ли, что это она?»

Однако вслух Риццоли ничего не говорит — просто кивает на прощание и выходит из студии.

Когда дверь за детективами закрывается, я говорю Белле:

— Наше время истекает.

— Они знают?

— Они близки к истине.

Я делаю глубокий вдох. Меня сильно беспокоит, что я не нахожу сил отбросить тягостную усталость. Я участвую одновременно в двух битвах — одна из них с врагом, который таится в моем собственном костном мозге. Не сомневаюсь, что один из неприятелей непременно отнимет у меня жизнь.

Вопрос лишь в том, какой из них убьет меня раньше.

25

Теперь у них было уже три пропавших девочки.

Потягивая едва теплый кофе, Джейн ела сандвич с куриным салатом и проглядывала папки с документами, которых становилось все больше и больше. На ее рабочем столе лежали дела по неизвестной с крыши, массовому убийству в «Красном фениксе», а также по исчезновению Лоры Фан и Шарлотты Дион. Она завела новую папку на еще одну пропавшую девочку — Мэймэй, дочку повара, сгинувшую вместе с матерью девятнадцать лет назад. Сейчас Мэймэй должно быть двадцать четыре года. Возможно, она вышла замуж и носит другое имя. У них не было ни фотографии, ни отпечатков пальцев, не было вообще никакого представления о том, как она выглядела. Вероятно, она вовсе не проживает в США. А может, подумала Джейн, болтается у них прямо под носом — преподает боевые искусства в чайнатаунской студии. Риццоли представила себе каменное лицо Беллы Ли, помощницы Айрис; как раз сейчас они изучали ее биографию.

Из трех девочек у Мэймэй было больше всего шансов выжить. Две другие наверняка погибли.

Джейн снова сосредоточила внимание на Лоре Фан и Шарлотте Дион. Задумалась о поразительной связи между ними, которая возникла, несмотря на огромную пропасть, разделявшую их жизни. Шарлотта была богатой белой девочкой. Лора — дочерью китайских эмигрантов, борющихся за существование. Шарлотта выросла в бруклайнском особняке, Лора — в тесной чайнатаунской квартирке. Две такие разные

девочки, однако обе они потеряли родителей во время стрельбы в ресторане, и теперь их дела занимали равные места на рабочем столе Джейн в отделе убийств — там, где никто не захотел бы увидеть свое дело. Перелистывая страницы документов, Риццоли снова услышала эхо последних слов, которые сказал ей Ингерсолл: «Речь том, что случилось с теми девочками».

Этих ли девочек он имел в виду?

На второй взгляд поместье Патрика Диона показалось Джейн не менее впечатляющим.

Она проехала между одинаковыми каменными колоннами и попала на частную дорогу, миновала березы, сирень и ровную лужайку и оказалась возле массивного дома в колониальном стиле. Когда Риццоли остановила машину под навесом, Патрик вышел из дома, чтобы поприветствовать ее.

— Спасибо, что согласились снова встретиться со мной, — поблагодарила Джейн, пожимая руку хозяина.

— У вас новости о Шарлотте? — спросил он, и Джейн было больно видеть надежду в его глазах, слышать дрожь в его голосе.

— Простите, если я плохо объяснила цель своего визита, — извинилась Риццоли. — Боюсь, я не смогу сообщить вам ничего нового.

— Но по телефону вы сказали, что хотите поговорить о Шарлотте.

— Это связано с нашим текущим расследованием. С убийством в китайском квартале.

— А какое отношение это имеет к моей дочери?

— Пока не знаю, господин Дион. Однако есть обстоятельства, которые навели меня на мысль, что история Шарлотты связана с исчезновением другой девочки.

— Много лет назад это уже исследовал детектив Букхольц.

— Я собираюсь снова заняться этим вопросом. Прошло девятнадцать лет, но мне не хотелось бы, чтобы о вашей дочери забыли. Шарлотта заслуживает большего.

Джейн заметила, как Дион сморгнул слезы, и поняла, что для него эта потеря до сих пор мучительна. Боль не прошла. Родители никогда не забывают такое.

— Заходите, — устало кивнув, пригласил он. — По вашей просьбе я принес ее вещи с чердака. Вы можете разглядывать их, сколько захотите.

Вслед за Патриком Джейн прошла в холл и снова восхитилась сверкающими полами из твердой древесины и написанными маслом портретами, которым было, наверное, не меньше двух столетий. Она невольно сравнила его дом с жилищем Кевина Донохью, со скучной мебелью и картинами массового производства. Старое богатство против нового. Патрик провел ее в парадную гостиную с венецианскими окнами, которые выходили на пруд с кувшинками. На большом обеденном столе розового дерева, за которым без труда уместились бы десять человек, громоздилась целая коллекция картонных коробок.

— Это то, что я сохранил, — печально объяснил Патрик. — Большую часть ее одежды я все-таки отдал благотворительным организациям. Думаю, Шарлотта одобрила бы это. Такие вещи были ей небезразличны — накормить бедных, приютить нуждающихся. — Он осмотрел комнату и иронично усмехнулся. — Наверное, вы считаете это лицемерием, верно? Говорить такое, живя в подобном доме, имея всю эту собственность. Однако у моей дочери *действительно* было доброе сердце. Щедрое. — Патрик сунул руку в одну из коробок и достал оттуда протертые синие джинсы. Пристально поглядел на них так, словно мог видеть, как они облегают стройные бедра его дочки. — Странно, что я так и не смог отдать их. Синие джинсы никогда не выходят из моды. Если Шарлотта вернется, я не сомневаюсь, что они пригодятся. — Патрик бережно положил их назад в коробку и глубоко вздохнул.

— Мне очень жаль, господин Дион. Жаль, что я снова напомнила вам об этой боли. Может, вам будет легче, если я сама просмотрю содержимое коробок?

— Нет, мне придется давать пояснения. Вы можете не понять значения некоторых вещей. — Он полез еще в одну коробку и вытащил из нее фотоальбом. Сжал его в ладонях, точно не хотел выпускать. Потом, держа альбом обеими руками, словно драгоценное подношение, протянул Джейн, которая приняла его с не меньшим благоговением. — Вот на это вы наверняка захотите взглянуть.

Риццоли открыла альбом. На первой странице была фотография молодой блондинки, держащей на руках краснолицую новорожденную; ребенок, запеленатый в белое одеяло, напоминал крошечную мумию. «Нашей Шарлотте восемь часов», — гласила подпись с завитками и

росчерками, сделанная женской рукой. Так, значит, вот какой была Дина, когда только-только вышла замуж за Патрика. До того, как появился Артур Мэллори, разбивший их брак.

— Шарлотта была вашим единственным ребенком? — спросила Джейн.

— Дина хотела только одного. Тогда меня это не тревожило. Зато теперь...

Теперь он сожалеет, подумала Джейн. Сожалеет, что вложил всю свою любовь и все надежды в единственную дочь, которую ему было суждено потерять. Переворачивая страницы, Джейн изучила другие фотографии Шарлотты — голубоглазой малышки с золотистыми волосами. То и дело в кадре появлялась Дина, а вот Патрика на фотографиях не было, если не считать призрачной тени, которую отбрасывал человек, державший фотоаппарат. Джейн перевернула последнюю страницу — там была изображена Шарлотта в год своего четырехлетия.

Патрик передал Джейн следующий том.

Казалось, во втором альбоме течение лет ускорилось — на каждой странице девочка росла, изменялась. После того как взрыв внимания, уделенного ребенку в первые годы жизни, утихает, после того как исчезает новизна родительских чувств, о съемке часто забывают и берут в руки фотоаппарат лишь во время особых событий. Праздник по случаю пятого дня рождения. Первый танец на сцене. Поездка в Нью-Йорк. И внезапно ангелоподобная малышка превращается в угрюмого подростка, позирующего в школьной форме у главного входа в Болтонскую академию.

— Здесь ей двенадцать лет, — пояснил Патрик. — Помню, она терпеть не могла эту форму. Говорила, что шотландка полнит и только поэтому школа заставляет носить ее. Чтобы все девочки были уродливыми и у них никогда не было неприятностей с мальчиками.

— Она не хотела поступать в Болтонскую академию?

— О, конечно же, хотела. Но, признаюсь, я был расстроен, когда она уехала. Мне нелегко было отдавать свою дочку в школу-интернат. Дина настояла на этом, потому что сама закончила Болтонскую академию, место, где девочка «непременно встретит нужных людей». Так выразилась Дина. — Патрик немного помолчал. — Боже мой, наверное, это покажется признаком поверхностности, но Дина уделяла подобным вещам очень много внимания. Ей было чрезвычайно важно, чтобы Шарлотта приобрела правильных друзей и нашла соответствующего

мужа. — Он умолк, а затем иронично добавил: — В итоге мужа в Болтонской академии встретила сама Дина.

— Наверное, вам было тяжело, когда Дина ушла.

Патрик безропотно пожал плечами.

— Я смирился с этим. А что я мог сделать? Странно, но Артур Мэллори мне понравился. Впрочем, как и все семейство Мэллори — Барбара и их сын Марк. Все они были славными людьми. Но гормонам противостоять невозможно. Думаю, я потерял свою жену в тот самый момент, когда они с Артуром впервые увидели друг друга. Я мог лишь быть свидетелем того, как распадается мой брак.

Джейн перевернула страницу и увидела последнюю фотографию альбома. Это было свадебное фото — в центре в торжественных одеждах стояли новобрачные, Дина и Артур Мэллори. По бокам разместились дети: Марк стоял возле отца, Шарлотта — возле матери. Жених и невеста широко улыбались, а у Шарлотты был какой-то оторопелый вид, будто она не знала, как оказалась среди этих людей.

— Сколько лет Шарлотте на этой фотографии? — поинтересовалась Джейн.

— Должно быть, тринадцать.

— Она кажется немного потерянной.

— Это произошло так быстро. Думаю, все были ошеломлены. Мы познакомились с семейством Мэллори всего за год до этого, когда Шарлотта и Марк играли на школьном рождественском празднике. Через год мы снова побывали на рождественском празднике, только к тому времени Дина уже ушла к Артуру. А я остался отцом-одиночкой и самостоятельно растил дочь.

— После развода Шарлотта осталась с вами?

— Мы с Диной обсудили этот вопрос и договорились, что будет лучше, если опеку возьму на себя я — так Шарлотта по-прежнему могла бы жить в доме, где выросла.

— И что, не было судебной тяжбы, никаких войн за право опеки над дочерью?

— Если люди разводятся, это не обязательно означает, что они перестают заботиться друг о друге. Мы — заботились. И стали членами одной большой семьи. Боюсь, бывшая жена Артура Барбара так и не смогла

принять развод и была озлоблена до предела. Но я не видел смысла выражать недовольство. Что называется, вел себя цивилизованно.

Именно это написал в своем отчете Ингерсолл: Патрик Дион и его бывшая жена даже после развода сохранили теплые отношения. Теперь, услышав эту историю от Патрика, Джейн поверила ему.

— Даже свое последнее Рождество они отпраздновали здесь, со мной, — продолжил Дион. — Артур, Дина и Марк. Мы вместе ужинали, в этой комнате. Распаковывали подарки. — Он обвел глазами стол, словно видел их призраки, сидящие вокруг. — Помню, Шарлотта сидела вон там, в дальнем конце стола. Она расспрашивала Марка о Гарварде и о том, нравится ли ему в университете. Дина подарила ей жемчужное ожерелье. На десерт мы ели тыквенный пирог. А после я увел Марка в свою столярную мастерскую, потому что он любит работать руками. Надо же, парнишка учился в Гарварде, но куда охотнее он мастерил бы изящную мебель. — Патрик заморгал и посмотрел на Джейн так, будто внезапно вспомнил, что она здесь. — Их больше нет. Остались только мы с Марком.

— Похоже, у вас близкие отношения.

— Ах, он славный молодой человек. — Патрик умолк, а затем улыбнулся. — Марку уже тридцать девять, однако в моем возрасте все люди до сорока кажутся молодыми.

Джейн вынула из коробки еще один альбом — на этот раз не семейное собрание фотографий, а ежегодник Болтонской академии с золотой эмблемой школы, вытисненной на темно-бордовой коже.

— В тот год Шарлотта была десятиклассницей, — сказал Патрик, глядя на обложку. — А на следующий год она... — Дион умолк, и его лицо помрачнело. — Я думал подать на школу в суд за халатность. Они возили мою дочь на экскурсию без необходимого присмотра. Они ведь вон где были — в общественном месте! В Фаньюл-холле! И наверняка знали, что какие-то дети могут заплутать, что к ним может подойти незнакомец. Но преподаватели не проявили внимания — и моя девочка пропала. А я тогда был по ту сторону океана и ничем не мог помочь, не мог ее спасти.

— Я так понимаю, вы были в Лондоне.

Он кивнул.

— Встречался с потенциальными инвесторами, увеличивал свое чертово состояние. Я бросил бы все это, если бы только мог... — Внезапно он

поднялся. — Думаю, мне стоит выпить чего-нибудь покрепче. Вам налить?

— Благодарю вас, нет. Я за рулем.

— А! Сознательная полицейская. Прошу меня извинить, — бросил он, выходя.

Джейн раскрыла ежегодник Болтонской академии на разделе десятиклассников и увидела Шарлотту в нижнем ряду фотографий. Ее светлые волосы были распущены и спадали на плечи, а губы слегка изгибались в мечтательной улыбке. Она была красивой девочкой, однако трагедия уже отпечаталась в ее чертах, будто бы Шарлотта знала, что впереди ее ожидают одни печали. Под фотографией размещался список интересов и дополнительных занятий. «Клуб актерского мастерства. Искусство. Оркестр. Теннисная команда».

Оркестр. Джейн вспомнила, что Шарлотта играла на альте. И что Лора Фан играла на скрипке. Пусть девочки выросли в разных вселенных, но у них было общее увлечение — музыка.

Она пролистала книгу и нашла раздел дополнительных занятий. Там Риццоли увидела фотографию, на которой были запечатлены Шарлотта и еще два десятка учеников-музыкантов. Девочка сидела во втором ряду струнной секции, держа на коленях свой инструмент. Подпись гласила: «Кандейс Форсайт, заведующая музыкальной частью, и оркестр Болтонской академии».

Джейн услышала, как в комнату вернулся Патрик с напитком, в котором позвякивали кубики льда.

— Знала ли ваша дочь девочку по имени Лора Фан? — спросила у него Риццоли.

— После исчезновения Шарлотты детектив Букхольц задавал мне тот же самый вопрос. Я сказал ему, что никогда раньше не слышал этого имени. Лишь позже я узнал, что Лора Фан — девочка, пропавшая на два года раньше Шарлотты. И только тогда понял, почему он задавал мне этот вопрос.

— Вы не можете припомнить никакой связи между девочками? Шарлотта никогда не упоминала Лору?

Патрик поглядел на фотографию Болтонского оркестра.

— Ваш ребенок возвращается из школы и говорит о каких-нибудь девочках и мальчиках. Могут ли отец или мать припомнить все имена?

Он был прав — невозможно ждать этого от родителей.

Джейн перелистнула еще несколько страниц, остановилась на разделе старших учеников и просмотрела фотографии благообразных мальчиков в болтонской форме, включающей в себя синие пиджаки и красные галстуки. Среди них обнаружился Марк Мэллори; лицо у него было чуть тоньше, чем теперь, а волосы — длиннее и кудрявее. Он уже превратился в красивого молодого человека, собирающегося в Гарвард. Под фотографией были перечислены интересы Марка: «Лакросс[13], оркестр, шахматы, фехтование, актерское мастерство».

Снова оркестр. Вот так и познакомились семейства Дион и Мэллори — благодаря детям, которые играли на школьном рождественском празднике.

— Я не очень понимаю, поможет ли вам хоть что-то из этой информации, — сказал Патрик. — Детектив Букхольц задавал мне эти вопросы девятнадцать лет назад.

Джейн подняла взор на Диона.

— Возможно, ответы с тех пор изменились.

Когда Джейн, выехав из Бруклайна, двинулась на запад по Массачусетской платной автомагистрали, ей в глаза било послеполуденное солнце. До Вустера она долетела быстро, а вот оттуда в северном направлении ползла еле-еле — на местных дорогах машины шли по одной полосе из-за ремонта дорожного покрытия. Когда Риццоли наконец-то прибыла в Болтонскую академию, было уже пять часов вечера. Она въехала через главные ворота и двинулась по извилистой подъездной аллее, которую оттеняли древние дубы. На каменных ступенях основного корпуса сидели и болтали три девочки. Они даже не взглянули на то, как Джейн парковалась и выходила из машины. На вид им можно было дать лет по пятнадцать-шестнадцать, они были худенькими и красивыми. Мать-природа идеально приспособила их к выполнению биологического предназначения — привлекать молодых людей.

— Прошу прощения, — обратилась к ним Джейн. — Я ищу госпожу Форсайт, заведующую музыкальной частью.

В ответ три юные богини равнодушно воззрились на нее. Даже несмотря на то, что девочки были в юбках из шотландки и белых блузках, рядом с ними Джейн чувствовала себя безнадежно отставшей от моды.

— Она в Беннетт-холле, — наконец произнесла одна из школьниц.

— Где это?

Грациозно вытянув ручку, девушка указала на величественное здание по другую сторону лужайки.

— Вон там.

— Спасибо.

Пересекая лужайку, Джейн чувствовала, что девочки наблюдают за ней — чужеродной особью из мира обычных людей. Так, значит, вот что такое школа-интернат — ничего общего с интересным заведением типа Хогвартса. Больше напоминает кошмарный женский клуб. Джейн подошла к ступеням Беннетт-холла и посмотрела вверх — на белые колонны и фронтон с искусной резьбой. Я словно бы восхожу на Олимп, решила она, поднимаясь по лестнице главного корпуса.

Из коридора слева от нее донесся неумелый звук скрипки. Двинувшись на него, Джейн оказалась в классе, где сидела поникшая, очень сосредоточенная девочка, а на нее хмуро глядела седовласая дама.

— Боже мой, Аманда, вибрато звучит у тебя так, словно ты играешь на высоковольтных проводах. Я даже слушать это спокойно не могу. К тому же ты пережимаешь гриф. Расслабь запястье. — Женщина потянула девочку за левую кисть и яростно встряхнула ее руку. — Ну же, расслабься!

Ученица внезапно заметила Джейн и замерла.

— Да? — сказала женщина, обернувшись.

— Госпожа Форсайт? Я вам звонила чуть раньше. Я детектив Риццоли.

— Мы как раз заканчиваем. — Преподавательница повернулась к ученице и вздохнула. — Сегодня ты ужасно напряжена, так что нет смысла продолжать занятие. Возвращайся в общежитие и потренируйся — потряси запястьями. Обеими. Подвижные запястья — самое главное для скрипача.

Девочка безропотно упаковала свой инструмент. Она собиралась было выйти из класса, но вдруг остановилась рядом с Джейн и произнесла:

— Вы сказали, что вы детектив. И что, вы в полиции работаете?

Джейн кивнула.

— В Бостонском ПУ.

— Это *так* круто! Я тоже хочу когда-нибудь стать агентом ФБР.

— Так действуй! Там женщины нужны.

— Ага, скажите это моим родителям. Они говорят, что работа в полиции — для *других* людей, — пробормотала девочка и выскочила из класса.

— Боюсь, из нее никогда не выйдет хорошего музыканта, — сказала госпожа Форсайт.

— Насколько мне известно, — отозвалась Джейн, — для того чтобы работать в ФБР, необязательно играть на скрипке.

Это саркастическое замечание не помогло Джейн завоевать симпатию женщины. Госпожа Форсайт холодно оглядела собеседницу.

— Вы говорили, у вас есть вопросы, детектив?

— Да, об одной из школьниц, которая училась у вас девятнадцать лет назад. Она была в школьном оркестре. Играла на альте.

— Вы приехали расспросить о Шарлотте Дион, верно? — Увидев, что Джейн кивнула, женщина испустила тяжелый вздох. — Ну конечно же, о Шарлотте. Об этой ученице нам никогда не позволят забыть. Даже спустя столько лет господин Дион по-прежнему винит нас, верно? За то, что мы потеряли его дочь.

— Любому родителю было бы трудно смириться с подобным. Вы ведь понимаете это.

— Бостонское ПУ тщательно расследовало исчезновение Шарлотты, и там никогда не считали, что мы поступили халатно. На экскурсии было достаточно сопровождающих — по одному на шестерых учеников. К тому же это была экскурсия не для младших дошкольников, а для подростков. Мы не должны были нянчиться с ними. Хотя, возможно, с Шарлоттой должны были, — вполголоса добавила руководительница оркестра.

— Почему?

Госпожа Форсайт немного помолчала.

— Прошу прощения, я не должна была говорить это.

— Шарлотта была трудным подростком?

— Я не хочу дурно отзываться о мертвых.

— Полагаю, мертвые хотели бы, чтобы свершилось правосудие.

Через мгновение женщина кивнула.

— Могу сказать лишь следующее: она не служила гордостью нашей школы. О, девочка была достаточно способной. Это показали баллы на вступительных экзаменах. И первый год она прекрасно училась. Но после того как ее родители развелись, все пошло наперекосяк, и Шарлотта с трудом получала удовлетворительные оценки. Конечно, мы жалели девочку, но у половины наших учеников родители разведены. Однако они способны свыкнуться с этим и продолжить учебу. А Шарлотта не смогла. Она так и осталась угрюмой и замкнутой. И этой своей позой — «бедная я, несчастная» — она, похоже, притягивала беды.

Для женщины, не любившей дурно отзываться о мертвых, госпожа Форсайт явно без труда давала себе свободу выражений.

— Но ведь ее нельзя винить в том, что она потеряла маму, — заметила Джейн.

— Нет, разумеется, нет. Это было ужасно — та стрельба в Чайна-тауне. А вы когда-нибудь замечали, как несчастья преследуют определенных людей? Они могут в один год потерять супруга, работу и заболеть раком. Такой была Шарлотта — всегда угрюмая, всегда притягивавшая беды. Возможно, именно поэтому у нее было очень мало друзей.

Из разговора с Патриком Джейн вынесла совсем другой образ Шарлотты. И теперь удивилась, узнав об иной стороне личности девочки.

— Если судить по школьному ежегоднику, у нее были вполне нормальные увлечения, — заметила Джейн. — Например, музыка.

Госпожа Форсайт кивнула.

— Она была хорошей альтисткой, но никогда не вкладывала в это душу. Только на третьем году обучения она наконец-то сумела пройти прослушивание и попасть на летний оркестровый мастер-класс. Правда, ей помогло, что она альтистка. Их всегда не хватает.

— Сколько ваших учеников посещает этот мастер-класс?

— По крайней мере несколько человек ежегодно. Это лучший мастер-класс в Новой Англии, там преподают музыканты из Бостонского симфонического оркестра. А они очень избирательны. — Госпожа

Форсайт умолкла. — Я знаю, о ком вы сейчас спросите. О той пропавшей китаянке, верно?

Джейн кивнула.

— Вы читаете мои мысли. Ее звали Лора Фан.

— Я так понимаю, она была талантливой девочкой. Об этом говорили, когда она исчезла. Многие мои ученики посещали мастер-класс вместе с ней.

— Но не Шарлотта?

— Нет. Шарлотта тогда не смогла пройти прослушивание. Ей удалось попасть на мастер-класс только через год после исчезновения Лоры, так что они не были знакомы. Ведь это следующий вопрос, который вы собирались задать, не так ли?

— Вы помните все эти детали даже девятнадцать лет спустя?

— Потому что совсем недавно я снова все вспоминала вместе с тем детективом.

— Каким детективом?

— Я не помню его имени. Это было несколько недель назад. Мне нужно проверить в своем ежедневнике.

— Я была бы очень благодарна, если бы вы прямо сейчас посмотрели его имя, мэм.

В глазах женщины промелькнуло раздражение, словно ей поручали какую-то непосильную работу. Однако госпожа Форсайт подошла к своему столу, порылась в ящике и в конце концов обнаружила ежедневник. Перелистнув несколько страниц, она кивнула.

— Вот. Он позвонил мне второго апреля, чтобы назначить встречу. Я сочла, что он староват для детектива, но, думаю, опыт все же чего-то стоит.

«Немного староват, — подумала Джейн. — И расспрашивал о пропавших девочках».

— Это случайно не детектив Ингерсолл? — осведомилась она.

— Так, значит, вы его знаете.

— А разве вы не слышали новости? Детектив Ингерсолл погиб. Его застрелили на прошлой неделе.

Ежедневник выпал из рук госпожи Форсайт и плюхнулся на стол.

— О боже. Нет, я не знала.

— Зачем он приезжал сюда, госпожа Форсайт? Почему он спрашивал вас о Шарлотте?

— Я предположила, что этого требует ее отец, что он по-прежнему надеется получить объяснения. Несколько недель назад я сказала об этом Марку Мэллори на ужине выпускников, но он ничего не знал об этой истории.

— А у господина Диона вы спрашивали?

Преподавательница вспыхнула.

— Болтонская академия избегает любых контактов с господином Дионом. Чтобы не ворошить… дурные воспоминания.

— Вы можете дословно передать мне то, что говорил вам детектив Ингерсолл?

Женщина опустилась на стул, стоявший возле ее стола. Внезапно она стала более миниатюрной и менее грозной — видимо, ее потрясло вторжение грубого внешнего мира в безобидную вселенную книг и оркестровых партитур.

— Простите, мне нужно немного подумать… — Она нервно сглотнула. — На самом деле он не очень много расспрашивал о Шарлотте. Его вопросы в основном касались другой девочки.

— Лоры Фан.

— И других.

— Других?

— У него был список. Длинный список — возможно, из двух десятков имен. Он спросил, узнаю ли я кого-нибудь. Учился ли кто-нибудь из них в Болтонской академии. Я ответила, что нет.

— Вы помните какие-нибудь имена из этого списка?

— Нет. Я же говорю — я не знала никого из них. Он сказал мне, что все эти девочки пропали так же, как Лора. — Госпожа Форсайт выпрямилась и поглядела на Джейн. — Этих девочек так и не нашли.

26

— Это списки звонков Ингерсолла по мобильному и городскому телефонам, — сообщил Тань, раскладывая страницы по столу для совещаний, чтобы они были видны Фросту и Джейн. — Перечень всех исходящих и входящих звонков за последний месяц. На первый взгляд ничего необычного здесь нет. Все очень буднично. Звонки дочери, стоматологу, оператору кабельного телевидения, в компанию по выпуску кредиток. Звонок в рыбацкий лагерь в Мэне, где он останавливался. И многочисленные звонки в пиццерию, что находится чуть дальше по его же улице.

— Бог мой, он ел очень много пиццы, — заметил Фрост.

— Вы также заметите, что он звонил родственникам жертв убийства в «Красном фениксе». Эти самые звонки были сделаны тридцатого марта и первого апреля. Как раз на годовщину убийства.

— Я говорил с госпожой Гилмор и Марком Мэллори, — подхватил Фрост. — Они подтвердили, что Ингерсолл звонил им, чтобы узнать, получили ли они, как и он сам, обычные ежегодные послания. Такие же, какие приходили им регулярно.

— А еще в этом списке есть несколько звонков, которых я вообще не понимаю, — признался Тань. — Они кажутся совершенно случайными. — Он ткнул пальцем в один из номеров. — Например, этот. Шестое апреля, Лоуэлл. Собачья парикмахерская «Мой лучший друг». — Тань посмотрел на коллег. — Насколько нам известно, у Ингерсолла никогда не было собаки.

— Может быть, он встречался с собачьей парикмахершей, — предположила Джейн.

— Я позвонил по этому номеру, — продолжал Тань. — Там никогда не слышали о нем, и он не состоял в списке их клиентов. Я подумал: может, Ингерсолл неправильно набрал номер? — Джонни указал на другую запись. — А потом вот этот звонок. Восьмое апреля, Вустер. Это номер магазина нижнего белья «Гардероб для особ».

Джейн поморщилась.

— Я не уверена, что мне интересны такие подробности.

— Когда я поговорил с людьми из магазина, — объяснил Тань, — никто из них не вспомнил фамилию Ингерсолл. Поэтому я предположил, что это еще один неправильно набранный номер.

— Обоснованное предположение.

— И все же неверное. Он не просто так звонил по этому номеру.

— Ну пожалуйста, скажи, что он покупал эротичное белье для своей подружки, а не для себя, — взмолилась Джейн.

— Эротичное белье тут ни при чем. Он звонил вовсе не в «Гардероб для особ», а тому, кто раньше владел этим номером телефона.

Джейн нахмурилась.

— С чего ты решил?

— После твоего визита в Болтонскую академию я, как ты и просила, поднял базу данных штата по пропавшим девочкам. И составил список всех девушек, пропавших в Массачусетсе за последние двадцать пять лет.

— За такой длительный срок? — удивился Фрост.

— Шарлотта пропала девятнадцать лет назад. Лора Фан — двадцать один год назад. Я условно выбрал двадцатипятилетний отрезок, чтобы у меня был хороший запас. И очень рад этому. — Тань вынул из пухлой папки листок и положил его перед Джейн. Посреди страницы виднелся телефонный номер, обведенный красным. — Вот номер, по которому звонил Ингерсолл, теперь он значится за «Гардеробом для особ». Двадцать два года назад он принадлежал господину Грегори Боулсу из Вустера. Двенадцать лет назад номер был передан другому владельцу. А потом, четыре года назад, его присвоили магазину белья «Гардероб для особ». Телефоны постоянно передаются от одного абонента другому, а поскольку многие и вовсе перестают пользоваться городскими номерами, обновление владельцев происходит еще чаще. Думаю, на самом деле Ингерсолл хотел побеседовать именно с ним. С Грегори Боулсом. Но тот двенадцать лет назад переехал в другой штат.

— Кто такой Грегори Боулс? — спросил Фрост.

Просматривая список номеров на странице, Джейн внезапно ощутила трепет. Она поняла.

— Это номера из базы данных по пропавшим детям. — Риццоли подняла взгляд.

Тань кивнул.

— Грегори Боулс — отец исчезнувшей девушки. Я собирался просмотреть все подобные дела, по-прежнему не закрытые в нашем штате. Дела по девушкам моложе восемнадцати, которые пропали в течение последних двадцати пяти лет. — Он указал на свою пухлую папку. — Но потом я понял, что это неподъемный труд — изучать все дела, пытаясь отыскать связь с Шарлоттой или Лорой. Честно говоря, я был несколько раздосадован, что мне поручили это задание, потому что оно показалось мне бессмысленной возней.

— Но ведь ты все-таки что-то обнаружил, — возразила Джейн.

— Да. Я додумался, что нужно сверить телефоны из той базы данных со списком звонков Ингерсолла. Со всеми звонками, которые он делал с городского и мобильного телефонов. Судя по списку, он начал разыскивать некоторых родственников в начале апреля. А потом вовсе прекратил звонить. И с мобильного, и с городского.

— Потому что решил, будто за ним следят, — догадалась Джейн. Это подозрение оправдалось — криминалисты отыскали электронного жучка в его городском телефоне.

— Если основываться на тех звонках, которые он все-таки сделал, вот интересовавшие его девушки. — Тань выложил перед Джейн страницу со списком.

В нем было только три имени.

— Что нам о них известно?

— Подростки разного возраста — тринадцати, пятнадцати и шестнадцати лет. Все они пропали в радиусе двухсот пятидесяти километров от Бостона. Две были белые, одна — азиатка.

— Как Лора Фан, — понял Фрост.

— Есть еще одно сходство с Лорой, — продолжил Тань. — Они были, что называется, хорошими девочками. Получали высокие оценки. Не совершали никаких правонарушений, так что считать их беглянками нет оснований. Возможно, именно поэтому Ингерсолл сгруппировал их в собственный список. Он считал это общим знаменателем.

— Сколько лет этим делам? — поинтересовался Фрост.

— Все девочки пропали более двадцати лет назад.

— Так значит, он занимался старыми делами? Почему же не взяться за более новые?

— Не знаю. Возможно, он только начал работать над этим. Если бы его не убили, вероятно, он обнаружил бы и другие имена. Больше всего меня интересует, зачем он вообще ввязался в эту историю. Когда Ингерсолл служил в Бостонском ПУ, он не работал по делам об исчезновениях, так зачем было браться за них сейчас? Неужели в отставке настолько тоскливо?

— Возможно, кто-то нанял его в качестве частного детектива. Скажем, одна из семей.

— Это первое, что пришло мне в голову, — признался Тань. — Мне удалось связаться со всеми тремя семьями, но никто из них не нанимал Ингерсолла. И Патрик Дион, как мы знаем, тоже.

— Значит, вероятно, он делал это для себя, — предположил Фрост. — Некоторые копы просто не могут спокойно жить в отставке.

— Дела девочек из списка Ингерсолла не могли попасть в Бостонское ПУ, — заметила Джейн. — Этими территориями ведают другие управления.

— Однако Шарлотта Дион пропала в Бостоне. Как и Лора Фан. Вероятно, для Ингерсолла они стали отправной точкой, причиной, по которой он впутался в это дело.

Джейн поглядела на имена трех новых девочек.

— А теперь он погиб, — тихо проговорила Риццоли. — Во что же он, черт возьми, ввязался?

— Ступил на территорию Кевина Донохью, — подсказал Тань.

Джейн и Фрост с интересом посмотрели на него. Тань не успел еще и двух недель проработать в их команде, а в нем уже появился намек на самоуверенность. В костюме и при галстуке, со своими аккуратно постриженными волосами и ледяным взглядом он вполне мог сойти за сотрудника разведывательной службы или героя комиксов «Люди в черном». С таким нелегко познакомиться, и уж конечно Джейн не представляла, как с этим парнем запросто выпить пивка.

— На улице поговаривают, — не унимался Тань, — что Донохью годами эксплуатирует девочек. Проституция — одно из его побочных дел.

Джейн кивнула.

— Ну да, еще одно значение названия «Оптовая мясная торговля Донохью».

— А вдруг он именно так получает своих девчонок?

— Похищая учениц-отличниц? — Джейн покачала головой. — Этот метод получения несовершеннолетних проституток мне кажется слишком уж рискованным. Есть более простые способы.

— Но ведь в этом случае можно все связать воедино. Джоуи Гилмора, пропавших девочек и «Красный феникс». Ингерсолл мог обнаружить связь с Донохью, вот тогда он и занервничал. Даже перестал пользоваться своим телефоном. Ведь если бы об этом пронюхал Донохью, Ингерсоллу точно не жить.

— Ингерсолла и так уже нет в живых, — констатировала Джейн. — Мы не знаем только, *почему* он начал задавать вопросы. С чего вдруг после стольких лет на пенсии он заинтересовался исчезнувшими девочками?

— А может быть, — отозвался Тань, — нам стоит задать себе другой вопрос: на кого он работал?

Теперь их стало шесть.

Джейн сидела за своим рабочим столом и просматривала то, что было известно о трех новых девочках из списка. Первой исчезнувшей была тринадцатилетняя Дебора Шиффер из Лоуэлла, штат Массачусетс. Дочь врача и школьной учительницы, рост метр пятьдесят восемь, вес — сорок пять килограммов, темноволосая и кареглазая. Двадцать пять лет назад она пропала где-то на полпути из школы к дому преподавательницы музыки. Дебора Шиффер была круглой отличницей, судя по описаниям, застенчивой и педантичной, и парней у нее, насколько это было известно, не водилось. Если бы она пропала в век Интернета, о девочке было бы известно куда больше, однако в те времена «Фейсбук» и «МайСпейс» еще не были изобретены.

Спустя полтора года исчезла следующая по списку девочка. Пятнадцатилетнюю Патрицию Боулс последний раз видели возле торгового центра, где ее высадила мама. Через три часа девочка не пришла в назначенное место. Она была светловолосой и голубоглазой, рост метр шестьдесят, вес — сорок семь килограммов. Как и Дебора Шиффер, она была отличницей и никогда не создавала проблем. Без сомнения, исчезновение Патриции внесло свою лепту в последовавшее крушение брака ее родителей. Спустя семь лет умерла ее мать, а отец,

которого Джейн в конце концов удалось застать в нынешнем жилище во Флориде, не слишком охотно говорил о давно пропавшей дочери. «Я снова женился, и сейчас у меня трое детей. Мне ужасно больно даже просто слышать имя Патти», — сообщил он Джейн по телефону. Да, ему несколько раз звонили из полиции по этому делу. Да, недавно он говорил с детективом Ингерсоллом. Но из этих звонков ничего путного не вышло.

После исчезновения Патти Боулс прошло больше года, прежде чем пропала еще одна девочка. Шестнадцатилетняя Шерри Танака была маленького роста, училась в девятом классе средней школы в Этлборо. В один прекрасный день она исчезла из своего дома, оставив входную дверь приоткрытой, а домашнее задание — разложенным на обеденном столе в столовой. Ее мать, ныне проживающая в Коннектикуте, недавно получила письмо от детектива Ингерсолла, в котором он просил рассказать ему о Шерри. Послание было датировано четвертым апреля, и его несколько раз переправляли с одного старого адреса женщины на другой. Она пыталась позвонить детективу не далее как вчера, но никто не снял трубку.

Потому что Ингерсолл погиб.

Госпожа Танака не знала других девочек из списка и никогда не слышала о Шарлотте Дион. Однако имя Лоры Фан оказалось ей знакомо, потому что девочка была азиаткой, как Шерри, и эта деталь засела в голове у госпожи Танака. Заставила ее задуматься: а нет ли здесь какой-нибудь связи? Много лет назад она звонила в полицию Этлборо и говорила об этом, но никакого ответа не последовало.

То, что за шесть лет в Массачусетсе пропали три девочки, — факт сам по себе неудивительный. Ежегодно по всей стране пропадали тысячи подростков в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, и многих из них, без сомнения, похищали вовсе не члены семьи. За этот же период в штате исчезли десятки девочек из той же возрастной группы, но их в списке Ингерсолла не было. Почему он сосредоточился именно на этих жертвах? Неужели потому, что у них примерно одинаковое телосложение и похожий возраст? Или потому, что всех их похитили из мест, близких к магистрали 495, огибающей большой Бостон?

Но ведь оставалась еще и семнадцатилетняя Шарлотта Дион. В отличие от других девочек она была старше, училась без особого интереса и получала лишь удовлетворительные оценки. Как она вписывалась в эту картину?

Не исключено, что никакой картины и не было. Ингерсолл мог искать связь, которой не существовало.

Отложив записи о трех девочках, Джейн сосредоточилась на папке Шарлотты, которую составил детектив Букхольц. Она была гораздо толще дела Лоры Фан, и Джейн предположила, что это из-за фамилии Дион. С богатством считаются, даже в вопросах правосудия. Возможно, с ним считаются как раз именно в этих вопросах. Родитель пропавшего ребенка никогда не сможет успокоиться. Даже спустя десятилетия, увидев на улице молодую женщину, он будет задумываться: а вдруг это его давно утраченная дочь, но только повзрослевшая? Или же всего-навсего случайная прохожая, как и остальные, просто ее улыбка или форма губ внезапно показались до боли знакомыми?

Джейн открыла конверт, содержавший, вероятно, последние снимки Шарлотты, которые полиция получила из фотоархива «Бостон глоуб». Там было с десяток изображений, сделанных на похоронах Артура и Дины Мэллори. Если верить «Бостон глоуб», их кошмарная смерть и широкое освещение в прессе массового убийства в «Красном фениксе» привлекли на кладбище около двух сотен человек, и фотограф сделал несколько общих планов траурно одетого сборища возле двух открытых могил.

Однако больше всего привлекали внимание крупные планы с изображением членов семей. Шарлотта стояла точно посередине и представляла собой драматический центр композиции, что неудивительно — бледные черты и длинные светлые волосы делали ее хрупким воплощением горя. Она держала руку возле рта, словно пытаясь сдержать рыдания, и ее лицо искажала почти физическая боль. Справа от девочки стоял ее отец Патрик, с тревогой смотревший на дочь. Но она всем корпусом отвернулась от папы, словно не желая, чтобы он видел ее страдания.

У самого края фотографии стоял Марк Мэллори; его темные волосы были тогда длиннее и непокорнее. Уже в двадцать лет он казался мускулистым, широкоплечим мужчиной. Марк возвышался над худощавой женщиной среднего возраста, что сидела в инвалидном кресле рядом с ним, а его рука покоилась у нее на плече. Джейн предположила, что это мать Марка Барбара, бывшая жена Артура Мэллори. Барбара сидела, уставившись на гробы, не имея ни малейшего понятия, что фотоаппарат навсегда запечатлел выражение ее лица — на нем отражалось не горе, а чудовищный холод отчуждения. Словно лежавший в гробу человек был для нее ничем. А может, даже меньше, чем ничем. Артур ушел от нее к Дине, и, хотя Марк утверждал, что родители не держали друг на друга зла, выражение лица Барбары говорило совсем о другом. Отвергнутая жена, сидящая в инвалидном кресле у могил бывшего мужа и женщины, которая похитила его. Чувствовала ли Барбара в тот момент хоть какое-то удовлетворение? Приступ ликования из-за того, что она пережила их обоих?

Джейн обратилась к другой фотографии. Ее сделали с иного ракурса, однако лицо Шарлотты было смазано — она еще больше отвернулась от Патрика, начала наклоняться вперед, и ее фигура была схвачена в момент движения. На следующей фотографии девочка с прижатой ко рту рукой и искаженным лицом продолжала двигаться, а Патрик, нахмурившись, смотрел ей вслед. Новый снимок — здесь она была уже почти в углу фотографии: виднелась лишь ее спина; юбка девочки превратилась в черное расплывчатое пятно. Еще один щелчок затвора, — и Шарлотта вовсе пропала из виду, так же, как и Марк. Патрик Дион и Барбара Мэллори по-прежнему оставались на месте; на лицах обоих запечатлелось удивление, что их дети ускользнули с церемонии.

Что происходило между Марком и Шарлоттой? Может, он пошел за ней, чтобы предложить поддержку?

На следующем снимке было видно, что Патрик несколько неловко наклонился, стремясь обнять Барбару, — два покинутых супруга, утешающих друг друга. В этой фотографии чувствовалась искусная композиция — объятие отражалось на блестящей поверхности гроба.

Последний снимок демонстрировал расходящуюся толпу — люди повернулись спинами к двум одинаковым могилам. Вероятно, это была метафора — живые должны двигаться дальше. На финальной фотографии снова возникла Шарлотта. Она шла рядом с отцом, который крепко обхватил ее за талию. Но голова Шарлотты была повернута назад, к могиле Дины, а на лице отражалась отчаянная тоска, словно девочка готова была броситься на гроб мамы. Той самой мамы, что оставила ее пять лет назад.

Джейн стало очень грустно за Шарлотту, и она отложила фотографию. Подумала о своей собственной маме и обо всем том, что так раздражало ее в Анжеле. Но Джейн никогда не сомневалась, что мама любит ее и без колебаний отдаст за нее жизнь, как она сама, не раздумывая, отдаст свою жизнь за Реджину. Когда Дина развелась с Патриком, Шарлотте было всего двенадцать — девочка находилась в чутком возрасте, на пороге взрослой жизни. Пусть у нее был любящий отец, но все равно оставались тайны, узнать о которых девочка может только от мамы, женские секреты. «Кто же учил тебя, Шарлотта?» — задумалась Риццоли.

В обеденный перерыв Джейн спустилась в столовую, взяла кофе и сандвич с ветчиной и отнесла их наверх, чтобы перекусить за рабочим столом; она ела не ради удовольствия, а потому что это было необходимо. Стерев с пальцев майонез, Джейн повернулась к компьютеру, чтобы заново просмотреть фотографии с места убийства Ингерсолла. Проглядывая изображения его дома, она припомнила запах кустов, которыми была обсажена дорожка, мерцание телевизора,

пробивавшееся в окно, и почувствовала, как заколотилось ее сердце. «Той ночью я должна была погибнуть», — подумалось ей. Сделав глубокий вдох, Джейн заставила себя сосредоточиться на фотографиях и критически взглянуть на место происшествия более спокойным взглядом. Она изучила кухню — там лежал Ингерсолл, и вокруг его головы расплылась лужа крови. Открыла фотографию его домашнего кабинета: стол с открытыми ящиками и голой столешницей, на которой должен был стоять компьютер. Во время их последнего разговора Ингерсолл сказал Джейн, что в его дом кто-то влезал. Видимо, этот беспорядок он застал, когда вернулся с рыбалки, — свидетельство взлома. Наконец Джейн открыла фотографию спальни, на полу которой стоял нераскрытый чемодан Ингерсолла. Он так и не успел распаковать вещи.

Риццоли перешла к фотографиям его «Форда Тауруса», который был припаркован на улице возле дома. В машине все еще валялся мусор, оставшийся после долгого путешествия: пустые кофейные стаканчики, смятый пакет из «Бургер Кинга», газета «Бангор дейли». В ту ночь Джейн была вся в крови и к тому же сильно потрясена тем, что произошло в проулке, поэтому она не обыскала машину лично, а предоставила это Фросту и Таню. Барри сообщил, что обнаружил в бардачке квитанцию недельной давности, выданную на автозаправке в Гринвилле, штат Мэн. Данные квитанции подтверждали заявление дочери Ингерсолла о том, что отец ездил порыбачить на север.

Джейн еще раз просмотрела все фотографии, открывая изображение за изображением. Гостиная, столовая, кухня, спальня. Не обнаружив то, что она искала, Риццоли сняла телефонную трубку и позвонила Фросту.

— Ты нашел где-нибудь в доме коробку для рыболовной снасти? — спросила она у напарника.

— Э-э-э... Нет, я не помню ничего подобного.

— Кто же ездит рыбачить без нее?

— Может, он все взял напрокат там, где останавливался?

— Ты разговаривал с тамошним управляющим?

— Да. Но не спросил его о снастях.

— Я позвоню ему.

— Зачем?

— Просто это кажется мне странным, вот и все.

Джейн повесила трубку и взяла в руки список телефонных звонков Ингерсолла. Просмотрела его сверху вниз, пока не обнаружила код 209. Ингерсолл звонил в рыбацкий лагерь со своего городского номера 14 апреля.

Риццоли набрала номер. Послышалось пять гудков, затем мужской голос без тени иронии произнес:

— Лагерь «Поганкин мыс».

— Это детектив Риццоли из Бостонского ПУ. Можно спросить, с кем я разговариваю?

— С Джо. У вас есть еще вопросы, ребята?

— Прошу прощения?

— Вчера кто-то уже звонил из Бостонского ПУ. И говорил с моим сыном Уиллом.

— Наверное, это был детектив Фрост. А где именно находится ваш «Поганкин мыс»?

— Мы на озере Лосиная голова. У нас тут десяток небольших симпатичных домиков.

— Недавно у вас останавливался гость по фамилии Ингерсолл.

— Ну да, Уилл сказал, что ваши ребята расспрашивали о нем. В домик его селила моя жена, только ее сегодня здесь нет. Могу лишь сказать, что он пробыл у нас пять дней и в общем держался очень замкнуто. — Джо умолк, а затем прокричал своему сыну: — Уилл, ты поможешь тем ребятам выгрузить снасти из лодки?! Они уже на пристани! — Затем он снова обратился к Джейн: — Извините, мэм. У нас тут много работы. Я очень хотел бы помочь вам и все такое, но мне особенно нечего сказать. Мы очень сожалели, когда узнали, что этот человек погиб.

— Господин Ингерсолл впервые останавливался в «Поганкином мысу»?

— Не помню, чтобы я видел его раньше.

— Как долго вы там работаете?

— С самого открытия. Лагерь принадлежит мне. Послушайте, я должен выйти и помочь гостям.

— Один последний вопрос. Господин Ингерсолл брал напрокат рыболовные снасти, когда был у вас?

— Да, брал. Уилл помог ему выбрать удочку и спиннинг. Правда, не думаю, что у него был большой улов.

Джейн поглядела на свой звонящий мобильный.

— Благодарю вас, господин…

— Паттен. Если будут еще вопросы, звоните.

Джейн положила трубку настольного телефона и взяла в руки мобильный. Звонок был из криминалистической лаборатории.

— Риццоли.

— За годы работы я навидалась всяких удивительных вещей, — сказала криминалист Эрин Волчко, — но это просто невероятно.

— О чем речь?

— О металлическом фрагменте, который пришел к нам из судмедэкспертизы. Он застрял в шейном отделе позвоночника неизвестной.

— Да. Фрагмент клинка.

— Этот металл не похож ни на один из всех тех, что попадались мне ранее.

27

Когда Джейн вошла в криминалистическую лабораторию, ее уже ждали Фрост и Тань. А также еще один джентльмен, которого она раньше не видела, — афроамериканец с вкрадчивым голосом. Эрин представила его как доктора Калвина Наполеона Черри из Гарвардского музея Артура Саклера.

— Когда я поняла, что за металл это может быть, я попросила доктора Черри взглянуть на фрагмент, — пояснила Эрин. — Если у кого-то и может быть ответ, то наверняка у него.

Доктор Черри смущенно рассмеялся.

— По вашим словам, я получаюсь очень уж важной персоной.

— Но ведь ваше имя фигурирует среди авторов доброй половины научных статей по этому вопросу. Вряд ли найдется специалист, способный проконсультировать лучше, чем вы.

— А чем вы занимаетесь в музее Саклера, доктор Черри? — поинтересовалась Джейн.

Он скромно пожал плечами.

— Я куратор их оружейной коллекции. Моя докторская диссертация посвящена металлургическому анализу клинков. А если конкретнее, китайских и японских клинков. Они тесно связаны, даже несмотря на то, что различия в методах их изготовления появились много веков назад.

— Значит, вы считаете, что этот клинок был изготовлен в Азии?

— Я почти уверен.

— Вы можете сказать это по одному лишь фрагменту?

— Вот, — произнесла Эрин, усаживаясь за свой компьютер. — Давайте посмотрим изображения, которые я послала доктору Черри в начале этой недели. Это микроснимки фрагмента. — Она ударила по клавиатуре, и на мониторе появились серые волны и завитки.

— То, на что вы сейчас смотрите, — пояснил доктор Черри, — называется сталью с ламеллярной структурой, или дамасской сталью. Волнообразный рисунок получается, когда отдельные слои металла раз за разом сгибают и сваривают посредством дальнейшей ковки, перемежая мягкую и закаленную сталь. Чем больше проковывается слоев, тем выше мастерство и прочнее меч. В Китае лучшую сталь называли *байлянь цзинган,* или «стократно выкованной сталью». На ней получаются рисунки, которые вы можете видеть здесь; мы называем их жилами клинка.

— Если это китайское оружие, — спросил Фрост, — почему оно сделано из дамасской стали?

— Чтобы объяснить это, мне придется рассказать немного об истории китайского оружия. Но лишь в том случае, если вы хотите послушать. — Доктор умолк и поглядел на детективов, пытаясь оценить их интерес.

— Продолжайте, — велела Джейн.

Глаза у доктора Черри загорелись, будто для него не было темы приятней.

— Вернемся к истокам искусства изготовления мечей. Несколько тысячелетий назад китайцы начали делать лезвия из камня. Затем они перешли на бронзу, мягкий и тяжелый металл, из которого не всегда можно было изготавливать оружие. Следующим шагом вперед было железо, но нам вряд ли удастся обнаружить много образцов таких мечей, потому что железо подвергается коррозии и от него почти ничего не остается. Как ни странно, гораздо проще встретить меч из бронзы, чем железный, даже несмотря на то, что первый на несколько веков старше второго.

— Однако сейчас речь идет о стали, — напомнил Тань, — а не о железе.

— А знаете ли вы, в чем разница между сталью и железом?

Тань задумался.

— Если я правильно помню, это связано с добавлением углерода.

— Прекрасно! — доктор Черри расплылся в улыбке. — Это известно не всем, даже мои первокурсники из Гарварда не всегда способны ответить на такой вопрос. Итак, мы добрались до середины периода династии Хань — а это времена примерно двухтысячелетней давности, — когда изготовители мечей научились ковать и сгибать сталь, расковывать ее в полосы и листы. Вероятно, эта техника была изобретена в Индии, а затем распространилась в Китае и на Среднем Востоке. Отсюда и название — дамасская сталь.

— Однако она вовсе не из Дамаска, — заметил Фрост.

— Нет, первоначально она появилась в Индии. Однако хорошие идеи имеют свойство распространяться, и, когда эта техника достигла Китая, изготовление мечей поистине превратилось в искусство. Шли столетия, техническое качество оружия менялось — в зависимости от характера боевых действий. Во времена правления династии Сун в Китай вторглись монголы и познакомили местных жителей с саблями. Китайцы переделали их в свои собственные изогнутые клинки. Они известны под названием *дао,* ими орудовала конница. Речь идет о бритвенно-острых лезвиях, так что вы можете вообразить, какая резня происходила на поле боя. Массовое расчленение и обезглавливание.

Джейн слишком наглядно представила себе эту картину. Она вспомнила проулок. Свист клинка, брызги горячей крови на ее лице. Мягкий голос доктора Черри сильно приуменьшал ужас, который он описывал.

— И кто же тогда шел в солдаты? — возмутился Фрост. — Я бы не решился.

— Возможно, у вас не было бы выбора, — возразил доктор Черри. — Почти на всем протяжении древней истории вооруженные конфликты были в Китае частью повседневной жизни. Один военачальник выступал против другого. В страну вторгались монголы и пираты.

— Пираты? В Китае?

Доктор Черри кивнул.

— Во времена правления династии Мин на побережье Китая бесчинствовали японские пираты. Тогда против них выступил герой по имени генерал Ци и одержал победу.

— Я слышал о нем, — подтвердил Тань. — Бабушка говорила, что генерал Ци отрубил головы пяти тысячам пиратов. О его приключениях детям часто рассказывают на ночь.

— Бог мой, — пробормотала Джейн. — Подумать только! А я все со своей «Белоснежкой и семью гномами».

— Элитные войска генерала Ци были известны своей изобретательной тактикой, — продолжал доктор Черри. — И они предпочитали *дао*. Китайскую саблю. — Он указал на увеличенное изображение, высветившееся на мониторе Эрин, и добавил с благоговением в голосе: — Поразительно, но это, вероятно, как раз ее фрагмент.

— Китайской сабли? — спросила Джейн.

— Да.

— Как вы определили это по такому маленькому кусочку? Разве он не может быть от японского самурайского меча?

— Полагаю, это возможно, поскольку японцы переняли технику изготовления мечей у китайцев.

— К тому же самурайский меч найти нетрудно, — добавил Тань. — Их можно увидеть в магазинах, специализирующихся на продаже ножей.

— Ах, да, но в этих магазинах такую саблю не купишь.

— Что же в ней особенного? — удивилась Джейн.

— Возраст. Если верить радиоуглеродному анализу.

Джейн нахмурилась.

— Я думала, что радиоуглеродный анализ применим только к органическим материалам. Это же сталь.

— Давайте вспомним древний метод изготовления мечей, — проговорил доктор Черри. — Традиционно железо плавили в горнах. Затем его соединяли с углеродом, чтобы получить сталь. Но откуда взять углерод? В старину использовали древесный пепел.

— А дерево — органический материал, — понял Тань.

— Вот именно. Мы извлекли углеродный компонент посредством сжигания образца в герметичной трубке, — объяснила Эрин. — А затем подвергли углерод анализу.

— То есть фрагмент пришлось уничтожить?

— К сожалению, да. Чтобы провести датирование, пришлось принести в жертву сам образец. Но точный возраст можно было установить лишь таким способом.

— И вот тут нас ожидает большой сюрприз. — В голосе доктора Черри чувствовалось волнение.

— Я так понимаю, это оружие не было куплено в местном магазине, — догадалась Джейн.

— Если, конечно, этот магазин не торгует предметами древней старины.

— О каком возрасте идет речь?

Доктор Черри указал на микроснимок.

— Сталь, которую вы здесь видите, была изготовлена в эпоху правления династии Мин. Радиоуглеродный анализ сужает этот период до временного отрезка между тысяча пятьсот сороковым и тысяча пятьсот девяностым годами. — Он устремил горящий взгляд на Джейн. — А это как раз эра генерала Ци и его легендарного войска. Саблей, изготовленной таким искусным мастером, наверняка орудовал один из его элитных солдат. Возможно даже, что она срубила несколько пиратских голов.

Джейн пристально вгляделась в изображение на мониторе компьютера.

— Этому оружию около пятисот лет? И его до сих пор можно использовать?

— Такая сабля сохраняется в течение очень долгого времени, однако ей необходим специальный уход, особенно если ее и в самом деле использовали на поле боя. Кровь разъедает сталь, пусть даже ее очень старательно вытирали. Воздействие воздуха приводит к общему оржавлению и точечной коррозии. На протяжении веков клинок надо было много раз чистить и полировать, а эти процессы изнашивают металл, делая хрупким режущую кромку. Возможно, именно поэтому обломок клинка застрял в шее убитой. Просто он исчерпал срок службы в качестве орудия убийства. — Ученый печально вздохнул. — Сколько бы я дал, чтобы как следует рассмотреть его! *Дао* времен генерала Ци бесценна, если ее вообще возможно отыскать. — Он умолк и, нахмурившись, поглядел на внезапно побледневшего Фроста. — Что-то случилось, детектив?

— Я знаю, где найти эту саблю, — тихо проговорил Фрост.

28

И снова детективы Риццоли и Фрост вторглись в мою студию, однако на этот раз они привели с собой хорошо одетого черного джентльмена, чья учтивая робость свидетельствовала, что в отличие от спутников он вовсе не полицейский. Это внезапное вторжение прерывает мое занятие, и с десяток учеников замирают на месте, прекратив тренировочный бой. Лишь Белла приходит в движение — проскользнув между учениками, она останавливается рядом со мной. Эта девушка с колючими волосами и ростом метр шестьдесят пять ведет себя как моя яростная защитница. Я не удивлена гостям и бросаю Белле многозначительный взгляд: «Ступай. Позволь мне самой с этим справиться».

Она еле заметно кивает мне, но упрямо не уходит.

Главную роль в беседе берет на себя детектив Риццоли. А как же иначе! Она носит свои полномочия, точно доспехи.

— Насколько нам известно, вы владеете старинной саблей, госпожа Фан, — говорит она. — Просим вас немедленно сдать ее нам.

Я смотрю на детектива Фроста холодным, обвиняющим взглядом, и его глаза мрачнеют от стыда. В тот вечер, когда мы вместе ужинали, в тот вечер, когда между нами зародилась дружба, я позволила ему подержать Чжен И в руках и поведала историю сабли. В тот вечер его лицо казалось мне добрым. Сейчас оно превратилось в маску, скрывающую намеки на наше прежнее знакомство. Теперь ясно, что он прежде всего полицейский, и это не может не отравить нашу дружбу.

— Если вы не желаете сдавать оружие, — произносит Риццоли, — у нас есть ордер на обыск.

— Если я отдам вам саблю, что вы с ней сделаете? — спрашиваю я.

— Изучим ее.

— Зачем?

— Чтобы определить, не с помощью ли этой сабли было совершено преступление.

— Вы вернете ее целой и невредимой?

— Госпожа Фан, мы пришли сюда не для обсуждений. Где сабля?

Белла выступает вперед; ярость гудит в ней, словно ток в высоковольтных проводах.

— Вы не можете просто взять и конфисковать ее!

— По закону — могу.

— В моей семье Чжен И передавалась из поколения в поколение, — объясняю я. — Она всегда была моей собственностью.

Детектив Риццоли нахмурилась.

— Что это еще за Чжен И?

— Имя, которое дали сабле, когда она была выкована. Обозначает «справедливость».

— У сабли есть имя?

— А что вас удивляет? Разве в западной культуре нет легенды о мече под названием Экскалибур?

— Мадам Фан, — говорит черный мужчина тихим уважительным тоном, — поверьте, я ни в коем случае не хочу портить саблю. Я понимаю ее ценность и обещаю обращаться с ней осторожно.

— А почему я должна верить вам? — спрашиваю я.

— Потому что хранить и оберегать такое оружие — моя работа. Я доктор Калвин Черри из музея Артура Саклера. Я изучил множество древних мечей. И знаю их историю. Знаю битвы, в которых они

использовались. — Он склоняет голову, и этот жест уважения поражает меня. — Я сочту за честь, если вы позволите мне посмотреть на Чжен И, — тихо добавляет он.

Я смотрю в его кроткие карие глаза и вижу искренность, которой не ожидала. Этот человек идеально произносит имя сабли, а потому я знаю, что он говорит на мандаринском диалекте. И, что еще важнее, он понимает — хорошее оружие следует почитать за мастерство его создателя и века, которые ему удалось пережить.

— Идемте со мной, — приглашаю я. — Белла, продолжи, пожалуйста, занятие.

Я веду гостей в дальнюю комнату и закрываю дверь. Достаю из кармана ключ и отпираю шкаф, где на одной из полок лежит длинный предмет, завернутый в шелк. Обеими руками я передаю его доктору Черри.

Он с поклоном принимает его и осторожно опускает на мой рабочий стол. Детективы Риццоли и Фрост наблюдают, как доктор Черри разворачивает красный шелк, извлекая ножны с вложенным в них оружием. Некоторое время он рассматривает сами ножны — из лакированного дерева, с бронзовой отделкой. Рукоять тоже из лакированного дерева, но она обтянута кожей ската-хвостокола, покрашенной зеленой краской. Когда доктор Черри обнажает меч, клинок мелодично звякает, и у меня по коже пробегает нервная дрожь.

— *Люедао,* — тихо произносит он.

Я киваю:

— Сабля в форме ивового листа.

— Вы говорите, это семейная реликвия?

— Она принадлежала моей матери, а до этого — ее матери.

— И сколько же поколений она была у вас?

— Начиная с генерала Ваши.

Доктор поднимает на меня взор — он явно изумлен.

— В самом деле?

— Такова наша родословная.

— А кем он был, этот генерал? — интересуется детектив Риццоли.

— Такая историческая деталь вам понравится, детектив, — отвечает доктор Черри. — Генерал Ваши — женщина, самая знаменитая среди мастеров парных *дао*. Воительница, которая дралась двумя саблями, по одной в каждой руке. Во времена правления династии Мин она командовала тысячами солдат, вела их в атаки на японских пиратов, о которых я вам рассказывал. — Доктор с благоговением смотрит на меня. — А вы ее потомок.

Я киваю, улыбаясь ученому.

— Мне приятно, что вы о ней знаете.

— Но это ведь поразительно! Подумать...

— Доктор Черри, — вмешивается детектив Риццоли. — А как насчет сабли?

— Ах да. Ну конечно. — Он достает очки и надевает их на нос. Видно, как за линзами сосредоточенно щурятся его карие глаза. — У этой сабли типичный для *дао* изгиб ивового листа. Это очень древняя форма, — объясняет он детективам. — Сабля несколько короче, чем обычно, но, я полагаю, это вполне объяснимо, раз оружие создавалось специально для женской руки. Кровостоки тоже типичны, они сделаны, чтобы немного облегчить клинок. Поглядите на эту гравировку на стали! Поразительно, что она до сих пор такая глубокая! А этот эфес — можно было бы счесть его оригинальным, если бы мы не знали, что ему должно быть по меньшей мере пятьсот... — Он осекается.

Я вижу, что доктор хмурится — между бровями над его очками собираются морщины. Несколько мгновений он не произносит ни слова. Затем доктор Черри подносит *дао* поближе к глазам, скрупулезно изучая режущую кромку клинка. Испытывает его гибкость. Наконец достает из кармана увеличительное стекло и разглядывает через него гравировку.

В конце концов он выпрямляется, смотрит на меня, и я замечаю в его глазах странную грусть. На лице ученого читается сожаление. Он молча вкладывает *дао* в ножны и передает мне.

— Госпожа Фан, — говорит он. — Благодарю, что позволили мне взглянуть на Чжен И.

— Значит, вы уже закончили? — осведомляюсь я.

— Пожалуй, у нас нет необходимости забирать саблю.

— Доктор Черри, — возмущается детектив Риццоли, — криминалистам нужно исследовать ее.

— Поверьте, вы ищете совсем другое оружие.

Детектив Риццоли оборачивается к детективу Фросту.

— Это та самая сабля, которую ты видел?

Судя по лицу, Фрост смущен. Его взгляд мечется вверх-вниз, между моим лицом и саблей в моих руках. Щеки Фроста алеют — видимо, он понимает, что мог допустить ошибку.

— Так та или нет? — требует ответа его напарница.

Фрост качает головой.

— Я не уверен. Ну, то есть я видел ту саблю всего лишь одно мгновение.

— Детектив Фрост, — холодно произношу я, — когда вы в следующий раз придете сюда, надеюсь, вам достанет учтивости сообщить, чего именно вы от меня хотите.

Моя колкость достигает цели, и он вздрагивает, словно от укуса.

Детектив Риццоли вздыхает.

— Госпожа Фан, несмотря на то что сказал доктор Черри, нам все равно придется забрать саблю для дальнейшего изучения. — Она протягивает руки, ожидая, что я передам ей добычу.

Выдержав паузу, я кладу оружие ей в руки.

— Я рассчитываю, что она вернется ко мне в целости и сохранности.

Гости собираются уходить, и я замечаю, что детектив Фрост в раскаянии оглядывается, однако я отгораживаюсь надменностью, словно щитом, отклоняя все его извинения. Опустив плечи, он выходит за дверь.

— Сыфу? — тихо окликает меня Белла, входя в кабинет.

В соседнем зале ученики, кряхтя и потея, продолжают сражаться, действуя кулаками и ногами. Белла закрывает дверь, чтобы никто из них не заметил удовлетворенных взглядов, которыми мы обмениваемся.

Ход, встречный ход. Игра в шахматы продолжается, и полиция по-прежнему на шаг отстает от нас.

Джейн выждала, пока они прошли полквартала, до того места, где были припаркованы их машины, и только тогда обратилась к доктору Черри.

— Почему вы так уверены, что это не то оружие?

— Отвезите его в криминалистическую лабораторию. Пусть его исследуют, если вы мне не верите, — отозвался ученый.

— Мы ищем древнюю китайскую саблю, и *вдруг* оказывается, что у нее есть такая.

— Вы забрали у нее не ту саблю, которую вы ищете. Да, на режущей кромке есть зазубрины и щербинки, свидетельствующие о длительном использовании, однако гравировка и кровостоки слишком явственны. Эфес тоже, судя по всему, был на этом оружии изначально. А деревянная рукоять, изготовленная в эпоху династии Мин, не смогла бы пережить века и остаться в таком хорошем состоянии.

— Значит, это не старинная сабля?

— Конечно, она прекрасно сделана, ее вес и балансировка соответствуют сабле времен династии Мин. Однако эта сабля — всего-навсего очень хорошая копия. Ей самое большее пятьдесят — семьдесят пять лет.

— Почему вы не сказали этого, когда мы были там?

— Потому что ясно: она верит в подлинность сабли. *Она* верит, что получила оружие по наследству от предков. У меня не хватило духу разуверить ее, особенно если учесть, что это так много для нее значит. — Доктор бросил взгляд в сторону ворот пайфан. День клонился к завершению, и в Чайна-таун стекались желающие поужинать; они бродили по узким улочкам и рассматривали меню в витринах. Доктор Черри с печалью оглядел толпу. — В музее, где я работаю, — продолжил он, — меня часто просят оценить семейные реликвии. Люди приносят разнообразный хлам со своих чердаков. Вазы, картины и музыкальные инструменты. С ними связаны разнообразные легенды. Почти всегда мой вердикт разочаровывает владельцев, потому что обычно люди приносят вовсе не сокровища, а ничего не стоящие копии. Это заставляет владельцев сомневаться в том, что им рассказывали в детстве, разрушает их личную мифологию. Мне неприятно, что я становлюсь невольной причиной всему этому. Людям хочется верить, что в их семье произошло нечто необычное, и в качестве доказательства они демонстрируют старинное бабушкино кольцо или дедушкину скрипку. Зачем же им слушать жестокую правду о том, что большинство из нас — совершенно обычные люди, а семейные реликвии, которые мы бережно храним, — почти всегда подделки?

— Госпожа Фан верит, что она потомок женщины-воительницы, — проговорил Фрост. — Вы считаете, что это всего лишь одна из семейных фантазий?

— Думаю, ей рассказали родители. А в качестве доказательства подарили саблю.

— Так значит, это неправда. Насчет генерала Ваши.

— Все возможно, детектив Фрост. Вы тоже могли бы оказаться потомком короля Артура или Вильгельма Завоевателя. Если это важно для вас и помогает справиться с повседневностью, тогда в такие вещи стоит поверить. Потому что семейная мифология значит для нас куда больше, чем истина. Она помогает нам справиться с полнейшей ничтожностью нашей собственной жизни.

— Мифология моей семьи целиком и полностью состоит из того, сколько пива дядя Лу мог выдуть за один присест, — фыркнула Джейн.

— Сомневаюсь, что вам рассказывали только об этом, — возразил доктор Черри.

— А еще я слышала, что моя прабабка однажды отравила едой всех гостей, пришедших на свадьбу.

— Я говорю о героях, — улыбнулся доктор Черри. — В вашей семье обязательно должен быть герой. Подумайте об этом, детектив. Подумайте, какое влияние он оказал на ваше нынешнее представление о себе самой.

Джейн размышляла об этом по дороге домой, но в голову первым делом приходили разнообразные плуты и проказники. Двоюродный брат Риццоли, пытавшийся доказать, что Санта-Клаус действительно способен заходить в дом своим традиционным способом. В итоге пришлось разбирать дымоход в жилище его матери. Или дядюшка, ожививший новогоднюю вечеринку самодельными фейерверками, а затем вышедший из больницы без трех пальцев.

Были также истории, полные тихого достоинства, — о двоюродной бабушке, которая была монашкой в Африке, и еще об одной двоюродной бабушке, которая с трудом прокормила восьмерых детей в военной Италии. Их тоже можно было бы назвать героинями, но только более скромными. Обычные женщины, которым пришлось многое вынести, совсем не похожие на легендарную прародительницу Айрис Фан, дравшуюся двумя саблями и водившую в атаку солдат. Это скорее походило на сказку, почти такую же, как истории о Сунь Укуне, Царе

Обезьян, защищавшем безвинных и сражавшемся с демонами и речными чудовищами. Айрис жила в сказочном мире, где одинокая вдова могла считать себя мастером сабли, в жилах которого течет кровь древних воинов. Но разве можно винить ее за то, что она предается подобным фантазиям? Айрис умирает от лейкемии. Ее мужа и дочь уже не вернуть. Сидя в одиночестве в своем унылом доме, обставленном унылой мебелью, она наверняка грезит о полях битв и славе. «А я разве не грезила бы?» — задумалась Джейн.

Риццоли притормозила на светофоре, и тут зазвонил ее мобильный. Она ответила, даже не взглянув на дисплей, и была вознаграждена злобной тирадой, прогремевшей ей прямо в ухо.

— Какого черта, Джейн! Почему ты мне не сказала? — почти прокричал ее брат Фрэнки. — Мы не должны допустить этого!

Риццоли вздохнула.

— Я так понимаю, ты имеешь в виду мамину помолвку?

— Я узнал об этом от Майка.

— Я собиралась позвонить тебе, но была занята.

— Ей нельзя выходить замуж за этого парня. Ты должна остановить ее.

— И как я, по-твоему, могу это сделать?

— Ради всего святого, она же еще замужем!

— Ага. За мужчиной, который ушел от нее к шлюшке.

— Не смей говорить так о папе.

— Но он же действительно ушел.

— Это ненадолго. Папа вернется домой, вот увидишь. Просто сначала ему нужно оттянуться по полной.

— Скажи это маме. Посмотрим, что она тебе ответит.

— Черт возьми, Джейн, неужели ты допустишь это? Мы же *семья* Риццоли. А *семьи* должны держаться вместе. И вообще — что мы знаем об этом Корсаке?

— Да ладно тебе. Мы же оба понимаем, что он нормальный.

— Что значит «нормальный»?

— Он приличный человек. И хороший коп. — Джейн умолкла, потрясенная тем, что защищает человека, которого не особенно хотела бы видеть в роли отчима. Однако то, что она сказала о Корсаке, было правдой. Он действительно приличный человек. Мужчина, на которого можно положиться. Какой-нибудь другой женщине могло бы повезти куда меньше, чем маме.

— И тебя не тревожит, что он трахает маму? — удивился Фрэнки.

— Тебя же не волнует, что папа трахает Шлюшку.

— Это другое дело. Он мужчина.

Его фраза взбесила Джейн.

— А маме что, нельзя трахаться? — возмутилась она.

— Она же наша *мама*.

Загорелся зеленый.

— Мама еще жива, Фрэнки, — напомнила Джейн, минуя перекресток. — Она симпатичная, приятная женщина и вполне достойна того, чтобы попытать счастья в любви. Вместо того чтобы изводить ее этим, пошел бы и поговорил с папой. В первую очередь он виноват в том, что мама стала встречаться с Корсаком.

— Да, я поговорю с ним. Наверное, пора ему взять ситуацию в свои руки. — Фрэнки отключился.

«В свои руки? — поразилась Джейн. — Да все это как раз и получилось потому, что папа не сумел вовремя взять себя в руки».

Она бросила телефон на пассажирское сиденье, тревожась о том, как папа воспримет новости. Ее злило, что у нее появилась еще одна причина для беспокойства, еще один шарик, за которым нужно следить, пока жонглируешь десятком других.

Снова зазвонил телефон.

Джейн резко затормозила у тротуара, чтобы ответить.

— У меня нет на это времени, Фрэнки! — рявкнула она.

— Что еще за гребаный Фрэнки? — донесся из трубки не менее раздраженный ответ. — Слушайте, Риццоли, я уже нажрался дерьма с «Красным фениксом» и хочу, чтобы вы это прекратили. — Сомнений не возникало: это был сиплый голос Кевина Донохью. И его восхитительный лексикон.

— Понятия не имею, о чем вы, господин Донохью, — отозвалась Джейн.

— Сегодня днем я получил еще одну. На этот раз ее сунули под дворник моей машины. Представляете, им хватило наглости дотронуться до моей *гребаной машины!*

— Вы получили еще одну — что?

— Еще одну копию некролога Джоуи. «Увлекался баскетболом и спортивной стрельбой, оставил после себя любящих мать и сестру» и так далее. А на обороте послание.

— И как оно звучит?

— «Он придет за тобой».

— Думаете, это стоит воспринимать всерьез?

— Какая-то жуткая обезьяна порубила двух человек, и вы считаете, что мне не стоит воспринимать это всерьез?

— О какой еще обезьяне вы толкуете? — как можно спокойнее спросила Джейн.

— А я что, не должен знать о ней?

— Эта информация не предавалась публичной огласке.

— Я никакая не *публика,* ясно вам? Я гражданин, выплачивающий налоги, и моей жизни угрожают.

У него есть доступ к нашему расследованию, решила Джейн. Он нашел лазейку в Бостонское ПУ. Это не должно было удивлять ее. Такой влиятельный человек, как Донохью, способен купить глаза и уши повсюду, включая мэрию и Шрёдер-плаза.

— Выполняйте свою работу, детектив, — велел Донохью. — Ведь ваш долг служить и защищать, не забыли?

«Жаль, что защищать приходится и такие отбросы, как ты», — мелькнуло у нее в голове. Она сделала вдох и постаралась говорить вежливо.

— Мне нужно взглянуть на новое послание. Где вы сейчас находитесь?

— На своем складе в Джеффрис-Пойнте. Я не собираюсь ждать долго, так что приезжайте быстрее.

30

Уже стемнело, когда Джейн через открытые ворота въехала на территорию «Оптовой мясной торговли Донохью» и припарковалась между «БМВ» и серебристым «Мерседесом». Похоже, бандиты и вправду любят эффектные импортные машины. Выходя из автомобиля, Риццоли услышала рев самолета, взлетающего в аэропорту Логан, расположенном совсем рядом. Она проследила, как лайнер, совершив вираж, направился на юг, и подумала о пляжах Флориды, о ромовом пунше и пальмах. Вот хорошо было бы устроить солнечный отпуск и отдохнуть от убийств!

— Детектив Риццоли.

Обернувшись, Джейн узнала одного из крепких телохранителей, которого видела несколько дней назад в доме Донохью. Его звали Шон.

— Он ждет вас внутри, — сообщил Шон и поглядел на ее кобуру с оружием. — Но сначала вам придется сдать вот это.

— В прошлый раз господин Донохью был не против того, что я с оружием.

— Да, но теперь он нервничает куда больше. Из-за этого сообщения, оставленного под дворником. — Телохранитель вытянул руку.

— Я никому не сдаю свое оружие. Поэтому передайте господину Донохью, что он может встретиться со мной в полицейском управлении. Там я с радостью побеседую с ним. — Она повернулась к своей машине.

— Ладно, ладно, — смягчился Шон. — Но только имейте в виду, я не спущу с вас глаз.

— Ага. Как хотите.

Джейн проследовала за телохранителем на склад и, когда тяжелая, снабженная теплоизоляцией дверь с глухим стуком захлопнулась за ней, внезапно пожалела, что не надела более теплую куртку. Она словно

перенеслась в ледяную пещеру. Внутри, в складском помещении, почти лишенном окон, было очень холодно — настолько, что Джейн видела облачка собственного дыхания. Шон провел ее за занавес из нарезанного пластика в морозильную зону. С крюков на потолке свисали огромные говяжьи полутуши — ряд за рядом, целый лес подвешенных трупов. Ледяная дымка пахла кровью и убоиной; Джейн даже испугалась, что этот запах надолго пристанет к ее волосам и одежде. Они миновали лес висящего мяса и оказались у кабинета в дальней части здания. Там ее провожатый постучал в дверь.

Она распахнулась, и Джейн узнала второго телохранителя, который зн*а*ком пригласил ее войти. Риццоли ступила еще в одно помещение без окон. Закрывшаяся дверь громко хлопнула у нее за спиной. Ее заточили в крепости, находящейся внутри мясного холодильника, и приставили двух вооруженных головорезов, однако она нервничала куда меньше, чем хозяин склада. Вот что такое быть королем ирландской мафии, которого постоянно одолевают паранойя и страх. Обладать властью — значит постоянно страшиться того момента, когда ты ее потеряешь.

Сидевший за своим рабочим столом Кевин Донохью казался еще более обрюзгшим, чем в прошлый раз; его пальцы-сосиски покоились на пакете со струнным замком, в котором хранилось новое сообщение.

— К сожалению, — сказал Донохью, — мои гениальные коллеги обляпали его своими отпечатками еще до того, как показали мне.

— На этих записках никогда не обнаруживали пальчиков, — ответила Риццоли, забирая у него пакет. — Отправитель всегда чрезвычайно осторожен.

Джейн взглянула на лицевую сторону ксерокопии. Тот самый некролог Джоуи Гилмора, что был напечатан в «Бостон глоуб» девятнадцать лет назад. Она перевернула страницу и прочитала сообщение, написанное печатными буквами на оборотной стороне: «Он придет за тобой».

Джейн посмотрела на Донохью.

— Как вы считаете, кто это — «он»?

— Вы что, слабоумная? Речь явно идет о той твари, что бегает по городу с мечом и вершит самосуд.

— Почему это существо должно прийти за вами? Вы в чем-то виноваты?

— Черт возьми, да мне не нужно быть ни в чем виноватым, чтобы понять: передо мной угроза. Я получал их достаточно.

— А я и не знала, что поставка мяса высшего качества — такое опасное дело.

Бандит уставился на нее своими бесцветными глазами.

— Вы слишком умная девочка, чтобы изображать дуру.

— Однако мне не хватает ума понять, что вам от меня надо, господин Донохью.

— Я же сказал вам по телефону. Я хочу, чтобы все это дерьмо прекратилось, пока не пролилась еще чья-нибудь кровь.

— Точнее говоря, ваша. — Джейн посмотрела на двух мужчин, стоявших по обе стороны от нее. — По мне, у вас и так достаточно хорошая защита.

— Но не против этой… этого твари. Кем бы она ни была.

— Твари?

Покраснев от раздражения, Донохью качнулся вперед.

— По городу ходят слухи, что она ломтями, словно мясо для обеда, нарубила двух профессионалов. А потом бесследно исчезла.

— Это были ваши профессионалы?

— Я же говорил вам в прошлый раз. Я их не нанимал.

— И вы даже не подозреваете, на кого они работали?

— Я бы сказал вам, если бы знал. Я забросил удочку, и мне сообщили, что несколько недель назад поступил заказ на того копа.

— Заказ на детектива Ингерсолла?

Донохью кивнул, качнув тремя подбородками.

— Как только об этом предложении узнали на улице, он превратился в ходячего мертвеца. Видимо, из-за него кто-то очень сильно нервничал.

— Ингерсолл был в отставке.

— Но задавал много вопросов.

— О девочках, господин Донохью. О пропавших девочках. — Джейн пристально посмотрела в глаза бандита. — Эта тема должна нервировать и *вас*.

— Меня? — Он откинулся назад; под его мощным весом стул громко скрипнул. — Понятия не имею, о чем вы толкуете.

— Проституция. Незаконный ввоз несовершеннолетних девочек.

— Докажите это.

Джейн пожала плечами.

— Вот оно как! Ну что ж, я тут подумала, пожалуй, я позволю обезьяньей твари сделать то, что она планирует.

— Она не того преследует! Я никак не связан с «Красным фениксом». Ну да, Джоуи был пронырой. Я не лил слез, когда его шлепнули, но я не отдавал никаких приказов.

Джейн поглядела на некролог Джоуи.

— А кто-то решил, что отдавали.

— Та сумасшедшая из Чайна-тауна. Это все она.

— Вы имеете в виду госпожу Фан?

— Думаю, это она наняла Ингерсолла, чтобы тот задавал вопросы и узнал, кто убил ее мужа. Он подобрался слишком близко к правде, и тут началась война. Если вы считаете, что ирландцы действуют грубо, вам стоит посмотреть, какие штуки вытворяют китайцы. У них есть люди, которые ни перед чем не остановятся. Они прям сквозь стены проходят!

— Это вы про людей или про сказки?

— Разве вы не смотрели фильм «Ниндзя-убийца»? Их с детства учат убивать.

— Ниндзя — японцы.

— Не стоит цепляться к мелочам! У них те же умения, та же тренировка. Вы ведь знаете, кто она, верно? Откуда родом эта Айрис Фан? Она выросла в каком-то тайном монастыре, в горах, где детей учат всяким таким вещам. Вероятно, она уже в десять лет могла сломать шею мужчине. А теперь все эти ученики работают на нее.

— Она вдова, и ей пятьдесят пять лет.

«И еще больная женщина с ужасной манией величия, — добавила про себя Джейн. — Женщина, которая считает себя потомком мифического генерала и доказывает это при помощи поддельной сабли».

— Вдовы это вдовы, а она — это *она*.

— Вы совершенно уверены в том, что Айрис Фан угрожает вам?

— Доказывать это — *ваша* работа. Я просто рассказываю вам о своих подозрениях. В тот вечер она потеряла мужа и теперь считает, что это я приказал совершить нападение. Меня обвиняют в причастности к делу «Красного феникса», но на этот раз, черт возьми, я тут *совсем ни при чем*.

Вдруг раздался сильный грохот, и здание покачнулось. Перед тем как помещение погрузилось в кромешную тьму, Джейн заметила, что лицо Донохью замерло в изумлении.

— Это еще что за херня? — заорал мафиозо.

— Думаю, вырубилось электричество, — отозвался один из телохранителей.

— Ясно, что оно вырубилось. Включите генератор!

— Если удастся найти фонарик…

Шум над головой заставил всех умолкнуть. Джейн подняла взор к потолку — на крыше что-то быстро забарабанило: *бум-бум-бум!* Вглядываясь в темноту, она чувствовала бешеное биение собственного сердца. Джейн потянулась к кобуре и ощутила пот на своих ладонях.

— Где включается генератор? — спросила она.

— Н-на складе, — ответил один из мужчин; его осипший от страха голос звучал где-то совсем близко. — Распределительная коробка на задней стене. Но в темноте я ее не найду. Особенно если эта тварь… — Он осекся, когда сверху снова донесся звук, едва слышный, словно дождевые капли, падающие на крышу.

Джейн порылась в своей сумочке, достала маленький фонарик и включила его. Луч света упал на испуганное, блестящее от пота лицо Донохью.

— Позвоните девять-один-один, — приказала она.

Донохью схватил трубку беспроводного телефона, лежавшую на столе, и тут же бросил ее.

— Не работает!

Джейн сняла с ремня свой мобильный. Сигнала не было.

— У вас тут все освинцовано, что ли? Или как?

— Здесь пуленепробиваемые и взрывостойкие стены, — объяснил Донохью. — Это меры безопасности.

— Великолепно. Совершенно мертвая зона.

— Вам придется выйти наружу, чтобы поймать сигнал.

«Но я не хочу выходить на улицу, — подумала Джейн. — И никто из нас не хочет».

В помещении стало жарче — стены удерживали тепло их тел и страх. Мы не можем остаться здесь навеки, решила Джейн, кто-то должен выйти на улицу и позвонить, но, похоже, никто, кроме меня, этого не сделает.

Риццоли выхватила оружие и двинулась к двери.

— Я пойду первая, — сказала она. — Держитесь поближе ко мне.

— Стойте! — вмешался Донохью. — Мои парни ни за что не пойдут с вами.

— Мне нужна поддержка.

— Они получают деньги за то, что защищают *меня*. Они останутся здесь.

Джейн обернулась, направив луч света прямо в глаза Донохью.

— Что ж, ладно. Тогда сами идите на улицу и берите с собой парней. А я посижу здесь и подожду, пока вы вернетесь. — Риццоли взяла стул, села на него и выключила фонарик.

Несколько секунд прошли во тьме и гнетущем молчании. Единственным звуком было испуганное свистящее дыхание Донохью.

— Хорошо, — наконец проговорил он. — Возьмите с собой Колина. А Шон останется здесь.

Джейн понятия не имела, можно ли доверять Колину; она лишь надеялась, что у него достаточно функционирующих серых клеточек, чтобы случайно не выстрелить ей в спину. У двери Риццоли остановилась и прислушалась к внешним звукам, но преграда оказалась слишком уж прочной. Пуленепробиваемая и взрывостойкая, как сказал Донохью.

Джейн отодвинула засов и чуть-чуть приоткрыла дверь. За пределами кабинета тьма уже не была настолько кромешной: сквозь складское окно, расположенное где-то высоко, проникали тусклые огни города, и Джейн могла различить темные ряды висящей убоины, похожие на построившееся в боевом порядке подразделение призрачных воинов. В этом полумраке, выдавая себя за говяжью полутушу, мог скрываться кто угодно.

Джейн включила фонарик и быстро оглядела помещение. Одним взглядом она охватила висящие туши, бетонный пол и облачко пара от собственного дыхания. Джейн услышала испуганное, неровное дыхание Колина, стоявшего у нее за спиной. Вооруженный перепуганный мужчина — вовсе не та поддержка, которая была ей нужна. Все это может кончиться для меня пулей в спину, подумала она. Если, конечно, таинственное существо еще раньше не отрубит мне голову.

— Где ближайший выход? — спросила Джейн.

— Прямо. В дальнем конце здания.

Нервно сглотнув, Риццоли двинулась вдоль ряда туш. Она водила фонариком из стороны в сторону, пытаясь уловить движение, ухватить взглядом лицо или проблеск стали. Но видела лишь продукты скотобойни — живых существ, превращенных в голые мышцы и кости. Фонарик скользил в ее трясущейся руке. Кем бы ты ни был, думала она, однажды ты уже пощадил меня. Однако это не означает, что ты снова сделаешь мне одолжение, особенно сейчас, когда я в такой компании.

Дальше по проходу громоздилось еще больше туш. Направив луч фонарика строго вперед, Джейн так и не увидела конец ряда. Она резко остановилась, стараясь расслышать хоть какой-нибудь звук, кроме бешеного стука собственного сердца.

— Что такое? — прошептал Колин.

— Слушай.

Это был едва различимый скрип, такой обычно издает дерево, когда его качает налетевший ветер. Однако этот скрип перерастал в ритмичный

треск, словно дерево качалось все сильнее и сильнее. «Звук идет сверху», — решила Джейн. Она направила луч фонарика к потолку, и увидела, что одна из туш раскачивается из стороны в сторону, словно от толчков невидимой руки.

До них донесся еще один скрип, на это раз слева.

— Вон там! — воскликнул Колин, и Джейн направила лучик в сторону, откуда раздавался звук.

Риццоли поймала себя на том, что, не отрываясь, глядит на качающуюся тушу — в узком луче фонарика она напоминала гигантский маятник.

— Где-то позади! — вскричал Колин. В его голосе сквозила паника. — Нет, вон там!

Джейн развернулась, и в свете фонарика увидела, что движение было повсюду — тьма оживала, оглашаемая шумным хором звякающего, стонущего и скрипящего металла.

— Где же эта хреновая тварь? — заорал Колин, вертясь возле Джейн и бешено размахивая оружием среди качающихся туш.

Он выстрелил — где-то во мраке звякнул металл. Он выстрелил еще раз, и пуля ударила в охлажденное мясо.

— Перестань немедленно, а то погубишь нас обоих! — крикнула Риццоли.

Колин прекратил стрельбу, но по-прежнему дергался из стороны в сторону, отыскивая цель. Наверняка ему, как и самой Джейн, существо чудилось повсюду. Что это было, вон там, — мелькнувшее лицо, блеск глаз? Как можно двигаться так быстро и столь беззвучно? Внезапно Джейн вспомнила иллюстрацию из книги народных китайских сказок. Царь Обезьян, сжимающий шест, с извивающимся, словно змея, хвостом. Она подумала о шепоте сабли во мраке, представила, как клинок перерезает ей глотку. Взгляд Риццоли метнулся к потолку, и на секунду ей показалось, что существо сидит там, во тьме, и сверкает дикими глазами. Однако вверху никого не было, лишь голый стальной крюк, ожидающий свежей полутуши.

Вскоре скрипы и треск сменились тишиной. Джейн и Колин не двигались; они прижались друг к другу спинами, лихорадочно вглядываясь во мрак. Куда бы Джейн ни направляла луч своего фонаря, она нигде не видела незваного гостя, однако обоим казалось, будто кто-то во тьме наблюдает за ними. А поскольку у меня в руке фонарик, думала Джейн, существо прекрасно знает, где мы.

— Продолжаем двигаться, — шепнула Риццоли. — К двери.

— Что это за тварь? С кем мы имеем дело?

— Не стоит ждать момента, когда мы это узнаем.

Колин не собирался оставаться в одиночестве. Направляясь к двери, Джейн ощущала его дыхание почти у себя на шее. Для такого человека, как Колин, оружие заменяло мужество, легко превращало труса в задиру и убийцу. Но стоило ему оказаться в темноте, где враг невидим, где всех уравнивает слепота, и трус снова стал трусом. Только после того как они добрались до выхода и оказались на улице, Джейн услышала облегченный вздох своего спутника. В воздухе стоял запах моря, а в небе, словно звезды, мерцали огни кружащих самолетов. Риццоли вынула свой мобильный, но нажимать на кнопки повременила. Что она скажет оператору? «Электричество погасло, и мы потеряли самообладание. Услышали звуки в темноте и напридумывали чудовищ».

— Ты будешь звонить или как? — осведомился Колин. Трус снова исчез, и на его месте появился задира.

Джейн подняла телефон повыше, чтобы набрать номер, и вдруг замерла, устремив взгляд на крышу склада. На полусогбенную фигуру, напоминающую горгулью на фоне вечернего неба. Существо смотрело на Джейн, а Джейн — на него. «Интересно, кем оно меня считает — другом или врагом?» — пронеслось у нее в голове.

— Вон она, тварь! — заорал Колин.

Телохранитель вскинул пистолет, но Джейн успела схватить его за руку. Раздался выстрел — пуля, не причинив никому вреда, унеслась в небо.

— Что за хрень! — рявкнул Колин. — Вон она, убей ее!

Фигура на крыше не двигалась — она просто сидела и пристально смотрела на них.

— Если ты не положишь ее, это сделаю я, — пообещал Колин. Он снова поднял оружие и вдруг замер, оглядывая крышу. — Где она? Куда она делась?

— Ушла, — ответила Джейн, неотрывно глядя на крышу. «Однажды ты спас мне жизнь, — подумала Риццоли. — А теперь я спасла тебя».

— Донохью — сволочь, — заметил Тань. — По мне, так пусть существо уничтожит его. Пусть оно всех их уничтожит.

Существо. Они не знали, как иначе назвать создание, сидевшее прошлым вечером на крыше склада. Никто не различил его лица, не слышал его голоса. Они только мельком видели его и все время во тьме, когда создание напоминало лишь тень, скользящую по тени. Однако в битве между добром и злом *существо* ясно обозначило свою позицию. Оно уже зарубило двух наемных убийц. Теперь его внимание было нацелено на Донохью.

Но меня оно пощадило, подумала Джейн. Откуда оно узнало, что я из числа хороших, а не плохих?

— Кем бы оно ни было, — заметил Фрост, — камеры видеонаблюдения оно обходит мастерски.

Три детектива все утро просидели в конференц-зале на втором этаже, просматривая видеоматериал с камер, расставленных в Джеффрис-Пойнте вокруг склада Донохью. Сейчас на мониторе воспроизводилась запись одной из камер, принадлежащих мафиозо, — той, что следила за парковочной зоной. Джейн увидела, как ее собственная машина въехала в ворота и припарковалась возле «Мерседеса» Донохью.

— Улыбайся. Тебя снимает скрытая камера, — подсказал Фрост.

На экране Риццоли вылезла из машины и остановилась, чтобы взглянуть на небо; она словно принюхивалась к ветру. «Неужели я на самом деле такая лохматая? — подумала Джейн, морщась. — Неужели я правда так сутулюсь? Нужно научиться стоять прямо и втягивать живот».

Теперь в кадре возник телохранитель Донохью Шон, и они начали обсуждать оружие Риццоли — Шон настаивал, а Джейн сопротивлялась, распрямив плечи.

— Почему ты не попросила нас сопровождать тебя? — удивился Тань.

— Я поехала всего-навсего забрать записку. Ерунда.

— А потом ерунда превратилась в нечто гораздо большее. Мы могли бы тебе понадобиться.

Джейн и телохранитель исчезли в здании склада, и изображение замерло. На парковке не было видно ни движения, ни каких-либо других изменений, лишь иногда мелькал свет фар проезжавших по улице

машин. Фрост перегнал видео на пять минут вперед. Затем на десять минут. Вдруг изображение мигнуло и пропало.

— Вот и все, — проговорил Барри. — Это же произошло и с четырьмя другими его камерами. Электричество вырубается, и картинка пропадает.

— Значит, существо у нас нигде не запечатлелось, — понял Тань.

— На камерах Донохью — нет.

— Может быть, оно вообще невидимое?

— Возможно, оно просто знает, что делает. — Фрост вывел на монитор миниатюрные фотографии внешних стен склада. — Сегодня утром я был там с фотоаппаратом и сделал эти снимки. Здесь видно, где установлены камеры. Как и следовало ожидать, все они направлены на въезд и вход. На двери и погрузочные платформы. Но задняя сторона здания — сплошная стена, поэтому наблюдения за ней нет. Как и за крышей. — Барри поглядел на Джейн. — Поэтому ускользнуть от камер человеку вполне возможно. А это означает, что существо — необязательно сверхъестественное создание.

— Вчера вечером нетрудно было поверить, что оно сверхъестественное, — тихо ответила Джейн, вспомнив жутковатые скрипы и взвизгивания крюков, что болтались на складе. — У Донохью есть система безопасности и телохранители. Он вооружен до зубов. Однако он понятия не имеет, как защититься от этого существа, а потому страшно напуган.

— А почему нас это должно волновать? — удивился Тань. — Существо работает за нас. Если оно решило убрать злоумышленников, я считаю, пусть действует.

Джейн вгляделась в фотографии склада.

— Знаешь, мне трудно с тобой не согласиться. Этому существу я обязана жизнью. Однако мне хочется понять, как оно проникло в здание. Я была там, но не видела его до самого конца. До того момента, пока оно не *позволило* мне себя увидеть. Оно сидело на крыше так долго, что даже телохранитель Донохью сумел его заметить.

— Зачем ему это понадобилось? — удивился Фрост.

— Может, оно хотело доказать, что действительно существует? Или запугать Донохью, продемонстрировать, что может прикончить его, когда пожелает?

— Тогда почему же не прикончило? Донохью по-прежнему жив и здоров.

— Вот только напутан до смерти, — добавила Джейн. — Самое смешное, что я больше не боюсь этого существа. Думаю, оно появилось неспроста. Мне лишь хочется понять, как оно делает то, что делает. — Риццоли поглядела на Таня. — Что ты знаешь об ушу?

Он вздохнул.

— Ну конечно, тебе никак не обойтись без азиатского парня.

— Да ладно тебе, Тань, то, что я спрашиваю тебя, вполне логично. Похоже, ты хорошо знаешь китайские народные сказки.

— Да, — признался он. — Благодаря своей бабушке.

— Донохью решил, что на него охотятся воины ниндзя. Вчера вечером я почитала про них и поняла, что приемы ниндзя на самом деле пришли из Китая. Донохью говорит, что этих ребят с детства обучают убивать и что они способны преодолевать любые препятствия.

— Но мы же прекрасно знаем, что это наполовину фантазия.

— Да, но на какую именно половину?

— На ту, из которой сделали «Крадущегося тигра, затаившегося дракона».

— Мне нравится этот фильм, — сообщил Фрост.

— Неужели ты действительно поверил, что воины способны летать по воздуху и сражаться на верхушках деревьев? Конечно же, не могут, потому что это сказка. Так же, как и прочие истории моей бабушки, например, о монахах, которые умеют ходить по воде. О бессмертных, что спускаются с небес и смешиваются с людьми.

— Но порой в легендах есть крупица правды, — заметила Джейн. — Ведь в Китае действительно существовали монахи-воины.

— Ну хорошо, — сдался Тань. — Возможно, это частичная правда. Шаолиньские монахи из горного монастыря действительно были воинами. Они прославились своими боевыми умениями, когда защитили императора от бунтовщиков. Однако искусство ушу возникло задолго до этих монахов. Ему много тысяч лет, так много, что никто уже и не знает его настоящей истории. И век за веком рассказы о нем становятся все более и более диковинными. Вот так и появляются люди, считающие, что воины ушу словно призраки. Что их невозможно убить.

— После вчерашнего я почти поверила, что так оно и есть, — созналась Джейн.

— Да ладно тебе.

— Ты не был там. И не видел этого.

— Я тоже чуть было не поверил, что это призрак, — проговорил Фрост, изучая очередное видео. — Я собрал материал со всех соседних камер, но так пока ничего и не увидел. Этому существу постоянно удается проскальзывать по «мертвым точкам». — Он указал на монитор. — Эта камера установлена прямо напротив склада Донохью. Она работала непрерывно, но и на ней ничего нет.

— Если это существо состоит из плоти и крови, оно обязательно где-нибудь проявится, — успокоила его Джейн.

Фрост загрузил очередное видео.

— Ладно, эта камера установлена в другом квартале, недалеко от улицы Саммер. — Он нажал на воспроизведение, и на мониторе появился переулок; в дальнем конце виднелась ограда из сетки рабицы. Проходили минуты, однако ничего не менялось, ничего не двигалось. — И снова — ноль.

Джейн сочувственно потрепала напарника по спине и поднялась.

— Удачного просмотра. Позвоните, если что-нибудь заметите.

— Ага, ладно.

Джейн почти уже вышла за дверь и вдруг услышала, как Фрост резко втянул воздух.

— Что такое?

— Я ничего не видел, — признался Тань.

Джейн вернулась к монитору и подождала, пока Фрост перемотает запись и снова нажмет на воспроизведение. На экране опять возник слабо освещенный переулок с оградой из сетки рабицы.

— *Вон там,* — показал Фрост.

Казалось, из мрака материализовалась фигура — повернувшись спиной к камере, неясное существо двигалось по переулку. Одним быстрым

прыжком оно перемахнуло через ограду и приземлилось на корточки с другой стороны. Там оно остановилось и вытянулось в полный рост.

Фрост нажал на паузу.

Фигура с ног до головы была облачена во все черное. Лица видно не было, однако силуэт оказался достаточно четким, чтобы различить тонкую талию и явный изгиб бедер.

— Это женщина, — сказал Фрост.

Белла Ли, в синих джинсах с заниженной талией, высоких сапогах и черной кожаной куртке, быстро зашла в Бостонское ПУ на Шрёдер-плаза. Прежде чем миновать металлодетектор, она сняла с себя куртку, устроив настоящее стриптиз-шоу для всех присутствовавших полицейских: под курткой оказался обтягивающий топ, демонстрирующий все изгибы ее груди, на которой не было лифчика. На пристальные взгляды она ответила вызывающей улыбкой, после чего важно прошествовала через пост охраны к ожидавшей ее Джейн.

— А я и не знала, что меня будут проверять, — сказала Белла.

— Всех проверяют. Даже мэра. — Джейн знаком указала девушке на лифт. — Мы едем наверх.

Пока они ехали на третий этаж, Белла стояла, выпятив бедро и закинув кожаную куртку на плечо. Ее короткая стрижка казалась еще более колючей, чем обычно, — она напоминала мех рассерженной и готовой броситься в бой кошки. А ведь это, возможно, девчонка, которая чуть было не уничтожила меня, подумала Джейн. Пусть Белла небольшого роста, зато она мускулистая и гибкая, словно пантера. Разглядывая ее, Джейн размышляла: «Неужели ты — то самое создание, которое я видела на крыше? Неужели ты и в самом деле спасла мою жизнь в проулке?»

Когда они оказались на третьем этаже, Джейн проводила Беллу в комнату для допросов.

— Располагайтесь. Я сообщу детективу Фросту, что вы прибыли, — пообещала она и оставила молодую женщину в одиночестве.

Джейн встретилась с Фростом в соседней комнате — он наблюдал за Беллой через одностороннее зеркало. Казалось, их гостья совершенно не нервничает; она откинулась на спинку стула, а обтянутые сапогами ноги

положила на стол. Запрокинув голову, Белла смотрела в потолок — создавалось впечатление, что она скучает.

— Она ничего интересного не сказала, пока вы поднимались? — осведомился Фрост.

Джейн покачала головой.

— И даже не спросила, зачем мы ее вызвали.

— Любопытно. Как думаешь, она знает, что мы знаем?

— Думаю, она стремится показать нам, что ей на это наплевать.

В соседней комнате Белла устремила взгляд прямо в зеркало и выгнула бровь. Без сомнения, это выражение означало: «Может, мы поскорее закончим?»

— Ладно, — вздохнула Джейн. — Пойдем потрясем ее.

Когда Джейн и Фрост вошли в комнату для допросов, Белла опустила ноги на пол, но продолжала сидеть, развалившись и скрестив руки, а на вопросы Риццоли давала монотонные ответы. Сначала Джейн спрашивала о простом. Имя? Белла Ли. Дата рождения? 18 мая. Род занятий? Инструктор по боевым искусствам. Белла громко вздохнула, демонстрируя полное отсутствие интереса. Однако от следующего вопроса мышцы на ее предплечье дернулись.

— Где вы были вчера вечером между шестью и девятью часами? — осведомилась Джейн.

Белла пожала плечами.

— Я была дома.

— В одиночестве?

— Зачем вам это нужно знать?

— Мы хотим проверить ваше местонахождение.

— Я считаю, что моя личная жизнь — частное дело. Не понимаю, с чего я должна называть кому-то имена.

— Значит, вчера вечером с вами кто-то был? — спросил Фрост. — Вы можете сообщить его имя?

— С чего вы решили, что я интересуюсь мужчинами? Неужели вы правда считаете, что женщина не может придумать ничего получше? — Она вызывающе улыбнулась Джейн.

— Хорошо, — со вздохом отозвалась Риццоли. — Как *ее* имя?

Белла опустила взгляд на свои руки и принялась рассматривать коротко остриженные ногти.

— Со мной никого не было. Я была дома одна.

— Вы могли сказать это и раньше.

— А вы могли бы сказать, зачем вы меня сюда вызвали.

— Значит, вы были в одиночестве. Вы куда-нибудь выходили из дома?

— Не помню.

— Если мы покажем вам фотографию, возможно, вы вспомните.

— Какую фотографию?

— С камеры видеонаблюдения в Джеффрис-Пойнте. Вы отлично ускользаете от камер, госпожа Ли. Но не всегда их замечаете.

У Беллы впервые не нашлось готового ответа, хотя выражение ее лица не изменилось, а глаза по-прежнему были спокойными, словно лесные озера.

— Мы знаем, что на видео именно вы, — солгала Джейн. Наклонившись поближе к девушке, Риццоли заметила, что ее зрачки дернулись — эта невольная реакция о многом говорила. На вид Белла могла быть спокойна, но ее внутренний инстинкт «дерись или убегай» находился в полной боевой готовности. — Мы знаем, что вы были на складе. Единственный вопрос: зачем?

Девушка рассмеялась — отличное владение нервами для человека в таком невыгодном положении.

— Вот и расскажите мне. Раз уж вы все знаете.

— Вы отправились туда, чтобы запугать Кевина Донохью.

— Зачем мне это?

— Сначала вы оставили записку с угрозой на ветровом стекле его машины. Затем проникли на склад. Вывели из строя систему защиты и телефонную линию.

— И все это я сделала одна?

— Вы прекрасно обучены боевым искусствам. И занимались в одной из лучших академий мира, на Тайване. — Джейн бросила на стол папку. — Здесь собраны документы о ваших поездках за последние пять лет.

Белла вскинула голову.

— На меня заведено дело?

— Теперь — да.

Открыв папку, Белла с деланным равнодушием перелистала несколько страниц.

— Ну да, я приезжала и уезжала из страны. Разве американцы не имеют права путешествовать там, где они хотят?

— Немногие американцы проводят пять лет в тайваньском монастыре, изучая древнее искусство ушу.

— На вкус и цвет товарищей нет.

— И вот что интересно. Вас спонсировала госпожа Фан. Она небогата, но оплатила все годы занятий. А также билеты на самолет и обучение. Почему?

— Заметила, что у меня есть талант.

— И когда же она поняла это?

— Она нашла меня, когда мне было семнадцать, тогда я жила на улице. Она привела меня в порядок и взяла к себе, возможно, потому, что я напоминала ей дочь.

— Значит, вот чем вы занимаетесь в Бостоне — заменяете госпоже Фан дочь?

— Я преподаю в ее студии. Мы практикуем одни и те же боевые искусства. И придерживаемся одной и той же философии.

— И что же это за философия?

Белла посмотрела Джейн прямо в глаза.

— Что за справедливость ответственны все.

— За справедливость? Или за возмездие?

— Некоторые считают, что *возмездие* — другое название справедливости.

Джейн пристально поглядела на Беллу в попытке раскусить ее. Понять, это ли создание спасло ей жизнь в проулке и оно ли сидело на крыше склада. Белла состояла из плоти и крови, как любая другая двадцатичетырехлетняя женщина, но обычной она уж точно не была. Глядя в эти глаза, Джейн видела чужесть и ярость. Нечто звериное, заставившее Риццоли отпрянуть, а волоски на ее руках — встать дыбом. В этих глазах она увидела нечто не совсем человеческое.

— Госпожа Ли, пришло время сказать правду, — прервал тишину Фрост.

Белла смерила его пренебрежительным взглядом.

— А разве я в чем-то солгала?

— В том, почему Айрис Фан выбрала именно вас.

— Она могла выбрать кого угодно.

— Но не сделала этого. Она полетела через всю страну, в Сан-Франциско, чтобы найти совершенно определенную семнадцатилетнюю девочку, у которой совсем недавно умерла мать. Девочку, сбежавшую из интерната для сирот и живущую на улице. Что же в вас такого особенного?

Белла не ответила, и тогда вмешалась Джейн.

— У нас есть ваши документы из школы в Калифорнии. В них не упомянуто, что ваша мать иммигрантка.

— Мама умерла. Какая теперь разница?

— Она была нелегальной иммигранткой.

— Докажите.

— А как насчет вас, Белла?

— У меня есть американский паспорт.

— В котором значится, что вы родились в штате Массачусетс. Спустя шесть лет вы поступаете в школу в Сан-Франциско. Ваша мама работает горничной в гостинице по подложному номеру социального страхования. Почему вы переехали туда? С чего вдруг смотали удочки и сбежали в Калифорнию? — Джейн наклонилась так близко, что увидела собственное отражение в бездонных глазах девушки. — Я догадываюсь о том, кто вы есть на самом деле. Просто пока не могу доказать. Но, поверьте, я смогу. — Риццоли посмотрела на Фроста. — Покажи ей ордер на обыск.

Белла нахмурилась.

— Ордер на обыск?

— С ним мы имеем право войти в вашу квартиру, — пояснил Фрост. — Детектив Тань с поисковой командой уже там.

— И что же вы собираетесь у меня найти?

— Доказательство, которое связывает вас со смертью неизвестной женщины, погибшей пятнадцатого апреля, и смертью неизвестного мужчины, убитого двадцать первого апреля.

Белла покачала головой.

— Мне жаль разочаровывать вас, но на пятнадцатое апреля у меня есть железное алиби. Я была на сцене в Чайна-тауне, проводила показательное занятие по ушу. Тому есть как минимум двести свидетелей.

— Мы это проверим. А тем временем, если вам нужен адвокат, пора его вызвать.

— Вы меня *арестовываете*? — Белла резко подалась вперед. Движение было таким внезапным, что Джейн вздрогнула, ведь она прекрасно знала, как быстро и смертоносно может перемещаться эта девушка. — Это *очень большая ошибка,* — спокойно добавила Белла.

Казалось, в глубине ее глаз что-то зашевелилось, словно какое-то существо проснулось в чернильных глубинах.

— Скажите нам, почему это ошибка, и, возможно, мы передумаем, — предложила Джейн.

Белла вздохнула, и вдруг что-то произошло. Словно в нее вселился другой человек. Человек, взирающий на мир холодными, словно полированный камень, глазами.

— Мне больше нечего сказать, — произнесла она.

В квартире Беллы было чисто. Слишком чисто. Джейн стояла в гостиной и смотрела на ковер, на котором все еще виднелись параллельные полосы от пылесоса.

— Именно так тут все и было, — сообщил Тань. — Кухня и ванная вылизаны до блеска. В мусорных урнах не обнаружилось даже случайного обрывка бумаги. Такое впечатление, что здесь никто не живет. Либо она помешана на уборке, либо решила уничтожить все следовые улики.

— Откуда она знала, что мы явимся сюда?

— Человек, которого вызывают в Бостонское ПУ, наверняка осознает, что он подозреваемый. Возможно, она поняла, что мы придем.

Подойдя к окну с идеально вымытыми стеклами, Джейн выглянула на улицу — там по тротуару, взявшись за руки и прихрамывая, шли две пожилые женщины. В этом уголке квартала Тайтун-Виллидж, на южной окраине Чайна-тауна, царил покой. Жилище Айрис Фан находилось на этой же улице, примерно в минуте ходьбы. Здешняя местность казалась отдельной вселенной, и Джейн чувствовала себя чужой. Это ощущение усиливали любопытные взгляды и взволнованное бормотание местных жителей. Жетон и полномочия превращали Джейн в чужачку, куда бы она ни пошла; она была посторонней, способной стать либо лучшим другом, либо заклятым врагом.

Риццоли отвернулась от окна и направилась в ванную, где Фрост, опустившись на колени, обследовал шкафчик под раковиной.

— Пусто, — сообщил Барри, поднимаясь на ноги. Его лицо раскраснелось от напряжения. — В душевой кабине и раковине — ни волоска. В аптечке я обнаружил лишь аспирин и эластичный бинт. Будто бы здесь никто не живет.

— А мы точно знаем, что она живет здесь?

— Тань беседовал с соседом, старичком лет восьмидесяти. Тот сказал, что очень редко видит ее, но довольно часто слышит голоса. — Фрост постучал по стене. — Перегородка весьма тонкая.

— Голоса? Во множественном числе?

— Возможно, телевизор. Она живет одна.

Джейн оглядела девственно чистую ванную.

— Если она вообще здесь живет.

— Но кто-то ведь оплачивает аренду.

— А еще этот кто-то, похоже, прошелся по квартире с хлоркой и пылесосом.

— С пылесосом... Странное дело. Мы его не нашли, поэтому не смогли заглянуть в мешок и обнаружить какие-нибудь следовые улики.

Джейн отправилась в спальню и обнаружила там Джонни Таня, который разговаривал по мобильному телефону. Тань кивнул, когда Джейн перешагнула порог. Деревянный пол был абсолютно чистым. Постельное белье и покрывало кто-то откинул, обнажив матрац. Опустившись на колени, Джейн заглянула под кровать и увидела, что на полу, под пружинной сеткой, тоже нет пыли. Тут в поле ее зрения возникла пара туфель, и Джейн, выбравшись из-под кровати, встретилась взглядом с криминалистом из Бостонского ПУ.

— Оружия мы не нашли, — отрапортовал он. — Если, конечно, не считать кухонных ножей.

— Ничего похожего на саблю вам не попадалось?

— Нет, мэм. Мы прошлись по всем стенным шкафам и ящикам. Отодвинули все предметы мебели и посмотрели, нет ли чего-нибудь за ними. — Он умолк, оглядывая голые стены. — Думаю, она пробыла здесь недолго. Не успела освоиться.

— Если она вообще собиралась здесь осваиваться.

— Одежды она тоже немного привезла.

Открыв стенной шкаф, Джейн насчитала не более десяти предметов одежды, все сорок четвертого размера. Три пары черных брюк, несколько темных свитеров и блузок и одно шелковое летнее безрукавное платье нежного персикового цвета. Гардероб временного гостя, планирующего переезжать еще куда-то. Девушка оставалась для них загадкой. Рассматривая платье, Джейн попыталась представить себе Беллу Ли в таком женственном, кокетливом наряде, но у нее ничего не получилось. Вместо этого перед мысленным взором Риццоли возникли злые глаза девушки и ее колючие черные волосы.

— Мне жаль сообщать тебе это, — проговорил Тань, показывая Джейн свой мобильный телефон, — но у нее железное алиби на пятнадцатое

апреля. Я только что разговаривал с руководителем программы из культурного центра. В тот вечер именно они организовали открытый урок по боевым искусствам. Белла Ли выступала с восемью учениками из академии «Дракон и звезды».

— В котором часу это было?

— Группа прибыла в шесть вечера, поужинала и в девять вышла на сцену. Они были там весь вечер. — Джонни покачал головой. — У нас ничего не выйдет, Риццоли.

— Но на двадцать первое апреля у нее алиби нет.

— Это еще не повод, чтобы удерживать ее.

— Тогда давайте найдем этот повод, черт возьми.

— Зачем? — Тань смерил ее испытующим взглядом, и Джейн стало не по себе.

Она отвернулась к шкафу, чтобы не видеть его глаз.

— В ней есть нечто, заставляющее мои датчики срабатывать. Я точно *знаю,* что она замешана в этом деле, но только пока не понимаю, как именно.

— У нас есть лишь видеоматериал с камеры наблюдения, в котором появляется женская фигура. Оружия мы не нашли. Следовых улик — тоже.

— Потому что она быстренько облила эту квартиру хлоркой еще до нашего визита.

— Ну и на что же мы можем опереться, кроме твоего внутреннего чутья?

— Оно всегда служило мне верой и правдой. — Джейн полезла в шкаф и принялась обыскивать карманы одежды, засовывая в них обтянутые перчатками руки. Она и сама не знала, что сможет там найти. В итоге обнаружились лишь мелочь, пуговица и свернутая салфетка.

— А знаешь, Тань прав, — заметил Фрост, остановившись в дверном проеме. — Нам придется отпустить ее.

— Мы не сделаем этого, пока я не узнаю о ней побольше. О том, кто она на самом деле, — отозвалась Джейн.

— Мы ведь только догадываемся.

— Значит, давайте искать то, что поможет нам это доказать. Наверняка где-то остался след, иначе и быть не могло.

Джейн подошла к окну спальни и посмотрела в переулок. Рама была не заперта, а окно немного приоткрыто, так, чтобы в него попадал свежий воздух. Никакая другая женщина не смогла бы допустить такую оплошность и оставить окно открытым, но Белла Ли ничего не боялась и шла по жизни в полной готовности к сражению. А просыпалась ли она когда-нибудь ночью в своей постели, испугавшись странного шума за окном или скрипа половиц? Или она и спала как воительница, сохраняя бесстрашие даже во сне?

Джейн отвернулась от окна и внезапно замерла, глядя на занавеску. Она была сделана из полиэфирной немнущейся ткани с рисунком, изображавшим бежевые бамбуковые стебли на фоне зеленого леса. На таком многоцветном фоне серебристая ниточка была почти неразличима. Только под тем углом, под которым смотрела Джейн, когда свет из комнаты бликовал на поверхности ткани, можно было заметить прилипшую к занавеске шерстинку. И Джейн заметила.

Она вынула из кармана пакетик для вещдоков. Боясь даже дышать, Риццоли осторожно сняла волосок с ткани и опустила его в пакетик. Потом подняла пакетик к свету и пристально вгляделась в серебристую ниточку. Затем поглядела в окно, на пожарную лестницу, расположенную прямо под ним.

«Оно было здесь, — поняла Риццоли. — Существо было в этой комнате».

32

Охотник редко осознает, когда сам становится добычей. Он ходит по лесу, сжимая в руках карабин и отыскивая следы дичи на припорошенной снежком земле. Он стремится напасть на след или просто сидит на дереве и ждет, пока в поле зрения не окажется неуклюжий медведь. Ему никогда не приходит в голову, что и добыча может наблюдать за ним, ожидая, когда он сделает ошибку.

Охотник, который преследует меня сейчас, вряд ли будет напуган. Я кажусь всего-навсего женщиной средних лет с сединой в волосах, еле волочащей ноги от усталости и тяжести — в руках я тащу сумки, набитые недельным запасом продуктов. Я иду той же дорогой, какой обычно хожу во вторник вечером. Отоварившись на китайском рынке, что на Береговой улице, я сворачиваю на улицу Тайлера и направляюсь на юг, к тихому кварталу Тайтун-Виллидж. Я не поднимаю головы и сутулю плечи, чтобы встречные, увидев меня, подумали: «Вот она, жертва». Я не кажусь женщиной, которая может дать сдачи. Меня не нужно бояться.

Но сейчас мой противник уже понял, что меня следует остерегаться, точно так же, как я остерегаюсь его. До сих пор мы сражались только лишь во тьме, но по-настоящему ни разу не входили в контакт, если не считать контактов с его присными. Мы — два охотника, по-прежнему пытающиеся загнать друг друга в угол, и следующим будет его ход. Только когда он выйдет на свет, я увижу его лицо.

Итак, я иду по улице Тайлера и, как это было уже много раз, размышляю, не наступил ли наконец тот самый вечер. Я еще никогда не чувствовала себя такой уязвимой и точно знаю: вот-вот начнется следующее действие. Яркие огни двух улиц — Береговой и Ниленд — тают за моей спиной. Теперь я бреду в полумраке, мимо темных дверных проемов и неосвещенных переулков, и пластиковые магазинные пакеты шуршат в моих руках. Я всего-навсего усталая вдова, занимающаяся своими делами. Однако я слежу за всем, что происходит вокруг, — от мороси, попадающей мне на лицо, до ароматов кориандра и лука, поднимающихся из моих сумок. Никто не провожает меня. Никто не охраняет. Сегодня вечером я одна — цель, ожидающая, когда в нее пустят первую стрелу.

Приближаясь к дому, я вижу, что фонарь над моим крыльцом не горит. В чем же дело — кто-то намеренно погасил его или просто лампочка перегорела? Мои нервы тревожно гудят, а сердце ускоряет ритм, гоня кровь к мышцам, которые уже напряглись в ожидании боя. Затем я замечаю припаркованную машину, вижу человека, спешащего поприветствовать меня, и выдыхаю — одновременно с облегчением и раздражением.

— Госпожа Фан! — окликает меня детектив Фрост. — Мне нужно поговорить с вами.

Я останавливаюсь возле своего крыльца и, не улыбаясь, пристально смотрю на него; мои руки оттягивают сумки.

— Я сегодня устала. И мне больше нечего вам сказать.

— Давайте я хотя бы помогу вам донести сумки, — предлагает он.

Не дожидаясь моего протеста, детектив Фрост выхватывает пакеты и заносит их на крыльцо. Там он ждет, пока я отопру дверь. Вид у него настолько искренний, что у меня мне не хватает духу отклонить его предложение.

Я отпираю дверь и впускаю его в дом.

Пока я включаю свет, детектив Фрост несет пакеты в кухню и кладет их на рабочий стол возле мойки. А потом, засунув руки в карманы, наблюдает за тем, как я кладу в холодильник ароматную зелень и свежие овощи, расставляю по ящикам кладовки растительное масло, бумажные полотенца и консервные банки с куриным бульоном.

— Я хотел попросить прощения, — произносит детектив. — И объясниться.

— Объясниться? — спрашиваю я так, словно мне и вправду все равно, что он хочет сказать.

— Насчет сабли и почему мы забрали ее. Когда расследуется убийство, нам необходимо изучить все пути. Отследить все ниточки. Оружие, которое мы разыскиваем, — очень старое, а я знал, что у вас есть такое.

Я закрываю кладовку и поворачиваюсь к Фросту.

— Сейчас вы, наверное, поняли, что допустили ошибку.

Он кивает.

— Меч вам возвратят.

— А когда отпустят Беллу?

— Тут несколько сложнее. Мы еще изучаем ее прошлое. Я надеялся, что вы поможете нам с этим, раз уж вы так хорошо ее знаете.

Я качаю головой.

— Детектив, после нашего предыдущего разговора меня сочли подозреваемой и конфисковали мою фамильную ценность.

— Я этого не хотел.

— Однако прежде всего вы полицейский.

— А кем посчитали меня вы?

— Не знаю. Может быть, другом?

От этих слов он умолкает. В резком кухонном освещении Фрост выглядит старше, чем он есть на самом деле. Пусть так, но он все равно молод и годится мне в сыновья. Мне даже не хочется думать о том, насколько старой выгляжу я под безжалостным сиянием ламп дневного света.

— Я *мог бы* быть вашим другом, Айрис, — говорит он. — Если бы...

— Если бы я не была подозреваемой.

— Я вовсе не считаю вас подозреваемой.

— Тогда вы плохо выполняете свою работу. Я ведь могу оказаться убийцей, которого вы разыскиваете. Разве вы не представляете себе этого, детектив? Как женщина средних лет, размахивая саблей, скачет по крышам и кромсает врагов? — Я смеюсь ему в лицо, и Фрост вспыхивает так, словно я влепила ему пощечину. — Может, вам следует обыскать мой дом? Вдруг где-то здесь припрятана еще одна сабля, о которой вы даже не подозреваете?

— Айрис, прошу вас.

— Может, вам стоит сообщить коллегам, что подозреваемая проявляет враждебность? Ее больше не удается очаровать, чтобы выудить побольше информации.

— Я пришел сюда вовсе не за этим! В тот вечер, когда мы вместе ужинали, я не пытался допросить вас.

— А что же вы пытались сделать?

— Понять вас — вот и все. Понять, что вы за человек и о чем думаете.

— Зачем?

— Потому что мы с вами... потому что... — Он тяжело вздыхает. — Просто мне казалось, что нам обоим нужен друг, вот и все. Мне, например, очень нужен.

Некоторое время я просто смотрю на него. Он же отводит глаза — его взгляд прикован к чему-то за моей спиной; кажется, будто он не в силах смотреть мне в лицо. Не потому, что он сказал неправду, а потому, что слишком уязвим. Пусть Фрост полицейский, но его волнует мое мнение. Однако сейчас я ничего не могу ему предложить — ни утешения, ни дружбы, ни даже участливого прикосновения.

— Вам нужен друг вашего возраста, детектив Фрост, — спокойно отвечаю я. — А не такой, как я.

— Я не замечаю вашего возраста.

— Зато я замечаю. И ощущаю его, — добавляю я, массируя шею, словно бы она у меня затекла. — Так же как ощущаю свою болезнь.

— А я вижу женщину, которая никогда не состарится.

— Расскажите мне об этом через двадцать лет.

Он улыбается.

— Может, и расскажу.

Эти мгновения вмещают в себя столько несказанных слов, столько чувств, что мы оба ощущаем неловкость. Он хороший человек, я вижу это по его глазам. Но глупо полагать, будто наше знакомство когда-нибудь перерастет в нечто большее. И не потому, что я почти на два десятилетия старше, хотя это уже само по себе преграда. Нет, дело в том, что у меня есть тайны, о которых я никогда не смогу поведать ему, тайны, которые пропастью пролегают между нами.

Когда я провожаю его к двери, он говорит:

— Завтра я верну вам саблю.

— А Белла?

— Возможно, ее выпустят утром. Мы не можем бесконечно удерживать ее — доказательств-то нет.

— Она не сделала ничего плохого.

В дверях Фрост останавливается и смотрит мне прямо в глаза.

— Не всегда ясно, что хорошо, а что плохо. Верно?

Я гляжу на него и думаю: «Неужели он знает? И дает мне разрешение на то, что я собираюсь сделать?» Но детектив лишь улыбается и уходит.

Я запираю за ним дверь. Наша беседа застигла меня врасплох, и я не в силах сосредоточиться. «Как относиться к такому мужчине?» — думаю я, поднимаясь по лестнице, чтобы переодеться. Он снова напомнил мне мужа. Его доброту, его терпеливость. Его разум, открытый миру и всегда готовый к новым возможностям. А может, я просто тщеславная дурочка, питающая надежды на несбыточную дружбу? Я пребываю в смятении и, обдумывая наш разговор, не замечаю того, что должно было бы насторожить. Дрожания воздуха. Еле различимого запаха незнакомого тела. Только когда я нажимаю на выключатель в своей спальне и свет не загорается, я вдруг понимаю, что я не одна.

Дверь спальни захлопывается за моей спиной. Во тьме я не вижу, что на мою голову вот-вот обрушится удар, однако мои инстинкты, резко

пробудившись, опережают чувства. Что-то свистит прямо надо мной, но я уворачиваюсь и, вильнув в сторону, бросаюсь к постели, где спрятан мой меч. Не та заманчивая копия, что я передала полиции, а настоящая Чжен И. Пять веков она переходила от матерей к дочерям — наследие, которое должно было оберегать и защищать нас.

Теперь она нужна мне больше, чем когда-либо.

Противник бросается на меня, но я ускользаю, словно вода, и качусь по полу. Тянусь под кровать, к нише, где спрятана Чжен И. Она ложится мне в ладонь, словно старая подруга, и мелодично вздыхает, выскальзывая из ножен.

Одним плавным движением я поднимаюсь и молниеносно поворачиваюсь к врагу. Скрип половицы объявляет о том, где он стоит: справа от меня. Но в тот момент, когда я переношу вес на другую ногу, чтобы нанести удар, я слышу звук шагов, — только он раздается у меня за спиной.

«Их двое», — понимаю я.

И эта мысль последняя — я падаю.

33

Опустившись на корточки возле постели Айрис, Джейн изучала улики. Ей не нравилось то, на что они указывали. На полу и краях постельного белья, в том месте, куда упало тело, виднелись красные брызги. Кровопотеря была минимальной и, конечно же, не могла привести к летальному исходу. Поднявшись на ноги, Риццоли пристально посмотрела на смазанные капли — признак того, что тело тащили по полу. Она уже видела кровь на лестнице и на крыльце. Входная дверь была оставлена открытой нараспашку — именно это и дало возможность соседям заключить, что в доме что-то очень неладно.

Джейн обернулась к Фросту.

— Ты уверен насчет времени? Ты точно ушел в девять вечера?

Он кивнул. В его глазах застыло ошеломленное выражение.

— Выходя из дома, я никого не увидел поблизости. А ведь моя машина стояла прямо у двери.

— Зачем ты сюда приезжал?

— Поговорить с ней. Я переживал из-за того, что случилось. Из-за того, что мы забрали меч.

— Ты пришел извиниться за то, что выполнял свою работу?

— Знаешь, Риццоли, порой из-за этой работы я чувствую себя последней сволочью! — огрызнулся он. — Эта женщина и так пострадала. Она потеряла мужа и дочь. А мы превратили ее в подозреваемую. Мы допрашивали ее. Мы заставляли ее страдать снова и снова.

— Я не знаю, что за человек Айрис Фан. Но я знаю, что с самого начала она была в центре всех этих событий. Похоже, все, что произошло, вертелось именно вокруг *нее.* — У Джейн зазвонил телефон. — Риццоли, — ответила она.

На линии был Тань.

— Кевин Донохью утверждает, что у него есть алиби на вчерашний вечер.

— А у его людей?

— С этим проблемы. Они и есть алиби друг для друга. Все трое заявляют, что провели вечер в доме Донохью, перед телевизором. А это означает, что нельзя верить ни единому слову.

— Значит, их мы не исключаем.

— Однако в суде мы этого не сможем доказать.

Джейн отключила связь и разочарованно повернулась к окну. С улицы, беседуя между собой, на нее пялились три пожилые китаянки. «Что же они все-таки знают, но нам не рассказывают?» — подумалось ей. С Чайна-тауном никогда не было все ясно, а кажущееся никогда не совпадало с действительностью. Словно смотришь сквозь шелковую ширму и никак не можешь ухватить четкий образ, полную картину.

Джейн обернулась к Фросту.

— Может быть, Белла наконец-то заговорит. Пора выложить все карты.

Сегодня Белла казалась еще более враждебной — ее руки сжались в кулаки, а взгляд был жестоким и суровым.

— Это все произошло из-за *вас,* — заявила она. — Я должна была быть с ней. Предотвратить это.

Джейн поглядела в сверкающие глаза девушки и вдруг представила, как она прыгает, словно дикая кошка, пуская в ход зубы и когти.

— Так, значит, вы знали, что это произойдет? — спросила Риццоли, стараясь говорить спокойно. — Вы знали, что ее похитят?

— Мы теряем время! Я нужна ей.

— Как вы ей поможете, если вы даже не знаете, где она?

Белла открыла было рот, но сразу же бросила взгляд на одностороннее зеркало, словно вспомнив, что за ней наблюдает кто-то еще.

— Почему бы нам не начать с начала, Белла, — предложила Джейн. — С того, кто вы такая на самом деле. Я имею в виду не то имя, которым вы пользовались в Калифорнии, а то, которое вам дали при рождении. — Джейн выложила на стол копию свидетельства о рождении. — Оно подписано чайнатаунским врачом. Вы родились здесь, в Бостоне. Появились на свет дома, на улице Наппа. Вашего отца звали У Вэйминь.

Белла не ответила, но Джейн прочла подтверждение в ее глазах. Правда, Риццоли не очень-то и нуждалась в нем; документ был всего лишь первым вещественным доказательством. Джейн выложила и другие копии. Документы из бесплатных школ Сан-Франциско, в которых девочка значилась под именем Белла Ли. Свидетельство о смерти ее матери, на имя Энни Ли, скончавшейся в возрасте сорока трех лет от рака желудка. Все было зафиксировано черным по белому — по этому бумажному следу команда Джейн упрямо следовала последние сорок восемь часов. В эпоху до 11 сентября этот след терялся в дебрях различных юрисдикций, и его скрывал туман тайного мира, в котором передвигались нелегальные иммигранты. В этом мире мать-одиночка и ее дитя могли беспрепятственно исчезнуть и снова появиться, но уже под другими именами.

— Зачем вы вернулись в Бостон? — спросила Джейн.

Белла посмотрела ей прямо в глаза.

— Сыфу Фан попросила меня приехать. Она неважно себя чувствует, и в ее школе нужен еще один инструктор.

— Да, вы постоянно рассказываете именно эту историю.

— А что, есть другая?

— Разве это не связано с тем, что произошло в «Красном фениксе»? С тем, что ваш отец убил четырех человек?

Лицо Беллы моментально напряглось.

— Мой отец невиновен.

— Если верить официальному отчету, виновен.

— А официальные отчеты *никогда* не ошибаются, да?

— Раз они ошибаются, то где же правда?

Белла свирепо посмотрела на Джейн.

— Его убили.

— Это вам мама рассказала?

— Моей мамы там не было!

Джейн немного помолчала, вдруг осознав смысл последних слов: «Моей мамы там не было». Она вспомнила, как засветился люминол на ступеньке подвала, вспомнила кровавый отпечаток детской туфельки.

— Но там был *кто-то,* — спокойно произнесла Джейн. — Свидетель, который прятался в подвале, когда все это случилось.

Белла замерла.

— Откуда вы...

— По следам крови. Даже если вы попытаетесь смыть их, они все равно останутся. Спустя десятилетия нам удалось увидеть их с помощью химического спрея. Мы обнаружили отпечатки ваших ног на ступени подвала и на кухонном полу — последние вы оставили, когда уходили. В тот вечер кто-то стер эти следы еще до приезда полиции. — Джейн склонилась к девушке. — Зачем ваша мама сделала это, Белла? Почему она пыталась уничтожить улики?

Белла промолчала, но Джейн заметила отражение внутреннего спора на ее лице — желание сказать правду сражалось со стремлением сохранить секрет.

— Она хотела защитить вас, верно? — не унималась Риццоли. — Потому что вы всё видели, и она боялась за вас. Опасалась, что вас будут преследовать.

Белла покачала головой.

— Я ничего не видела.

— Вы же были там.

— Но я ничего не видела! — воскликнула Белла. Казалось, на мгновение этот возглас повис в воздухе. Потом девушка опустила голову и прошептала: — Я только слышала.

Джейн не стала задавать вопросов, не стала прерывать Беллу. Она просто ждала рассказа девушки, который — теперь она была уверена — обязательно последует.

Белла сделала еще один вдох.

— Мама спала в своей постели. Она всегда очень уставала после рабочего дня в продуктовом магазине. А в тот вечер она к тому же болела гриппом. — Белла уставилась в стол, словно перед ее внутренним взором снова возникла мама, лежащая в постели под одеялом. — А я не устала и поэтому вылезла из кровати. И пошла вниз, к папе.

— В ресторан.

— Он, конечно же, был недоволен. — Ее губы растянулись в печальной улыбке. — Он жонглировал там сковородками и кастрюлями, а я ныла, требуя внимания и мороженого. Он велел мне возвращаться наверх, в постель. Он работал, и времени на меня у него не было. Дяде Фану тоже было не до меня.

— Мужу Айрис?

Белла кивнула.

— Он был в зале. Я посмотрела в дверной проем и увидела, что дядя Фан сидит там за столиком с какими-то мужчиной и женщиной. Они пили чай.

Джейн нахмурилась, размышляя, зачем официант подсел к двум посетителям. Это добавляло таинственности и без того загадочной чете Мэллори: зачем супруги пришли в китайский ресторан, если, согласно вскрытию, они только что поужинали итальянской едой?

— О чем они говорили? — спросила Джейн. — Господин Фан и двое посетителей?

Белла покачала головой.

— На кухне было слишком шумно, и я не смогла бы расслышать разговоры из зала. Папа стучал кастрюлями. Работала вытяжка.

— Вы видели, как Джоуи Гилмор пришел забрать свой заказ?

— Нет. Я только помню, как папа возился у плиты. Весь в поту. Он был в своей старой футболке. Папа всегда работал в ней... — Голос Беллы дрогнул, и она провела рукой по глазам. — Бедный папа. Он работал, постоянно работал. На его руках было множество шрамов от ожогов и порезов, полученных на кухне.

— А что было потом?

Рот Беллы изогнулся в грустной улыбке.

— Я хотела мороженого. Ныла, требуя внимания, а папа тем временем наполнял коробки для заказов на вынос. В конце концов он сдался. Велел мне спуститься вниз и выбрать мороженое из морозильной камеры.

— Она стояла в подвале?

Девушка кивнула.

— Ох, я прекрасно знала этот подвал. Я так много раз туда спускалась! Там в углу стоял большой морозильный ларь. Чтобы поднять крышку, мне нужно было забраться на стул. Я помню, как заглянула в него, решая, какое мороженое выбрать. Оно было упаковано в такие маленькие картонные стаканчики на один шарик. Я хотела ванильно-клубничное с шоколадом. Но не могла найти его. Я продолжала перебирать маленькие стаканчики, а в них было только ванильное мороженое. Одно ванильное. — Белла сделала глубокий вдох. — И тут я услышала папин крик.

— Кому он кричал?

— Мне. — Подняв взор, Белла сморгнула слезы. — Он кричал, чтобы я спряталась.

— Его наверняка слышали все, кто был в ресторане.

— Папа кричал по-китайски. Убийца не понял, иначе он стал бы меня искать. Иначе он догадался бы, что я в подвале.

Джейн бросила взгляд на одностороннее зеркало. Отсюда Фроста и Таня видно не было, однако Риццоли могла представить себе их потрясенные лица. Вот она — недостающая глава этой истории. Ключи к разгадке

никуда не делись — они остались на ступеньке подвала и кухонном полу, но отпечатки немы. Только Белла способна наделить их голосом.

— И вы спрятались? — спросила Джейн.

— Я не понимала, что происходит. Я слезла со стула и стала подниматься по ступенькам, но затем остановилась. Я слышала его мольбы. Как он на ломаном английском упрашивал, чтобы его оставили в живых. И только тогда поняла, что это вовсе не игра, что он не собирался морочить мне голову. Мой папа никого не дурил. — Белла нервно сглотнула, и ее голос стал звучать еще ниже. — И я поступила так, как он велел. Двигаясь беззвучно, я подлезла под лестницу. И услышала, как что-то падает. А затем громкий хлопок.

— Сколько было выстрелов?

— Всего один. Единственный хлопок.

Джейн вспомнила оружие, оставшееся в руке У Вэйминя — «Глок» с наружной нарезкой на стволе. Чтобы замаскировать предыдущие восемь выстрелов, убийца использовал глушитель. И, только расправившись со всеми жертвами, он снял приспособление для бесшумной стрельбы, вложил оружие в безвольную руку У Вэйминя и выпустил последнюю пулю, так чтобы на коже убитого повара были видны следы порохового нагара.

Идеальное убийство, подумала Джейн. Есть только одно «но» — преступник оставил свидетеля. Безмолвную девочку, съежившуюся под лестницей подвала.

— Он умер за меня, — прошептала Белла. — Он должен был сбежать, но не смог меня бросить. Поэтому он остался. Папа погиб прямо у двери в подвал, закрыв ее своим телом. Мне пришлось наступить в его кровь, чтобы выбраться оттуда. Если бы тем вечером я не пришла в ресторан, если бы не стала выпрашивать мороженое, возможно, мой отец до сих пор был бы жив.

Теперь Джейн все поняла. Поняла, почему У Вэйминь не сбежал, когда у него была возможность. Почему на кухонном полу обнаружили две гильзы. А вдруг идея инсценировать самоубийство пришла в голову преступнику в последний момент, когда он стоял над телом повара? Это же так просто — вложить рукоять пистолета в ладонь погибшего и выпустить последнюю пулю. А потом, не забирая оружия, просто выйти за дверь.

— Вы должны были рассказать об этом полиции, — заметила Джейн. — Это все изменило бы.

— Нет, не изменило бы. Кто поверит пятилетней девочке? Ребенку, который не видел лица убийцы. Да и мама не позволила бы мне произнести ни слова. Она боялась полиции. Точнее говоря, испытывала перед ней ужас.

— Почему?

Белла сжала губы.

— А вы не догадываетесь? Моя мама жила здесь нелегально. Как вы думаете, что бы случилось, если бы полиция обратила на нас внимание? Ей нужно было думать о моем будущем, да и о своем тоже. Папа погиб. И это все равно нельзя было изменить.

— А как же правосудие? Разве оно не играло никакой роли?

— Тогда — нет. В тот вечер мама думала лишь о том, как обезопасить нас обеих. Если бы убийца понял, что есть свидетель, он начал бы меня искать. Поэтому мама стерла отпечатки моих туфель. И поэтому же через два дня мы собрали вещи и уехали.

— Айрис Фан знала об этом?

— Тогда не знала. Ей стало известно много лет спустя, когда моя мама умирала от рака желудка. За месяц до смерти она написала сыфу Фан всю правду. Извинилась за то, что поступила как трусиха. Но спустя столько лет мы уже ничего не смогли бы доказать и ничего не смогли бы изменить.

— И все же вы пытались это сделать, верно? — спросила Джейн. — Последние семь лет кто-то из вас — вы или Айрис — отправляли копии некрологов членам семей. Изо всех сил старались сохранить в них память и боль. Сообщали, что правда так и не была сказана.

— Но ведь так и есть. Родственники должны знать это. Письма посылались для того, чтобы они не переставали задавать вопросы. Это единственный путь узнать, кто убийца.

— Значит, вы с Айрис пытались выманить его. Посылали записки родственникам и Кевину Донохью, намекая, что правда вот-вот выплывет наружу. Разместили рекламу в «Бостон глоуб» в надежде, что убийца встревожится и в конце концов перейдет в наступление. А что вы собирались делать потом? Передать его нам? Или взять правосудие в собственные руки?

Белла рассмеялась.

— Как бы мы, по-вашему, сделали это? Мы же *всего-навсего* женщины.

Теперь рассмеялась Джейн.

— Как будто я хоть когда-нибудь недооценивала *вас*! — Джейн полезла в свой портфель и достала оттуда экземпляр «Обезьяны», старинной китайской сказки в переводе Артура Уэйли[14]. — Не сомневаюсь, вы слышали о Царе Обезьян.

Белла бросила взгляд на книгу.

— Китайские сказки. Какое отношение они имеют ко всему этому?

— Мое внимание особенно привлекла одна глава этой книги под названием «История о Чэнь Э». Она об ученом муже, который путешествовал со своей беременной женой. На переправе на них напали бандиты и убили мужа. Жену похитили. Вы знаете эту сказку?

Белла пожала плечами.

— Ну слышала.

— Значит, вы должны помнить, как она заканчивается. В заточении жена рожает сына и втайне от всех кладет его на деревянную доску вместе с письмом, в котором описывает свою тяжелую судьбу. Как младенца Моисея, она отправляет его в плавание по реке. Ребенок доплывает до Храма Золотой горы, и там монахи принимают его на воспитание. Став мужчиной, он узнаёт правду о своих родителях. О том, что его отца зарезали, а мать заточили в неволе.

— И в чем же тут смысл?

— А смысл вот он, в словах, сказанных молодым мужчиной. — Джейн перевела взгляд на страницу и прочитала: — «Тот, кто не в силах отомстить за родителей, недостоин называться человеком»[15]. — Риццоли поглядела на Беллу. — Ведь в этом все дело, верно? Вы как сын из этой истории. Вас тоже неотступно преследует убийство вашего отца. Вы тоже считаете долгом отомстить за него. — Джейн положила книгу перед Беллой. — Царь Обезьян сделал бы именно это — стал бы бороться за справедливость. Защищать невиновных. Мстить за отца. Да, по ходу дела Обезьяна могла натворить немало безобразий. Например, побить весь фарфор или подджечь мебель. Но в конце концов справедливость торжествовала. Сунь Укун всегда поступал *правильно*.

Белла ничего не ответила, она просто смотрела на размахивавшего шестом обезьяньего воина.

— Я все прекрасно понимаю, Белла, — снова заговорила Джейн. — Вы вовсе не преступница. Вы дочь убитого человека, желающая того, что не может сделать полиция. Добиться справедливости. — Она понизила голос до сочувственного бормотания. — Именно это вы с Айрис стремились сделать. Выманить убийцу. Подтолкнуть его к нападению.

Неужели она действительно уловила едва заметный кивок? Неужели Белла, сама того не желая, признала, что это правда?

— Но план не совсем сработал, — продолжала Джейн. — Решив напасть, он нанял профессиональных убийц, чтобы они сделали эту работу за него. Так что вам до сих пор неизвестно, кто он. А теперь преступник забрал Айрис.

Белла посмотрела на Риццоли, в ее глазах пылала ярость.

— Это из-за *вас* ничего не получилось. Я должна была быть рядом, охранять ее.

— Она была приманкой.

— Она хотела рискнуть.

— И как же вы собирались самостоятельно добиться справедливости?

— А кто еще стал бы этим заниматься? Полиция? — Белла горько рассмеялась. — Столько лет ей было не до этого.

— Вы ошибаетесь, Белла. Черт возьми, мне еще как до этого.

— Тогда отпустите меня, чтобы я смогла найти ее.

— Но вы ведь даже не знаете, с чего начать.

— А вы знаете? — огрызнулась Белла.

— Мы занимаемся несколькими подозреваемыми.

— Ну да, а еще меня упекли без всякой причины.

— Я расследую два убийства. Вот в чем причина.

— Убитые были профессионалами. Вы же сами сказали.

— Но убийства есть убийства.

— А по первому у меня есть алиби. Вы прекрасно знаете, что я не убивала ту женщину на крыше.

— А кто же убил?

Белла поглядела на книгу, и ее губы вздрогнули.

— Возможно, Царь Обезьян.

— Речь о реальных людях.

— Вы говорите, что я подозреваемая, но прекрасно знаете: я не могла убить ту женщину. В таком случае можно обвинить и мифическое существо, потому что доказать его участие так же невозможно, как и мое. — Белла поглядела на Джейн. — Вы ведь знаете, как начинается народное предание? Как Сунь Укун возникает из камня и становится воином? В тот вечер, когда убили моего отца, я возникла из каменного подвала, словно Царь Обезьян. Я тоже пережила превращение. И стала такой, как сейчас.

Джейн пристально посмотрела в самые суровые глаза, какие ей доводилось видеть. Она попыталась представить Беллу пятилетней испуганной девочкой, но, казалось, в этом ожесточенном существе не осталось и следа былого ребенка. «А если бы я стала свидетельницей убийства близкого человека, была бы я другой?» — подумалось ей.

Риццоли поднялась.

— Вы правы, Белла. У меня недостаточно сведений, чтобы удерживать вас. Пока недостаточно.

— То есть... вы меня отпускаете?

— Да, вы можете идти.

— И за мной не будут следить? Я вольна сделать то, что необходимо?

— Что вы имеете в виду?

Белла поднялась со стула, словно львица, расправляющая лапы перед охотой, и женщины пристально поглядели друг на друга через стол.

— В бою все средства хороши, — ответила она.

Я слышу, как он дышит во тьме, которая окружает слепящий свет, направленный мне в глаза. Он не показал мне своего лица; я знаю лишь, что его голос мягок, словно крем. Но я не оказала содействия, и он начинает злиться, понимая, что меня не так-то просто сломать.

А теперь он еще и встревожен из-за персонального отслеживающего устройства, которое он обнаружил на моем запястье. Он блокировал его, вытащив батарейку.

— С кем ты работаешь? — спрашивает он. И сует устройство мне в лицо. — Кто отслеживает тебя?

Несмотря на то что мой рот разбит, а губы опухли, я все-таки умудряюсь произнести хриплым шепотом:

— Человек, с которым тебе не захочется встретиться. Но вскоре придется.

— Не придется, если он не найдет тебя.

Неизвестный бросает отслеживающее устройство вниз, и, ударившись об пол, оно издает звук разбивающейся надежды. Когда он снял его с меня, я еще не пришла в сознание, а потому не знаю, когда именно оно перестало передавать сигналы. Возможно, задолго до того, как я оказалась в этом месте, а это означает, что меня не смогут найти. И мне придется здесь умереть.

А я ведь даже не знаю, где я.

Мои запястья скованы наручниками, которые прикреплены к стене болтами. Голыми ступнями я чувствую бетонный пол. Света в помещении нет, за исключением того, который он направил мне в глаза, нигде нет и намека на солнечные лучи, проникающие сквозь щели в окнах. Вероятно, на улице ночь. А может быть, сюда никогда не проникает свет, и крики из этих стен никогда не просачиваются наружу. Я щурюсь от яркого света, пытаясь разглядеть окружающее пространство, но ничего, кроме этого луча и тьмы, не различаю. Мои руки вздрагивают, страстно желая обхватить оружие, завершить то, что я так много лет стремилась закончить.

— Ищешь свой меч, верно? — говорит он, помахивая клинком в луче света, чтобы я могла увидеть его. — Прекрасное оружие. Настолько острое, что им можно без всякого труда отрезать палец. Ты убила их именно им? — Он взмахивает мечом, и клинок со свистом проходит мимо моего лица. — Я слышал, что ее руку отрубили очень ровно. А его голову снесли одним махом. Оба были профессиональными убийцами и обоих застали врасплох. — Он поднес клинок к моей шее и прижал так плотно,

что металл затрепетал от моего скачущего пульса. — Ну, посмотрим, что он сделает с *твоим* горлом?

Я стою недвижно, не сводя глаз с черного овала его лица. Я уже примирилась с мыслью о смерти, так что я готова к ней. Честно говоря, все эти девятнадцать лет я готова была умереть, и взмахом клинка он наконец освободит меня, отпустит к моему мужу. Встречу с ним мне приходилось откладывать лишь из-за этого неоконченного дела. Сейчас я ощущаю вовсе не страх, а лишь сожаление о неудаче. Этот человек никогда не почувствует укус моего меча на своей шее.

— В тот вечер в «Красном фениксе» был свидетель, — сказал он. — Кто это?

— Неужели ты думаешь, что я скажу?

— Так значит, кто-то все-таки *был* там.

— И никогда не забудет этого.

Меч сильнее упирается мне в шею.

— Назови имя.

— Ты ведь все равно убьешь меня. Зачем мне это делать?

Повисает долгая пауза, и он убирает меч.

— Давай заключим сделку, — спокойно предлагает он. — Ты называешь мне имя свидетеля, а я рассказываю, что стало с твоей дочерью.

Я пытаюсь осознать его слова, но тьма начинает кружиться вокруг меня, а пол словно разверзается под моими ногами. Он видит, что я в замешательстве, и смеется.

— Ты ведь даже понятия не имела, что все это связано с ней, верно? С Лорой — ее ведь так звали? Ей было около четырнадцати. Я помню ее, потому что выбрал ее одной из первых. Красивая малышка. Длинные черные волосы, узкие бедра. Она была такой доверчивой. Ее нетрудно было уговорить сесть в машину. Она тащила столько тяжелых учебников и еще свою скрипку, а потому с благодарностью согласилась, чтобы ее подвезли до дома. Это оказалось легко, потому что я был другом.

— Я тебе не верю.

— А зачем мне врать?

— Тогда скажи мне, где она.

— Сначала назови мне имя свидетеля. Скажи, кто был в «Красном фениксе». А потом я сообщу тебе, что стало с Лорой.

Я никак не могу свыкнуться с этим открытием и пытаюсь понять, откуда этот человек знает о судьбе моей дочери. Она исчезла за два года до того, как мой муж погиб во время стрельбы в ресторане. Я даже не представляла, что между этими двумя событиями существует связь. Я полагала, что судьба просто нанесла мне двойной удар — этакое кармическое наказание за какой-нибудь жестокий поступок, совершенный в прошлой жизни.

— Она была такой талантливой девочкой! — произносит мягкий голос. — В первый же день репетиций я понял, что мне нужна именно она. Вивальди, «Концерт для двух скрипок». Помнишь, как она разучивала это произведение?

Его слова — словно взрыв, шрапнель рвет мое сердце, ибо теперь я понимаю, что он говорит правду. Он слышал, как играла моя дочь. Он знает, что с ней стало.

— Назови мне имя свидетеля, — настаивает он.

— Я могу сказать тебе только одно, — спокойно отвечаю я. — Ты покойник.

Удар обрушивается без предупреждения; он настолько силен, что моя голова откидывается и ударяется о стену. Сквозь гул в ушах я различаю слова, которые не хочу слышать.

— Она продержалась семь, а может, даже восемь недель. Дольше, чем остальные. На вид она казалась слабой, но была ох как сильна. Представьте себе, госпожа Фан. Целых два месяца, пока полиция искала ее, она была жива. Умоляла, чтобы ее отпустили домой, к мамочке.

Мое самообладание разлетается вдребезги. Я не могу сдержать слез, не могу подавить рыдания, сотрясающие мое тело. Они словно рев раненого животного, дикого, чужеземного...

— Я могу помочь вам *закрыть тему,* госпожа Фан, — произносит он. — Могу ответить на вопрос, который мучил вас все эти годы: где Лора? — Он приближается ко мне. Я по-прежнему не вижу его лица, однако чувствую запах, тяжелый и враждебный. — Скажи мне то, что я хочу знать, и неизвестность останется в прошлом и для тебя.

Я действую, не успев даже помыслить о каком-либо действии, — дикая, звериная реакция, которая удивляет нас обоих. Он отшатывается и вскрикивает от омерзения, вытирая мою слюну со своего лица. Я жду, что за этим последует новый удар, а потому готовлюсь снести боль.

Однако боль не приходит. Вместо того чтобы ударить меня, он наклоняется, поднимает сигнализатор, который швырнул на пол до этого, и сует его мне в лицо.

— А вообще-то ты вовсе не нужна мне, — говорит он. — Мне надо всего-навсего снова вставить батарейку и включить его. А потом немного подождать и посмотреть, кто явится.

Он уходит из помещения. Я слышу, как захлопывается дверь, как он, тяжело ступая, поднимается по лестнице, как стихает звук его шагов.

Со мной остается лишь горе, оно так больно вонзает в меня свои зубы, что я кричу и молочу руками, закованными в кандалы, которые сдирают кожу с моих запястий. Он забрал мою дочь. Он удерживал ее. Я вспомнила ночи после исчезновения Лоры, когда мы с мужем, прижавшись друг к другу, не решались произнести вслух наши общие мысли: «А вдруг она умерла?» Теперь я понимаю, что существовала и более страшная возможность, которую мы даже не могли себе вообразить, — что она жива. Что те два месяца, пока наша с Джеймсом надежда постепенно умирала, пока ее место занимало смирение, Лора все еще дышала. Все еще страдала.

В изнеможении я сползаю по стене, и мой крик угасает, переходя в стон. Исступление сменяется оцепенением. Приникнув спиной к бетонной стене, я пытаюсь совместить то, что знала до этого, с тем, что он сказал мне, а именно: спустя два года после похищения Лоры мой муж и еще четверо человек погибли во время массового убийства в ресторане «Красный феникс». Что общего между этими двумя событиями? Что их связывает? Этого он не объяснил.

Я силюсь вспомнить все его слова, пытаясь отыскать разгадки в тумане горя, застилающем мой разум. И в памяти вдруг всплывают две фразы — от этих слов кровь стынет у меня в жилах.

«Она продержалась семь, а может, даже восемь недель. Дольше, чем остальные».

Это открытие заставляет меня поднять голову. «Остальные».

Моя дочь была не единственной жертвой.

35

Что знал детектив Ингерсолл и почему его убили?

Этот вопрос больше всего занимал Джейн, когда она, уже ближе к вечеру, сидела за столом и просматривала записи, касающиеся убийства Ингерсолла. Она разложила перед собой фотографии с места происшествия, данные баллистической и трасологической экспертиз, перечень звонков на мобильный и городской номера, а также отчет о списаниях с банковской карты детектива. Если верить Донохью, Ингерсолла заказали несколько недель назад, примерно в то самое время, когда он начал задавать вопросы о пропавших девочках. Все это были старые дела, и полицейские управления Массачусетса уже давно махнули на них рукой. «Какое же чудовище ты разбудил?» — подумала Джейн, пристально вглядываясь в тело Ингерсолла на одной из фотографий.

И каким образом пропавшие девочки связаны с «Красным фениксом»?

Риццоли потянулась за делами пропавших девочек. Она уже подробно ознакомилась с деталями исчезновения Лоры и Шарлотты, а потому решила сейчас сосредоточиться на трех других делах. Все пропавшие были красивыми и хрупкими девочками. Все учились на «хорошо» и «отлично». У всех было множество талантов.

Патти Боулс и Шерри Танака участвовали в теннисных турнирах. Дебора Шиффер и Патти Боулс выставляли свои работы на художественных ярмарках. Дебора Шиффер играла на пианино в школьном оркестре. Однако эти три девочки не знали друг друга, во всяком случае, если верить родителям. К тому же они исчезли в разном возрасте. Шерри Танаке было шестнадцать. Деборе Шиффер — тринадцать. А Патти Боулс — пятнадцать. Одна училась в среднем классе, две — старшеклассницы.

Джейн на мгновение задумалась. Вспомнила, что на момент похищения Лоре Фан было четырнадцати лет.

Она набросала список, расставив девочек в порядке исчезновения.

Дебора Шиффер, тринадцать лет.

Лора Фан, четырнадцать лет.

Патти Боулс, пятнадцать лет.

Шерри Танака, шестнадцать лет.

Шарлотта Дион, семнадцать лет.

Словно флеш от десятки до туза, как в покере. Каждый год новая девочка, причем все старше и старше. Словно с годами похитителю начинали нравится более взрослые жертвы.

Джейн потянулась к папке с последними фотографиями Шарлотты, сделанными на двойных похоронах ее матери и отчима, и снова просмотрела всю серию снимков фотографа из «Бостон глоуб». Бледная и худенькая Шарлотта в черном платье, окруженная скорбящими. Шарлотта, уходящая к краю толпы, и Марк Мэллори, сводный брат, пристально глядящий ей вслед. Фотография, на которой не было ни Шарлотты, ни Марка, а лишь Патрик, смущенный тем, что его дочь так внезапно ушла. Наконец Джейн добралась до последнего снимка, на котором дети снова были в кадре, — Марк шел рядом с Шарлоттой. Высокий и широкоплечий, он запросто совладал бы со своей сводной сестрой.

Каждый год — более взрослая девочка.

Исчезновение Деборы Шиффер совпало с годовщиной свадьбы Дины и Артура Мэллори. Они создали новую семью, не забывая о старых, и это повлекло за собой совместные мероприятия. Школьные собрания. Выступления оркестра. Теннисные турниры штата.

«Неужели жертвы избирались именно так? — задумалась Джейн. — Через Шарлотту?»

Она взяла телефон и набрала номер Патрика Диона.

— Простите, что надоедаю вам во время ужина, — извинилась Джейн. — Но нельзя ли мне снова взглянуть на школьные ежегодники Шарлотты?

— Добро пожаловать в любое время. Обнаружилось что-нибудь новое?

— Точно не знаю.

— А что именно вы ищете? Может быть, я помогу вам?

— Я много думала о Шарлотте. О том, не она ли ключ ко всему тому, что произошло.

В трубке послышался скорбный вздох Патрика.

— Моя дочь всегда была ключом, детектив. Ключом к моей жизни. Ко всему тому, что наполняло ее смыслом. Больше всего на свете мне хотелось бы узнать, что с ней стало.

— Я понимаю, сэр, — мягко ответила Джейн. — Я знаю, что вам необходимы объяснения, и думаю, что мне, возможно, удастся их найти.

Патрик открыл ей дверь. Он был в мешковатом свитере, широких хлопчатобумажных брюках и тапочках. Лицо Патрика, как и его свитер, выглядело обвислым, выражение было озабоченным, и, казалось, многолетнее горе запечатлелось в каждой складочке. А Джейн своим появлением снова напоминала о самом страшном. Из-за этого Риццоли почувствовала себя виноватой, и, когда они пожимали друг другу руки, Джейн несколько продлила этот жест, стремясь таким образом извиниться. Сказать, что она его понимает.

Дион печально кивнул и, шаркая тапками по деревянному полу, повел ее в гостиную.

— Ежегодники уже дожидаются вас, — сообщил он, указывая на альбомы, лежавшие на обеденном столе.

— Я только отнесу их в машину и отправлюсь в обратный путь. Спасибо.

— Бог мой. — Он нахмурился. — Если вы не против, я бы не хотел, чтобы их забирали из дома.

— Я буду обращаться с ними предельно осторожно. Обещаю.

— Не сомневаюсь, что так и будет, но... — Патрик положил руку на стопку альбомов с таким видом, будто благословлял ребенка. — Это то, что осталось от моей дочери. И знаете, очень трудно выпускать их из своих рук. Я буду волноваться, что они потеряются или испортятся. Что, возможно, кто-нибудь украдет их из вашей машины. Или вы попадете в аварию и... — Он осекся и горестно покачал головой. — Я ужасно себя веду, верно? Ценю стопку альбомов до такой степени, что меня волнует только *их* судьба. А ведь это всего-навсего картон и бумага.

— Они значат для вас гораздо больше. Я понимаю.

— Так что, вы уважите меня? Вы можете спокойно сидеть здесь столько, сколько понадобится, и рассматривать их. Принести вам что-нибудь? Бокал вина?

— Спасибо, я на службе. К тому же я за рулем, а мне еще ехать домой.

— Значит, кофе.

Джейн улыбнулась.

— Это было бы замечательно.

Патрик отправился на кухню заваривать кофе, а Риццоли, устроившись за обеденным столом, разложила перед собой ежегодники. Дион принес все выпуски, включая альбомы тех времен, когда Шарлотта ходила в начальные классы. Ежегодники ранних лет Джейн отложила в сторону и открыла первый альбом Болтонской академии — в то время Шарлотта училась в седьмом классе. На фотографии была изображена хрупкая блондинка с брекетами на зубах. Подпись гласила: «Шарлотта Дион. Оркестр, теннис, искусство». Джейн перелистнула несколько страниц в поисках учеников повзрослее и обнаружила фото Марка Мэллори в разделе десятиклассников. Тогда ему, очевидно, было пятнадцать лет, а среди его интересов значились оркестр, лакросс, шахматы, фехтование, драма. Марка и Шарлотту объединила музыка, она же изменила их жизни и их семьи. Чета Дион и чета Мэллори познакомились благодаря школьным выступлениям детей. Они стали друзьями. Затем Дина, оставив Патрика, ушла к Артуру, и все круто переменилось.

— Вот, — сказал Патрик, появившись в комнате с подносом, на котором стоял кофейник. Он налил кофе в чашку, затем поставил на стол сахар и сливки. — Вы, наверное, голодны. Я могу сделать вам сандвич.

— Нет, все замечательно, — ответила Джейн, потягивая горячий кофе. — Я поздно обедала, а поужинаю дома.

— Похоже, близкие вас понимают.

Джейн улыбнулась.

— Мой муж знал, что его ждет, когда женился на мне. Да, кстати, о нем.

Она вытащила свой мобильный и быстро написала сообщение Габриэлю: «Буду поздно. Ужинай без меня».

— Вы находите то, что вам необходимо? — поинтересовался Патрик, кивнув на ежегодники.

Джейн отложила телефон.

— Пока не знаю.

— Если вы скажете мне, что ищете, вероятно, я смогу вам помочь.

— Я ищу связи, — ответила Риццоли.

— Между чем и чем?

— Между вашей дочерью и вот этими девочками. — Джейн открыла папку, которую принесла с собой, и указала на список из четырех имен.

Патрик нахмурился.

— О Лоре Фан я, конечно же, знаю. Когда пропала Шарлотта, полиция пыталась отыскать связи между ними. Но что касается других девочек, боюсь, их имена мне не знакомы.

— Они не учились в Болтонской академии, но, как и ваша дочь, бесследно исчезли. Из разных городов, в разные годы. Мне интересно, знала ли Шарлотта кого-то из них. Возможно, они встречались на занятиях музыкой или спортом.

На некоторое время Патрик задумался.

— Детектив Букхольц говорил мне, что дети исчезают постоянно. Почему вы занимаетесь именно этими девочками?

Потому что этот путь указал нам покойник по фамилии Ингерсолл, подумала Риццоли. А вслух сказала:

— Эти имена всплыли в ходе расследования. Возможно, здесь вовсе нет никакой связи. Но если она все-таки существует, я смогу отыскать ее здесь.

— В ежегодниках Шарлотты?

Джейн пролистала страницы, связанные с внеклассными занятиями учеников.

— Смотрите, — сказала она, — я заметила это в прошлый раз. Болтонская академия тщательно документирует все, чем занимаются ученики, — от школьных концертов до теннисных игр. Возможно, потому что ученический состав невелик.

Джейн указала на страницу, где были помещены фотографии улыбающихся школьников и их научных проектов. Подпись гласила: «Научная ярмарка Новой Англии, Берлингтон, штат Вермонт, 17 мая».

— Я надеюсь, что эта документация, — продолжила она, — поможет мне восстановить школьные годы Шарлотты. Где она бывала, в каких мероприятиях участвовала. — Джейн взглянула на Патрика. — Она играла на альте. Именно так вы и познакомились с семейством Мэллори. На музыкальных выступлениях детей.

— И как это вам поможет?

Джейн перевернула страницы и оказалась в музыкальном разделе.

— Вот. В этом году она впервые играла в оркестре.

Джейн указала на групповую фотографию музыкантов, на которой также присутствовали Шарлотта и Марк. Под ней стояла подпись: «На январском выступлении оркестра зрители устроили овацию!»

Всего один взгляд на фотографию заставил Патрика поморщиться так, словно он испытывал физическую боль.

— Это, знаете ли, очень тяжело, — тихо проговорил он. — Смотреть на эти фотографии… Вспоминать, как…

— Вам необязательно это делать, господин Дион. — Джейн коснулась его руки. — Я сама просмотрю ежегодники. А если появятся вопросы, я их задам.

Патрик кивнул. Внезапно он стал выглядеть гораздо старше своих шестидесяти семи лет.

— Тогда я вас оставлю, — проговорил Дион и тихо удалился из гостиной, задвинув за собой дверь-купе.

Джейн налила себе еще одну чашку кофе. А затем открыла новый ежегодник.

В тот год Шарлотта училась в восьмом классе; ей было тринадцать, а Марку — шестнадцать лет. Он уже заметно повзрослел — на фотографии были заметны массивный подбородок и широкие плечи. Личико Шарлотты по-прежнему оставалось детским — бледным и утонченным. Просматривая раздел внеклассных занятий, Джейн искала фотографии Шарлотты и Марка. Она нашла обоих на групповом портрете с «Битвы оркестров» всего Массачусетса, которая проводилась 20 марта в Лоуэлле.

Дебора Шиффер жила в Лоуэлле и играла на пианино.

Джейн пристально разглядывала снимок, запечатлевший Шарлотту и ее товарищей по музыке. Дебора пропала спустя два месяца после того, как была сделана эта фотография.

В руке у Джейн загудело от возбуждения и кофеина. Она осушила свой кофе и налила еще одну чашку. Потом стала изучать ежегодник Шарлотты-девятиклассницы. Отыскивая музыкальный раздел, Джейн уже знала, что обнаружит. Она остановилась на фотографии восьми учеников-музыкантов с инструментами. Внизу была подпись: «Болтонские лучшие из лучших направляются на летний мастер-класс

Бостонского оркестра». Шарлотты на фотографии не оказалось, зато на ней был Марк Мэллори. Тогда ему, загадочному красавчику, способному вскружить голову любой девочке-подростку, было уже семнадцать. В тот год Лоре Фан исполнилось четырнадцать. Она тоже посещала мастер-класс в Бостоне. Неужели Лора была ослеплена красотой и богатством мальчика, которому девочка с таким скромным происхождением должна была казаться невидимкой?

Или это он обратил на нее внимание?

У Джейн пересохло горло, а гудение в голове усилилось. Она снова глотнула кофе и потянулась за следующим альбомом — ежегодником Шарлотты-десятиклассницы. Открыв его, она вдруг осознала, что буквы почему-то кажутся смазанными, а лица — нечеткими. Риццоли протерла глаза и отыскала раздел внеклассных занятий. Там снова была фотография Шарлотты с альтом среди музыкантов оркестра. Но Марк уже окончил академию, и возле литавр стоял другой мальчик.

Джейн обратилась к спортивному разделу. Она опять протерла глаза, изо всех сил пытаясь рассеять туман. Фотография то становилась четкой, то снова расплывалась, но Джейн еще могла различить лицо Шарлотты среди других теннисистов. «Команда Болтонской академии завоевала второе место на региональных соревнованиях».

Патти Боулс тоже играла в теннис, подумала Джейн. Она была десятиклассницей, как и Шарлотта. Может быть, она участвовала в этих региональных соревнованиях и привлекла чье-то внимание? Например, некоего человека, который запросто мог узнать, кто она и в какой школе учится?

Патти Боулс исчезла спустя шесть недель после соревнований.

Джейн потрясла головой, но туман перед глазами, казалось, только сгущался. «Происходит что-то не то», — поняла она.

Сквозь гул в ушах Риццоли расслышала трель телефона. И голос Патрика. Она попыталась позвать на помощь, но не смогла произнести ни звука.

С трудом поднявшись на ноги, Риццоли услышала, как стукнулся об пол упавший стул. Ее ноги совершенно ничего не ощущали, они походили на бесчувственные и неуклюжие ходули. Шатаясь и боясь, что она вот-вот упадет, что Патрик обнаружит ее на полу в унизительной безвольной позе, Джейн побрела в сторону дверей-купе. Она протянула руку к створкам, но они, казалось, отступили, насмехаясь над ее стараниями.

Как Джейн ни старалась коснуться двери кончиками пальцев, та все время оказывалась еще дальше.

Вдруг Джейн качнуло вперед, и двери внезапно разъехались. На пороге возник Патрик.

— Помогите, — прошептала она.

Но Дион не двинулся с места. Он просто стоял и с холодным спокойствием смотрел на Риццоли. Только теперь Джейн поняла, какую ошибку она совершила. Это была последняя мысль, перед тем как Риццоли без сознания рухнула к ногам Патрика Диона.

36

Ее мучила жажда, ужасная жажда. Джейн попыталась сглотнуть, но в горле у нее жгло, а язык пересох до такой степени, что напоминал прижатый к нёбу старый ботинок. Постепенно она начала подмечать и другие ощущения. В левом предплечье покалывало — рука затекла от долгого лежания в одной позе. Под щекой было что-то холодное и зернистое. А еще Джейн услышала чей-то голос, упорно и настойчиво звавший ее. Женский голос не давал ей спать, он продолжал изводить и будить ее сознание.

— Очнитесь! Вы должны очнуться!

Джейн открыла глаза — а может, просто подумала, что открыла. Тьма была настолько непроницаемой, что Джейн подумала: вдруг она застряла в сумеречном пограничье между сном и бодрствованием, парализованная, но в сознании? Или она не в силах пошевелиться по какой-то иной причине? Риццоли попыталась перевернуться на спину, но вдруг поняла, что ее руки и ноги связаны. Силясь высвободить запястья, она встретила непреклонное сопротивление клейкой ленты. Пол, в который упиралась ее щека, был бетонным, его холод проникал сквозь одежду; бедра саднили. Риццоли не понимала, как оказалась в этом зябком мрачном месте. Она помнила лишь, что сидела в гостиной у Патрика и листала ежегодники Шарлотты. А еще — пила кофе. «Кофе, которым он меня угостил», — подумала Джейн.

— Детектив Риццоли! Очнитесь, *прошу вас!*

Джейн узнала голос Айрис Фан и повернула голову в ту сторону, откуда шел звук.

— Как… где…

— Я не в состоянии помочь вам. Я здесь, у стены. Прикована к ней. Думаю, мы в каком-то подвале. Возможно, в его доме. Не знаю, потому что не помню, как я тут оказалась.

— Я тоже, — простонала Джейн.

— Он притащил вас сюда несколько часов назад. У нас не так уж много времени. Он ждет, пока вернется второй.

«Второй». Джейн изо всех сил пыталась думать, не обращая внимания на туман, стелющийся в ее голове. Конечно же, Патрик не мог работать в одиночку. При его шестидесяти семи годах ему наверняка нужен был человек, способный помочь тогда, когда требовалась сила. Поэтому он нанимал профессиональных убийц, чтобы расправиться с Ингерсоллом и Айрис.

— Нам необходимо подготовиться, — сказала госпожа Фан. — Пока они не вернулись.

— Подготовиться? — Джейн не смогла сдержать отчаянный смешок. — Я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Я даже пальцев своих не чувствую.

— Но вы можете перекатиться к стене. У двери висит связка ключей. Я видела ее, когда он включил свет и принес вас сюда. Возможно, они подойдут к моим наручникам. Вы освободите меня, и тогда я освобожу вас.

— С какой стороны дверь?

— Справа от меня. Двигайтесь на мой голос. Ключи висят на крючке. Если вам удастся подняться на ноги и ухватить ключи зубами…

— Что-то слишком много «если».

— *Сделайте это.* — Команда, резкая, как удар клинка, пронзила тьму. Однако следующие фразы прозвучали тихо. — Он похитил мою дочь, — прошептала Айрис прерывистым от рыданий голосом. — Это его рук дело.

Слушая плач Айрис, оглашавший мрак, Джейн думала о других пропавших девочках. О Деборе Шиффер. Патти Боулс. Шерри Танаке. А сколько было еще девочек, имена которых им пока неизвестны? «Даже его собственная дочь Шарлотта», — промелькнуло в голове у Джейн.

Она попыталась освободиться от пут, но клейкая лента, любимый инструмент Макгайвера[16] и серийных убийц, не поддавалась. Как ни

старайся, как ни выкручивайся, а клейкие узы все равно останутся на запястьях.

— Не дайте ему победить, — промолвила Айрис. Ее голос выровнялся, и в нем снова зазвучали стальные нотки.

— Я тоже хочу до него добраться, — отозвалась Джейн.

— Ключи. Вы должны достать их…

Айрис еще не договорила эту фразу, а Джейн, извиваясь, уже катилась по полу. Ушибленное бедро ударилось о бетон — Риццоли охнула и замерла, тяжело дыша, ожидая, пока уляжется боль. Потом она снова дернулась и опять ударилась — теперь уже лицом в бетон, поцарапав нос и клацнув зубами. Джейн перевернулась на здоровый бок, подтянула колени и застыла в позе эмбриона; она изо всех сил пыталась побороть слезы, вызванные болью и отчаянием. Как она достанет ключи? Она и по полу-то не способна ползти, не говоря уж о том, чтобы подняться на ноги и дотянуться до связки.

— У вас есть дочь, — тихо проговорила Айрис.

— Да.

— Подумайте о ней. О том, на что вы способны, чтобы снова обнять ее. Ощутить аромат ее волос, коснуться ее лица. Подумайте. *Представьте.*

Казалось, спокойный приказ родился где-то в ее голове, словно это ее собственный голос требовал действовать. Джейн вспомнила Реджину в ванночке, скользкую и пахнущую мылом, ее кудряшки, прилипшие к розовой коже. Подумала о Реджине, которая может стать молодой женщиной, не знающей своей матери, ну разве что в образе призрака, отражающегося в ее собственном лице, в ее собственных чертах. А еще Джейн подумала о стареющем и седеющем Габриэле. «Мы потеряем целую совместную жизнь, если я не сумею уцелеть сегодня ночью», — пронеслось у нее в голове.

— Подумайте о ней, — лился во тьме голос Айрис. — Она даст силы, которые нужны вам для *борьбы.*

— Наверное, именно так вам удавалось выживать все эти годы?

— Это все, что у меня было. Это сохраняло мне жизнь — надежда, что дочь может вернуться ко мне. Я жила ради этого, детектив. Я жила ради того дня, когда снова увижу ее. А если этого уже не случится, значит, ради того дня, когда свершится правосудие. Во всяком случае, ради сознания, что я погибну в борьбе за него.

Джейн снова перекатилась по полу — ушибленное бедро в очередной раз аукнулось болью, бетон царапнул по лицу, — и вдруг ее спина натолкнулась на стену, Риццоли легла на бок, переводя дыхание и собирая силы для следующей, куда более сложной задачи.

— Я добралась до стены, — сообщила она.

— Поднимитесь на ноги. Дверь — в дальнем конце.

Опираясь о стену, Джейн попыталась изогнуться, чтобы подняться на колени, но потеряла равновесие и упала лицом вниз, ударившись челюстью. Боль пронзила ее зубы и череп.

— Ваша дочь, — не унималась Айрис. — Как ее зовут?

Облизнув губу, Джейн ощутила привкус крови. Почувствовала, что мягкие ткани уже вздулись и распухли.

— Реджина, — ответила она.

— Сколько ей?

— Два с половиной года.

— И вы очень ее любите.

— Конечно же, люблю.

Застонав, Джейн с трудом поднялась на колени. Она понимала, что делает Айрис, и ощущала прилив сил в мышцах, новую твердость в спине. Нет, никто не сможет разлучить ее с дочкой. Она выживет этой ночью, точно так же, как Айрис выживала последние два десятилетия, потому что для матери нет ничего важнее, чем надежда снова увидеть свое дитя. Она поборола силу тяжести, напрягла спину и шею и села на корточки.

— Реджина, — продолжала Айрис. — Она — кровь в ваших жилах. Воздух в ваших легких.

Голос госпожи Фан гипнотизировал, а произнесенные шепотом слова казались заклинанием, от которого руки и ноги Джейн обдавало жаром. Слова, звучавшие на универсальном языке, понятном каждой матери.

«Она — кровь в ваших жилах. Воздух в ваших легких».

Поднимись на ноги, мысленно велела себе Джейн. Достань ключи.

Стоя на корточках, она качнулась вперед, напрягая мышцы, и попробовала выпрямиться. Джейн оказалась на ногах, но продержалась, шатаясь, всего несколько секунд, а затем потеряла равновесие и рухнула вперед, сильно ударившись коленями о бетон.

— Еще раз, — велела Айрис.

В ее голосе не прозвучало ни намека на сочувствие. Неужели она так же безжалостна к своим ученикам? Неужели именно так готовят настоящих воинов — со всей беспощадностью, на грани возможного?

— Ключи, — напомнила Айрис.

Джейн сделала глубокий вдох, напряглась и выпрямилась. Она шаталась, но стояла на ногах, и теперь стена была совсем рядом. Джейн уперлась в нее плечом, ожидая, когда прекратится спазм в икре.

— Я поднялась, — сообщила она.

— Идите в дальний угол. Дверь там.

Джейн сделала шажок, слегка подпрыгнула, снова пошатнулась, но устояла. Она дойдет. Она может это сделать.

— Когда мы освободимся, нам все равно придется как-то одолеть его, — сказала Джейн. — А мой пистолет у него.

— Мне не нужно оружие.

— Ах, ну да. Ниндзя просто летают по воздуху.

— Вы ничего не знаете обо мне. И о том, на что я способна.

Джейн снова подпрыгнула и приземлилась враскорячку, как кенгуру.

— Вот и расскажите. Раз уж нам все равно придется умереть. Царь Обезьян — это вы?

— Царь Обезьян — это сказка.

— Но шерсть у него настоящая. И убивает он настоящим мечом. Так кто же это?

— Существо, которое лучше иметь среди союзников, детектив.

— Для начала я хочу знать, кто это.

— Он живет в вас и во мне. Он живет в каждом, кто верит в справедливость.

— Это не ответ.

— Это все, что я могу вам сказать.

— Я говорю не обо всей этой мистической ерундистике. — Тяжело дыша, Джейн снова подпрыгнула. — Я говорю о живом существе, которое я видела своими глазами. Оно спасло мне жизнь. — Риццоли остановилась, чтобы перевести дух. И тихо добавила: — Я просто хочу поблагодарить его — или ее. Так что если вы знаете, кто это, не могли бы вы передать благодарность?

— Оно в курсе, — так же тихо ответила Айрис.

Джейн еще раз подпрыгнула и ударилась лбом о дверь.

— Я добралась.

— Связка висит примерно на уровне вашей головы. Вы можете нащупать ее?

Проведя щекой по стене, Джейн вдруг почувствовала, что в нее впился металл. Услышала тихое звяканье ключей.

— Нашла!

— Пожалуйста, не уроните их.

Джейн ухватила связку зубами и, приподняв, сняла с крючка. «Мы сделаем это, — стучало у нее в голове. — Мы переборем их...»

Скрип открывающейся двери заставил ее замереть. Вспыхнул свет — такой яркий и ослепляющий, что Джейн, съежившись, прижалась к стене.

— Ого, да тут осложнение, — заметил знакомый голос.

Джейн медленно открыла глаза, опасаясь яркого света, и увидела Марка Мэллори, стоявшего рядом с Патриком. Их всегда было двое, поняла Риццоли. Они вместе охотились. Вместе убивали. А тем, что связывало этих двух мужчин, была Шарлотта. Бедная девочка! Любой ее интерес, любое увлечение приводили хищников к добыче; невинный теннисный матч или выступление оркестра превращались для убийц в благоприятную возможность увидеть новые лица и выбрать новую жертву.

Марк схватил кольцо, на котором висели ключи, и вынул его у Джейн изо рта. Затем толкнул ее, и Риццоли повалилась на пол.

— Кто-нибудь знает, что она поехала сюда?

— Придется предположить, что да, — ответил Патрик. — Поэтому нам следует избавиться от ее машины. Это нужно было сделать еще несколько часов назад. Если бы ты только пораньше приехал!

— Я хотел понять, появится ли кто-нибудь.

— И никто не пришел за ней?

— Возможно, устройство сломано. — Марк поглядел на Айрис. — А может быть, она просто никому не нужна. Я прождал четыре часа, но никто не явился.

— Но за *этой* кто-нибудь уж точно придет, — проговорил Патрик, глядя на Джейн.

— Где ее мобильный?

Патрик передал аппарат Марку.

— Что ты собираешься делать?

— Судя по всему, последнее сообщение она отправила мужу. — Мэллори принялся набирать новое СМС на телефоне Джейн. — Давай уведомим его, что она направилась в Дорчестер и приедет домой чуть позже.

— А что потом?

— Нужно инсценировать несчастный случай. Или самоубийство. — Марк посмотрел на Патрика. — Раньше это у тебя неплохо получалось.

Дион кивнул.

— Ее пистолет — в гостиной.

— Мой муж все поймет, — пообещала Джейн. — Он знает, что *я ни за что* не покончила бы жизнь самоубийством.

— Супруги всегда говорят нечто подобное. Но полиция никогда им не верит. Верно, детектив? — спросил Марк и улыбнулся.

Если бы ее конечности не были связаны, Джейн вскочила бы на ноги и отдубасила бы его, выбила бы кулаками эти безупречные зубы. Однако

даже ярость, питавшая ее мышцы, не помогла вырваться из пут, и Джейн пришлось лишь наблюдать, как Мэллори дописывает и отправляет сообщение. Она подумала о том, как это, скорее всего, произойдет. Одну пулю пустят ей в голову, чтобы прикончить, а второй выстрел оставит пороховой нагар на ее руке — инсценировка та же, что и с У Вэйминем. Марк сказал чистую правду: проще всего не обращать внимания на возражения членов семьи. Она вспомнила тело молодого человека, у которого полголовы было снесено выстрелом из дробовика. И его рыдающую мать, причитавшую: «Он ни за что не стал бы делать с собой такое! Он недавно изменил свою жизнь к лучшему!» Джейн припомнила свой собственный комментарий, которым потом поделилась с Фростом, — мол, бестолковые родственники никогда не видят, что творится у них под носом.

— Вы наделали столько ошибок, — заметила Айрис. — Вы даже не представляете себе, что очень скоро произойдет.

Повернувшись к ней, Марк рассмеялся.

— Смотрите, кто открыл рот! Дамочка, прикованная к стене!

Айрис смерила его пугающе холодным взглядом.

— Пока вам не пришел конец, скажите мне, почему вы выбрали мою дочь.

Марк подошел к Айрис почти вплотную. Он был гораздо выше, и все преимущества сейчас были на его стороне, однако Айрис, казалось, ни капельки не боялась его.

— Маленькая красавица Лора. Ты ее помнишь, Патрик? — Он поглядел на своего напарника. — Девочка, которую мы забрали, когда она вышла из школы. Мы еще предложили ее подвезти.

— *Почему?* — не унималась Айрис.

Марк улыбнулся.

— Потому что она была особенная. Они все были такие.

— Мы теряем время, — напомнил Патрик, подходя к Джейн. — Давай вынесем ее отсюда.

Но Марк по-прежнему не сводил глаз с Айрис.

— Иногда девочку выбирал я. Иногда Патрик. Никогда не знаешь, что именно привлечет тебя. Хвостик на голове. Хорошенькая задница. В девочке должно быть что-то выдающееся. Делающее ее заметной.

— Шарлотта наверняка знала об этом, — сказала Джейн, с отвращением глядя на Патрика. — Наверняка она поняла, кто вы есть на самом деле. Боже мой, собственный *отец!* Как вы могли убить ее?

— Шарлотта не имела отношения к этому.

— Не имела отношения? Да она была в центре всей этой истории!

Зазвонил телефон Джейн. Марк бросил взгляд на номер, появившийся на дисплее, и проговорил:

— Похоже, муженек хочет проверить, как дела у его женушки.

— Не отвечай, — велел Патрик.

— Я и не собирался. Сейчас я выключу телефон, и мы отнесем ее в машину.

— Думаете, все будет так просто? — снова подала голос Айрис.

Не обратив на нее внимания, мужчины наклонились, чтобы подхватить Джейн. Патрик взял ее за ноги, а Марк — за подмышки. Джейн попыталась увернуться, но у нее ничего не получилось. Преступники запросто подняли ее и понесли к двери.

— Вы уже проиграли, — произнесла Айрис, — просто пока не знаете об этом.

Марк фыркнул.

— Я-то прекрасно знаю, кто прикован к стене.

— А я прекрасно знаю, кто прибыл сюда следом за тобой.

— За мной никто не... — Он осекся, потому что свет внезапно погас.

В наступившей кромешной тьме преступники отпустили Риццоли, и она рухнула на пол, сильно ударившись головой о бетон. Джейн лежала, оглушенная, и пыталась понять, что происходит в помещении, погруженном в абсолютный мрак, наполненном проклятиями и частым испуганным дыханием.

— Что это такое, черт возьми? — встревожился Марк.

— Началось, — прошептал во тьме голос Айрис.

— Заткнись! Немедленно заткнись! — заорал Марк.

— Возможно, ничего и не произошло, — сказал Патрик, хотя в его голосе чувствовалась тревога. — Возможно, это просто короткое замыкание. Пойдем наверх и посмотрим.

Дверь с грохотом захлопнулась, и звук шагов затих где-то наверху. Джейн слышала лишь бешеное биение собственного сердца.

— Вам нужно лежать очень тихо и сохранять спокойствие, — проговорила Айрис.

— Что происходит?

— То, что уже давно должно было произойти.

— Вы знали? Вы ждали этого?

— Слушайте меня внимательно, детектив. Это не ваша битва. Она была запланирована много лет назад и произойдет без вашего участия.

— А кто же в ней будет участвовать? Что там происходит?

Айрис не ответила. В этом безмолвии Джейн скорее почувствовала, чем услышала, как ее щеки что-то легко коснулось, словно в помещение с легким шорохом проник ветерок и принялся разгонять сумрак. «Мы здесь не одни, — поняла Риццоли. — С нами кто-то еще».

Она услышала тихий стук раскрытых наручников. И шепот:

— Простите, сыфу. Я должна была прийти раньше.

— А моя сабля?

— Вот Чжен И. Я нашла ее наверху.

Джейн узнала голос.

— Белла?

К губам Риццоли прижалась чья-то рука, а голос Айрис прошелестел:

— Оставайтесь здесь.

— Но вы же не можете бросить меня вот так!

— Здесь безопаснее.

— Разрежьте хотя бы ленту на моих руках и ногах!

— Нет, — возразила Белла. — От нее будет много неприятностей.

— А если вы потерпите неудачу? — настаивала Джейн. — Я застряну здесь и не смогу даже защититься. Дайте мне хотя бы возможность постоять за себя.

Она почувствовала, как кто-то потянул ее за руки, а затем услышала тихий свист клинка, перерезающего путы из клейкой ленты. Еще одно движение сабли освободило ее щиколотки.

— Запомните, — прошептала ей в ухо Айрис, — это не ваша битва.

«Теперь и моя тоже», — мысленно возразила Джейн. Однако, пока женщины исчезали во мраке, Риццоли хранила молчание и неподвижность. Она не могла ни слышать, ни видеть их движений, лишь снова почувствовала поцелуй воздуха на своей щеке, словно женщины растворились в ветре и с почти беззвучным шепотом умчались к двери, а затем вверх по лестнице.

Джейн попыталась подняться на ноги, но головокружение было настолько сильным, что она беспомощно зашаталась во тьме. Риццоли снова села на пол, чувствуя боль в ушибленной голове. От этого ушиба и действия наркотика Джейн испытывала огромную слабость. Она протянула руку, нащупала стену и снова попыталась встать, на этот раз прислоняясь к ней, — неуклюже, словно новорожденный жеребенок.

Звук выстрела. Джейн вздернула подбородок. Мне нельзя сидеть здесь, как в западне, решила она. Нужно выбраться из этого дома.

Риццоли ощупью добралась до двери. Она была не заперта и открылась с легким скрипом. Откуда-то сверху до слуха Джейн донесся звук тяжелых шагов — там кто-то бежал. Раздались еще два выстрела.

«Убирайся отсюда немедленно, — мысленно приказала она себе. — Иначе эти двое вернутся за тобой».

Джейн начала подниматься по лестнице, двигаясь медленно, чтобы не производить шума. Она опасалась, что кто-нибудь заметит ее присутствие. Без оружия, не имея возможности обороняться, Джейн не могла вступить в эту битву. Она была штафиркой, пытающейся ускользнуть из зоны боевых действий и оказаться в безопасности — не важно, где. Надо отыскать выход и выбраться из дома. У нее не было ключей от машины, так что придется бежать до соседей. Она попыталась

представить себе участок. Вспомнила длинную подъездную дорожку, лес, лужайки и высокую изгородь вокруг них. При свете дня это место напоминало частный райский сад, отгороженный от внешнего мира. Теперь же Джейн знала, что ворота и остроконечные столбы предназначены не только для того, чтобы отгородиться от людей, но и чтобы удерживать их внутри. Это не райский сад, а лагерь смерти.

Риццоли добралась до верхней ступени и ощупала еще одну закрытую дверь. Она прижала к ней ухо, но ничего не услышала. Тишина беспокоила ее. Сколько выстрелов прозвучало? По крайней мере три, вспомнила она, ими вполне могли поразить Беллу и Айрис. Неужели там, за дверью, лежат две мертвые женщины? А вдруг Патрик и Марк уже направились в подвал, чтобы отыскать ее?

Скользкой от пота рукой Джейн нажала на ручку. Дверь отворилась беззвучно и выпустила ее во тьму, которая оказалась такой же кромешной, как в подвале. Риццоли не могла различить ни теней, ни силуэтов. Здесь пол тоже был бетонным. Джейн медленно и осторожно ступала по нему, вытянув руки, чтобы ощупывать невидимые препятствия, и тут услышала, как что-то маленькое и металлическое покатилось по полу, задетое ее туфлей. Она ударилась бедром, натолкнувшись на край какого-то предмета, и остановилась, пытаясь догадаться, что это такое. На ощупь оказалось, что это покрытый пылью стол. Ее пальцы вдруг уколол зубчатый металл, и Джейн потрясенно отпрянула. Перед ней был циркулярный станок. Во тьме она продвинулась еще на метр и встретила новое препятствие. На этот раз — сверлильный станок. Столярная мастерская Патрика. Джейн стояла посреди станков, размышляя о пилах и дрелях и о том, для чего именно предназначалось это оборудование — только ли для обработки красного дерева и клена?

В новом приступе паники она принялась неуклюже искать выход из темного помещения. Коснувшись стены, Джейн повела по ней рукой, пока не обнаружила угол.

Снова послышались выстрелы. Целых четыре подряд. «Прочь отсюда, прочь!» — стучало в голове у Риццоли.

В конце концов отыскав дверь, она, не теряя времени, выскользнула из нее и обнаружила еще один лестничный пролет. Насколько глубоко под землей располагаются эти помещения?

«Так глубоко, что никто не услышит моих криков», — поняла Джейн.

Оказавшись на верхней ступеньке, она вышла еще через одну дверь и шагнула в устланный ковром коридор. Во мраке Джейн с трудом

различала силуэты предметов и балюстрады, находившейся справа от нее. Ведя ладонью по стене, она медленно двигалась вперед. Джейн не имела ни малейшего понятия, куда идет — в парадную или в заднюю часть дома, ей нужно было просто-напросто выбраться наружу.

На лестничном пролете второго этажа заскрипели шаги — кто-то спускался вниз.

Джейн в ужасе нырнула в первую попавшуюся комнату, находившуюся слева от нее, — в комнату, сквозь окна которой проникал лунный свет, отражавшийся от поверхности рабочего стола и книжных полок. Кабинет.

Шаги доносились уже с первого этажа.

Джейн метнулась вперед, отыскивая укромное место во мраке. Под туфлями захрустели осколки стекла. Внезапно ее нога наткнулась на какое-то препятствие, и Джейн полетела на пол, выставив руку вперед, чтобы не удариться лицом. Ее ладонь скользнула по чему-то теплому и липкому. При свете луны она попробовала разглядеть темную фигуру, лежавшую на полу возле нее. Тело.

«Патрик Дион», — поняла Джейн.

Задыхаясь, Риццоли на четвереньках поползла прочь от трупа. И вдруг ощутила, как что-то, крутясь, отскочило от нее. Пистолет. Она потянулась к нему и в тот миг, когда пальцы сомкнулись на рукояти, поняла, что это ее оружие. Пистолет, который Патрик забрал у нее. «Мой старый друг», — обрадовалась Джейн.

Позади нее раздался скрип половиц. Шаги. Звук внезапно оборвался.

Джейн, как в ловушке, оказалась в полосе лунного света, лившегося из окна. Мягкое свечение показалось ей ярким и неотвратимым, как луч прожектора. Подняв голову, Риццоли увидела фигуру Марка.

— Меня здесь и не было вовсе, — проговорил он. — Когда полиция приедет поговорить со мной, я скажу им, что все время был дома, в постели. Это Патрик убил всех тех девочек и похоронил во дворе. И тебя тоже убил Патрик. А потом застрелился.

Рука, спрятанная за спиной Риццоли, была в тени, и она еще крепче сжала оружие. Но Марк уже направил на нее пистолет. Он выстрелит первым и уж точно не промахнется. Джейн не успеет прицелиться, она сможет лишь выпустить пулю — видимо, последнюю в своей жизни.

Поднимая оружие, она осознавала, что делает это слишком поздно, слишком медленно.

Но вдруг, удивленно охнув, Марк отвернулся от Джейн — он переключил внимание и перевел пистолет на кого-то — или что-то — еще.

Джейн вскинула свой пистолет и нажала на спусковой крючок. Три выстрела. Четыре. Ее рефлексы сработали автоматически. Пули ударили в торс Марка, и он, пошатнувшись, упал на приставной столик. Тот затрещал и обрушился под тяжестью тела.

Слыша свой бешеный пульс, отдающийся в ушах, Джейн поднялась на ноги и подошла к Марку, по-прежнему целясь в него на тот случай, если Мэллори вдруг каким-то чудом оживет. Марк не шевелился.

Зато шевельнулся сумрак.

Всего лишь легкое движение воздуха, совершенно беззвучное. Краем глаза Джейн уловила движение черного на черном. Она медленно обернулась к скрывающейся во тьме фигуре. Джейн сжимала в руке пистолет и могла бы выстрелить, но не стала этого делать. Она просто смотрела на голову, обрамленную серебристым мехом. И неровные зубы, блестевшие во мраке.

— Кто ты? — прошептала она. — Что ты за существо?

Ее лица коснулся ветерок, и Джейн зажмурилась. Когда она снова открыла глаза, существо исчезло. Оглядывая комнату, Джейн лихорадочно искала того, кто стоял перед ней, но видела лишь сумрак и лунный свет. «Действительно ли существо было здесь? — думала она. — Или это мое воображение? Неужели я придумала создание, сотканное из тьмы и моего собственного страха?»

Ее внимание привлекло какое-то движение в окне. Джейн выглянула в залитый лунным светом сад и увидела его — существо промчалось по лужайке и исчезло в рощице.

— Детектив Риццоли!

Вздрогнув, Джейн обернулась и увидела двух женщин, стоявших в дверном проеме, — Айрис тяжело повисла на Белле.

— Ей нужна «скорая»! — выпалила девушка.

— Я уже не так молода, — простонала Айрис. — И не так быстронога.

Белла осторожно опустила свою учительницу на пол. Бережно положив ее голову себе на колени, девушка начала что-то бормотать по-китайски. Снова и снова, будто магическое заклинание, она повторяла одни и те же целительные слова.

Слова надежды.

37

Стоя посреди скопища машин Бостонского и Бруклайнского полицейских управлений, которые были припаркованы на подъездной аллее у дома Патрика Диона, Джейн наблюдала за восходом солнца. Риццоли не спала целые сутки, ничего не ела со вчерашнего обеда, и первые лучи дневного светила ослепили ее до такой степени, что она, качнувшись, оперлась на ближайший патрульный автомобиль. Когда Джейн снова открыла глаза, она увидела, что Маура и Фрост, выйдя из дома, направляются прямо к ней.

— Тебе нужно ехать домой, — объявила Маура.

— Мне все только это и говорят. — Джейн посмотрела на дом. — Вы закончили?

— Сейчас вынесут тела.

Фрост, нахмурившись, наблюдал за тем, как Джейн надевает бахилы.

— Знаешь, тебе, наверное, лучше не входить в дом, — произнес он.

— Ты говоришь так, будто я там еще не была.

— В том-то и дело, что была.

Ему не нужно было пояснять — Джейн и так поняла, что он имеет в виду. Марка Мэллори уложила именно она, а пуля, выпущенная в голову Патрика Диона, почти наверняка вылетела из ее же пистолета. Сейчас оружие исследовали баллистики, и Джейн очень не хватало его тяжести на своем поясе.

Парадная дверь открылась, и на улицу выкатили первые носилки с телом. Все трое молча наблюдали, как их везут к фургону морга.

— У пожилого мужчины одно пулевое ранение. В правый висок, с близкого расстояния, — сообщила Маура.

— Это Патрик Дион, — сказала Джейн.

— У меня такое ощущение, что на его правой руке мы обнаружим пороховой нагар. Очень напоминает другое место происшествия, правда? Как думаешь?

— «Красный феникс», — тихо проговорила Джейн. — У Вэйминь.

— Его смерть посчитали самоубийством.

— А как ты назовешь эту, сегодняшнюю?

Маура вздохнула.

— У нас ведь нет свидетеля, верно?

Джейн покачала головой.

— Белла сказала: когда это случилось, они с Айрис были наверху. И ничего не видели.

— Но в дом проник еще один незваный гость, — заметил Фрост. — Ты говорила, что видела его.

— Я толком и не знаю, что видела. — Джейн посмотрела в сад, туда, где прошлой ночью, при свете луны, заметила фигуру, исчезающую в роще. — И думаю, что никогда не узнаю.

Маура обернулась — из дома вывозили второе тело.

— Я могу назвать смерть Патрика Диона самоубийством, но это слишком похоже на случай в «Красном фениксе», Джейн. Судя по всему, инсценировка.

— Думаю, эту смерть и хотели сделать похожей. Чтобы она стала эхом из прошлого. Правосудие, замыкающее круг.

— Нет такого рода смерти — *правосудие*.

Джейн поглядела на подругу.

— А возможно, должен быть.

— Эй, Фрост, Риццоли! — Детектив Тань махал им рукой из рощицы, где работали криминалисты.

— Что там? — спросила Джейн.

— Поисковая собака напала на след!

«Пропавшие девочки», — поняла она. Разумеется, их было больше, чем имен в списке Ингерсолла, там были и те, кто пропал после исчезновения Шарлотты Дион. А разве найдешь более удобное место для сокрытия тел, чем собственное убежище, защищенное от любопытных глаз? Когда они приближались к криминалистам, Джейн отметила, что собака смотрит на нее своими понятливыми глазами и радостно машет хвостом. Единственное счастливое создание среди всех них. Мужчины и женщины, собравшиеся в тени деревьев, стояли молча, с мрачными лицами, — они понимали, что, скорее всего, лежит у них под ногами.

— Вот здесь почву раскапывали, — сказал Тань, указывая на участок голой земли под деревьями. — Для маскировки ее забросали сучьями.

Недавнее захоронение. Риццоли огляделась. Всюду лежала тень от листвы деревьев, вокруг — густые заросли кустарника. Вот они, потаенные места, замаскированные сумраком и сучьями. Джейн была не в силах постигнуть зло такого масштаба. «Сколько же тел здесь лежит? — подумала она. — Сколько девочек, застывших в гробовом молчании, смогут заговорить только теперь?» И вдруг задача, которая им предстояла, показалась Джейн непосильной. Ее тело покрывали синяки, она была голодна и устала от смерти.

— Фрост, думаю, лучше предоставить это вам. Я поеду домой, — сказала она и двинулась прочь по лужайке. На солнышко.

— Риццоли! — окликнул ее Тань. Он последовал за ней к подъездной дорожке. — Я просто хочу сообщить тебе, что совсем недавно звонил в больницу. Айрис Фан перенесла операцию и уже очнулась.

— Она поправится?

— Пуля угодила в бедро. Айрис потеряла много крови, но обязательно восстановится. Похоже, она крепкая тетка.

— Дай бог всем нам быть такими крепкими.

На подъездную аллею лился яркий свет утреннего солнца, он падал им прямо на лица. Тань вынул из кармана темные очки и надел их.

— Может, мне съездить в больницу? — предложил Джонни. — Я мог бы поговорить с Айрис Фан и снять ее показания.

— Потом. Сейчас ты нужен мне здесь. Бруклайнское управление попросило нашей помощи, поэтому мы долго будем топтаться в этом имении.

— Так значит, я остаюсь в команде?

Джейн сощурилась — солнечный свет щипал ей глаза.

— Да, я попрошу твоего начальника из участка А-один оставить тебя у нас, пока мы не закончим с этим делом. Конечно, если ты хочешь остаться в отделе убийств.

— Спасибо. Я очень хотел бы остаться, — просто ответил он.

Когда Тань повернулся, собираясь уходить, Джейн вдруг заметила светлый волосок, поблескивавший на его затылке. На черных, как вороново крыло, волосах молодого полицейского одинокая шерстинка выделялась, словно блестка. «Серебристая шерсть», — подумала Риццоли.

— Тань! — окликнула она.

Джонни обернулся.

— Да?

Некоторое время Риццоли просто смотрела на него, пытаясь прочитать хоть что-то по глазам Таня, однако на нем были темные очки, и в зеркальных стеклах она видела лишь свое собственное отражение. Джейн вспомнила, как Тань быстро и беззвучно скользнул в окно дома Ингерсолла. Вспомнила, что камера слежения на улице Наппа запечатлела, как они с Фростом неуклюже вывалились на пожарную лестницу, а Таня не поймала вовсе. «Может быть, я привидение?» — пошутил тогда он. Пусть и не привидение, но существо столь же неуловимое. Человек, участвовавший во всех стадиях расследования, знавший все то, что обсуждалось и планировалось. Джейн не видела выражения его лица, не могла разведать его тайны, но понимала, что они существуют и ждут, когда их раскроют. Она решила, что оставит их при нем.

Во всяком случае, до поры до времени.

— Ты хотела что-то спросить, Риццоли? — осведомился Джонни.

— Не бери в голову, — отозвалась она. А потом развернулась и зашагала прочь.

В баре «Дж. П. Дойл» начался «счастливый час», и туда набилось столько свободных от дежурств полицейских, что Джейн с трудом отыскала Корсака. Только после того как официантка махнула рукой в

сторону обеденного зала, Риццоли наконец обнаружила Винса в отдельной кабинке в компании жареных морепродуктов и пинты эля.

— Прости, что опоздала, — извинилась она. — Как дела?

— Надеюсь, ты не обидишься, что я уже сделал заказ?

Джейн поглядела на кучу жареных во фритюре креветок.

— Похоже, ты бросил диету, а?

— Не приставай ко мне, ладно? День был ужасно паршивый, а потому мне требуется успокоительная еда. Правда требуется. — Корсак наколол на вилку четыре креветки и сунул их в рот. — Ты будешь что-нибудь заказывать, или как?

Джейн помахала официантке, попросила маленький овощной салат и продолжила наблюдать за тем, как Винс уплетает креветки.

— Ты что, больше ничего не будешь? — изумился он, когда Джейн принесли ее заказ.

— Я собираюсь поужинать дома. Последние несколько дней я почти совсем там не бывала.

— Да, я слышал, что у вас в Бруклайне было настоящее представление. Сколько тел уже откопали?

— Шесть. Похоже, все женские. На обыск всего участка потребуется несколько месяцев, возможно, есть места захоронений, о которых мы пока не знаем. А поэтому мы обследуем и дом Марка Мэллори.

Корсак поднял бокал эля.

— Как вы, женщины, любите говорить? *Молодец, подруга!*

Джейн поглядела на его испачканную жиром рубашку и подумала: «У него достаточно большая грудь, чтобы выдавать подобные фразы». Она подняла свой стакан с водой, и они смачно чокнулись, да так, что пиво из бокала Корсака пролилось на уменьшившуюся кучу креветок.

— Есть, правда, одна ложка дегтя в этой бочке меда, — добавила Джейн, беря в руки вилку. — У меня никогда не получится закрыть дела неизвестного из проулка и неизвестной с крыши. А ведь именно с ее гибели все и началось.

— Сабля, которой ее убили, так и не обнаружилась?

— Исчезла. Вероятно, то существо, которое я видела, утащило ее с собой в рощу. Никто никогда не сознается. Но я, кажется, поняла, чьих рук это дело.

— Тебе хватит сведений, чтобы его осудили?

— Честно? Я не хочу, чтобы его осудили. Корсак, порой, для того чтобы выполнить свою работу, мне приходится поступать неправильно.

Винс рассмеялся.

— Только бы доктор Айлз никогда не услышала этого.

— Да, она не поймет, — согласилась Джейн.

Маура признавала только факты, и несколько дней назад эти факты привели к тому, что полицейского Уэйна Граффа осудили. Да или нет, белое или черное — Мауре всегда было ясно, что есть что. Но чем дольше Джейн работала в полиции, тем меньше она понимала, где пролегает черта между правильным и неправильным.

Она подцепила немного салата и положила его в рот.

— А как у тебя дела? О чем ты хотел поговорить со мной?

Корсак вздохнул и отложил вилку. Помимо опустевшей тарелки, очень мало что могло заставить Винса сдать это оружие.

— Ты ведь знаешь, что я люблю твою маму, — проговорил он.

— Да, думаю, это я уже поняла.

— Я хочу сказать, я *по-настоящему люблю* ее. Она веселая, умная и сексуальная.

— На этом лучше остановиться. — Джейн отложила вилку. — Просто скажи мне, к чему ты ведешь.

— Я очень хочу на ней жениться.

— И она уже ответила согласием. Так в чем же дело?

— Дело в твоем брате. Он звонит ей по три раза на дню и пытается отговорить. Совершенно ясно, что он презирает меня.

— Фрэнки не выносит перемен, вот и все.

— Он ее очень расстроил, и теперь твоя мама думает отменить свадьбу, чтобы только он был доволен.

Тяжелый вздох Винса завершился звуком, похожим на завывание. Корсак отвернулся, уставившись в кабинку по другую сторону прохода; там сидел малыш на высоком стуле. Ребенок поглядел на отставного детектива и заплакал. Мамаша бросила на Корсака неодобрительный взгляд и взяла малыша на руки. Бедняга Винс! Он настолько некрасив, что пугает детишек, которые не способны заглянуть под его неприятную оболочку и увидеть доброе сердце. «А моя мама способна, — подумала Джейн. — И она заслуживает хорошего человека».

— Ладно, — ответила она. — Я поговорю с Фрэнки.

Если это не поможет, она хорошенько врежет братцу по башке.

Корсак поднял голову.

— Ты сделаешь это для меня? Правда?

— А почему бы и нет?

— Не знаю. Видишь ли, я так понял, ты не очень-то рада нашим отношениям с твоей мамой. Тому, что мы близки.

— Просто мне не хочется выслушивать сальные подробности, ясно? — Джейн потянулась через стол и ласково пихнула бывшего напарника в плечо. — Ты клевый, Корсак. И ты делаешь ее счастливой. Меня волнует только это. — Джейн поднялась. — Мне нужно идти. Тебе полегчало?

— Я люблю ее. И ты это знаешь.

— Знаю. Конечно, знаю.

— Тебя я тоже люблю. — Винс нахмурился и добавил: — А вот твоего брата — нет.

— И я прекрасно тебя понимаю.

Оставив его один на один с дарами моря, Джейн двинулась к выходу из переполненного бара. Оказавшись у двери, она услышала, что кто-то зовет ее:

— Риццоли!

Это был отставной детектив Букхольц, который расследовал исчезновение Шарлотты Дион девятнадцать лет назад. Он сидел на своем обычном месте у барной стойки, перед ним стоял бокал скотча.

— Мне нужно поговорить с вами, — сообщил он.

— Я собираюсь домой.

— Тогда я провожу вас до машины.

— Может быть, поговорим завтра, Хэнк?

— Нет. Мне нужно кое-что сказать, и это меня очень беспокоит. — Осушив свой бокал, Букхольц шумно поставил его на барную стойку. — Давайте выйдем на улицу. Здесь чертовски шумно.

Они вышли из бара и остановились на парковке. Этим прохладным весенним вечером в воздухе пахло сырой землей. Джейн застегнула молнию куртки и бросила взгляд на свою машину, размышляя, насколько долгой будет беседа и успеет ли она купить молока по пути домой.

— Знаете, это насчет вашего дела по обвинению Патрика Диона и Марка Мэллори. Вы ошибаетесь, — заявил Букхольц.

— Что вы имеете в виду?

— В новостях только об этом и говорят. Два богатеньких парня вместе охотились за девочками в течение двадцати пяти лет. Об этом говорит вся страна, и все недоумевают, как мы раньше этого не заметили. Почему мы их не остановили.

— Они поступали очень ловко, Хэнк. Они не перегибали палку и были очень осторожны. Им удавалось держать себя в руках.

— По нескольким похищениям у Патрика Диона есть алиби.

— Потому что они воровали девочек по очереди. Некоторых похитил Мэллори, некоторых — Дион. Мы уже обнаружили шесть тел в имении Диона и найдем еще, я не сомневаюсь.

— Но только не тело Шарлотты. Я гарантирую, что эту девочку вы там не найдете.

— Откуда вы знаете?

— Когда я занимался этим делом, я работал на совесть, ясно? Это было девятнадцать лет назад, но я помню все подробности. Вчера вечером я вытащил свои старые заметки, чтобы во всем удостовериться. Мне *точно* известно: когда Шарлотта исчезла, Патрик Дион был в Лондоне. Он вылетел домой в тот же вечер, когда до него дошли новости.

— Хорошо, здесь вы правы. Эту деталь легко проверить.

— А еще я прав насчет Марка Мэллори. Он тоже не мог похитить Шарлотту, потому что и у него было алиби. Он навещал свою мать. За год до этого ее свалил инсульт, и она лежала в реабилитационном центре.

В угасающем свете дня Джейн смотрела на Букхольца. Отставной детектив защищал материалы своего дела, а потому вряд ли мог быть объективным. Судя по морщинистому лицу и поношенной рубашке, в отставке ему приходилось несладко. Букхольц практически жил в баре «Дж. П. Дойл», словно только там, среди копов, он снова чувствовал прилив сил. Свою нужность.

«Уважь старика», — приказала себе Джейн.

Она сочувственно кивнула.

— Я снова изучу дело, и мы поговорим.

— Считаете, что вам удастся так просто отделаться от меня? Я был *хорошим* полицейским, Риццоли. Я проверил этого парнишку. Когда речь идет о похищении, первым делом изучают семью, так что я хорошенько присмотрелся к ее сводному брату. К каждому его шагу в тот день. Марк Мэллори никак не мог утащить Шарлотту.

— Потому что, по его собственным словам, он навещал мать? Да бросьте, Хэнк. Нельзя верить на слово ни ему, ни его матери. Она наверняка соврала, чтобы защитить своего ребенка.

— Но ведь медицинской карте можно доверять.

— Что?

Букхольц полез в карман и, вытащив сложенный лист бумаги, сунул его Джейн.

— Это из больничной карты Барбары Мэллори. Ксерокопия записей медицинской сестры. Посмотрите, что там значится под двадцатым апреля. Время — час дня.

Джейн просмотрела копию и нашла запись сестры, относящуюся к названному времени. «Давление 115/80, пульс 84. Пациентка отдыхает. Прибывший сюда сын требует, чтобы его мать перевели в более тихую палату, подальше от поста медсестер».

— В час дня Шарлотта Дион в составе школьной группы посещала нашу достопримечательность — Фаньюл-холл, — пояснил Букхольц. — Около часа пятнадцати учителя заметили, что она пропала. А теперь скажите мне, как Марк Мэллори, сидевший в больничной палате своей матери, за сорок километров от этой достопримечательности, умудрился через пятнадцать минут оказаться в центре Бостона и увезти оттуда свою сводную сестру?

Джейн читала и перечитывала запись больничной сестры. Дата и время верны. Нет, здесь все не так, подумала она.

С другой стороны, а как же иначе? Тут все написано черным по белому.

— Прекратите делать вид, что я облажался, — возмущался Букхольц. — Ведь ясно, что ваши преступники не похищали Шарлотту.

— Тогда кто же ее похитил? — пробормотала Джейн.

— Возможно, этого мы никогда не узнаем. Готов поклясться, что какой-то парень увидел ее и похитил без всякого предварительного плана.

«Какой-то парень», — подумала Джейн. Преступник, которого им еще предстоит найти.

Риццоли ехала домой, положив ксерокопию на пассажирское сиденье рядом с собой, и размышляла о том, как это могло произойти. В семье два убийцы, а Шарлотту стащил еще один преступник, не состоявший с ней в родственной связи. Джейн остановилась на парковке у входа в свой многоквартирный дом и продолжила размышлять. Она еще не была готова к шуму и хаосу материнства. Риццоли вспомнила о том, что они знали наверняка: Дион и Мэллори вместе преследовали и убивали девочек. На земельном участке Диона они похоронили как минимум шесть жертв. А может быть, Шарлотта узнала тайну своего отца? Или похищение совершил кто-то третий, чтобы у Патрика и Марка было железное алиби?

Джейн помассировала виски — ее измучили эти вопросы. Шарлотта снова была окружена загадками. Что было известно этой девочке и когда она узнала об этом? С кем она поделилась своим открытием? Риццоли припомнила самые последние фотографии Шарлотты, сделанные на

похоронах ее матери и отчима. Вспомнила, как ее обступили отец и Марк. Девочка находилась среди врагов, но сбежать не могла.

Джейн выпрямилась — ее мозг пронзил ответ, до которого нужно было додуматься с самого начала.

«А может, она все-таки сбежала?»

38

В полдень Джейн пересекла границу Нью-Гэмпшира и направилась на север, в Мэн. Стоял теплый майский денек, деревья, испытывая прилив весенней энергии, покрылись листвой, над полями и лесом повисла золотистая дымка. Ближе к вечеру, когда Джейн добралась до озера Лосиная голова, на улице похолодало. Риццоли припарковала машину, обвернула шею шерстяным шарфом и двинулась к пристани, где на приколе стояла моторная лодка.

Ей помахал мальчик лет пятнадцати со светлыми волосами, спутавшимися на ветру.

— Госпожа Риццоли — это вы? Меня зовут Уилл, я из лагеря «Поганкин мыс». — Он взял у нее дорожную сумку. — Это весь ваш багаж?

— Я приехала только на одну ночь. — Джейн оглядела пирс. — А где же шкипер?

Мальчик широко улыбнулся и помахал рукой, указывая на себя.

— Вот он. Я с восьми лет управляю этой лодкой. Не переживайте, я уже несколько тысяч раз переправлял пассажиров.

По-прежнему сомневаясь, что парнишка способен быть шкипером, Джейн села в лодку и застегнула предложенный спасжилет. Устроившись на скамье, она заметила коробки с продуктами и стопку газет, поверх которой лежала «Бостон глоуб». Видимо, эту поездку мальчик совместил с визитом в магазин.

Когда он заводил двигатель, Джейн поинтересовалась:

— И долго ты работаешь в этом лагере?

— Сколько себя помню. Он принадлежит моим маме и папе.

Джейн хорошенько разглядела мальчика. Отметила решительный подбородок и выгоревшие на солнце волосы. Худой, но мускулистый, он был сложен как опытный пловец. Такой парнишка прекрасно смотрелся

бы на спасательной станции какого-нибудь калифорнийского пляжа. Он с невероятной ловкостью уводил лодку от пирса. Риццоли не успела задать другие вопросы — они уже шли по неспокойной воде, и шум мотора был слишком громким для беседы. Держась за планширь, Джейн смотрела на густой лес и огромное озеро, бескрайнее, словно море.

— Красиво здесь, — проговорила она, но парнишка ее не услышал: все внимание шкипера было сосредоточено на месте назначения — там, на другом берегу.

Когда они добрались до цели, солнце уже клонилось к горизонту, усеивая воду огненными и золотистыми блестками. Впереди Джейн видела деревенские домики и несколько каноэ, стоявших у берега. На пристани стояла светловолосая девочка, готовясь поймать швартовый конец. Как только Джейн смогла разглядеть ее, она сразу поняла, что дети — брат и сестра.

— А эту проказницу зовут Саманта, — смеясь, представил девочку Уилл и ласково взъерошил ей волосы. — Она тут у нас на побегушках по всем вопросам. Если вам понадобятся зубная щетка, дополнительные полотенца или еще что-нибудь, просто скажите ей.

Девочка помчалась по пирсу с сумкой, а Джейн спросила:

— На вид ей лет восемь или девять. Вы в школу-то ходите?

— Мы на домашнем обучении. Зимой трудно попасть в город. Папа всегда говорит, что мы самые счастливые дети на свете, потому что живем здесь, в раю. — Мальчик повел ее по дорожке к одному из домиков. — Мама отвела вам вот этот. Он самый уединенный.

Они поднялись по лестнице на застекленную террасу. Дверь, скрипнув, захлопнулась за ними. Саманта уже занесла сумку Джейн в домик, и теперь она стояла у изножья кровати, на грубоватой полке для багажа. Джейн поглядела на открытые балки и стены из сучковатой сосны. В камине уже потрескивал огонь.

— Ну как — все нормально? — поинтересовался Уилл.

— Жаль, что я не привезла сюда мужа. Ему здесь понравилось бы.

— Возьмите его с собой в следующий раз. — Уилл отдал честь и собрался уходить. — Как только устроитесь, приходите ужинать. Кажется, сегодня у нас тушеная говядина.

Когда мальчик ушел, Джейн опустилась в кресло-качалку, стоявшую на застекленной террасе, и стала смотреть, как закат поджигает озеро.

Гудение насекомых и плеск воды нагоняли на нее сон. Она закрыла глаза и не заметила, как к ее домику приблизилась гостья. Только услышав стук, Джейн выглянула на улицу и увидела светловолосую женщину, стоявшую возле стеклянной двери.

— Детектив Риццоли? — обратилась женщина.

— Входите.

Женщина шагнула в помещение, придерживая дверь, чтобы та не хлопнула. Даже на полутемной террасе Джейн заметила сходство гостьи с Уиллом с Самантой, потому что знала: перед ней их мать. А еще она точно знала, как зовут эту женщину. Странная поездка Ингерсолла на рыбалку заставила Джейн сосредоточить свое внимание на «Поганкином мысу», ведь в эту поездку Ингерсолл не взял даже коробку со снастью. На самом деле погибший детектив ездил в Мэн совсем за другим — он хотел встретиться с женщиной, которая стояла теперь на террасе напротив Джейн.

— Здравствуйте, Шарлотта, — поприветствовала ее Риццоли.

Женщина выглянула на улицу, осматривая округу — нет ли кого поблизости. Затем она повернулась к Джейн.

— Прошу вас, больше не называйте меня так. Теперь мое имя Сьюзан.

— Ваша семья ничего не знает?

— Муж в курсе, а дети — нет. Им будет очень сложно объяснить. К тому же я не хочу, чтобы они знали, каким человеком был их дед... — Женщина умолкла. Вздохнув, она опустилась на другое кресло-качалку. Некоторое время на террасе раздавался лишь его скрип.

Джейн пристально вглядывалась в профиль гостьи. Шарлотте — нет, Сьюзан — было тридцать шесть лет, однако выглядела она куда старше. За годы, проведенные на свежем воздухе, ее кожу усыпали веснушки, а в волосах уже появились серебристые прядки. Но больше всего ее старила боль в глазах, боль, заложившая складки на ее лице и придавшая взгляду обеспокоенность.

Откинувшись на спинку кресла, Сьюзан воззрилась на темнеющее озеро.

— Все началось, когда мне было девять, — сказала она. — Однажды ночью, когда мама спала, он пришел в мою комнату. Сказал, что я уже взрослая. И мне пора научиться тому, что полагается делать всем дочерям, — радовать папочку. — Сьюзан нервно сглотнула. — И я радовала.

— А маме вы об этом не рассказали?

— Маме? — Сьюзан горько усмехнулась. — Моя мама никогда не тревожилась ни о чем, кроме собственных интересов. Закрутив роман с Артуром Мэллори, она сбежала уже через два месяца. И никогда не оглядывалась на прошлое. Не думаю, что она помнила о своей дочери. Так что я осталась с отцом, который с большой радостью стал моим опекуном. Конечно же, никто не оспаривал это право. Несколько раз в году я должна была проводить выходные с мамой и Артуром, но она почти не обращала на меня внимания. Один только Артур был очень добр ко мне. Я мало его знала, но, похоже, он был хорошим человеком.

— А его сын Марк?

Последовало долгое молчание.

— Я не понимала, что такое Марк, — тихо призналась она. — Когда наши семьи только познакомились, он казался совершенно безобидным. Вскоре мы стали встречаться гораздо чаще. Ужинали то у нас дома, то у Марка. Мы прекрасно ладили друг с другом. Беда была только в том, что мама с Артуром ладили куда лучше, чем мне тогда казалось.

— Похоже, ваш отец тоже неплохо ладил с Марком.

Сьюзан кивнула.

— Как с лучшим другом. Казалось, папа наконец обрел сына, о котором всегда мечтал. Даже после развода моих родителей Марк часто навещал папу. Они спускались в папину мастерскую и делали скворечники или рамки для картин. Я даже не представляла, что там происходит на самом деле.

Нечто куда более интересное, чем столярные работы, подумала Джейн.

— Вам не казалось странным, что они проводят столько времени вместе?

— Я была почти счастлива, что меня оставили в покое. Примерно в то же время — мне было тринадцать — папа перестал приходить ко мне по ночам. Тогда я не понимала, почему. Теперь мне ясно: в то время исчезла первая девочка. Мне было тринадцать, и папа нашел себе другое развлечение. А Марк помог ему. — Сьюзан перестала качаться и замерла, пристально глядя на озеро. — Если бы я знала тогда, если бы понимала, что за человек Марк, мама и Артур остались бы в живых.

Джейн нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Тем вечером они пошли в «Красный феникс» из-за меня. Из-за того, что я им рассказала.

— Вы?

Сьюзан сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами для дальнейшего рассказа.

— Это случилось в те выходные, которые я должна была провести с мамой и Артуром. Я только-только получила права и впервые поехала к ним сама. Я взяла папину машину. И нашла там кулон. Он завалился между сиденьем и стойкой кузова, и два года его никто не замечал. Он был золотым, в форме дракона, а на обороте обнаружилась гравировка. Лора Фан.

— Это имя было вам знакомо?

— Да. Когда она исчезла, об этом писали во всех газетах. Я запомнила имя, потому что она была моего возраста и играла на скрипке. Некоторые ученики Болтонской академии говорили о ней, потому что вместе с ней посещали летний оркестровый мастер-класс.

— Этот мастер-класс посещал и Марк.

Сьюзан кивнула.

— Он знал ее. Но я не понимала, при чем тут мой отец. Как Лорин кулон оказался в машине *моего отца*? Потом я задумалась обо всех тех ночах, когда он приходил в мою комнату, и о том, что он делал со мной. Если он мучил меня, возможно, так же он поступал и с другими девочками. Возможно, это случилось и с Лорой. Именно поэтому она исчезла.

— И вы рассказали об этом своей маме?

— В те выходные, когда я навещала ее, все выплыло наружу. Я обо всем рассказала им с Артуром. О том, что в прежние годы делал со мной папа. И о том, что я нашла в его машине. Сначала мама не верила. Потом в своей обычной эгоцентричной манере начала волноваться об огласке, о том, что ее имя попадет в газеты. Что о ней будут говорить как о бестолковой жене, которая не знает, что происходит в ее собственном доме. Но Артур… Артур серьезно отнесся ко всему этому. Он поверил мне. И я всегда буду уважать его за это.

— Почему они сразу же не обратились в полицию?

— Мама хотела сначала во всем удостовериться. Она не желала привлекать внимание до тех пор, пока не станет ясно: это не жуткое

совпадение. Может быть, есть еще какая-нибудь Лора Фан, сказала она. Поэтому они решили показать кулон родственникам Лоры и убедиться, что он принадлежал той самой Лоре, которая пропала два года назад. — Сьюзан опустила голову и следующую фразу произнесла почти беззвучно: — Тогда я последний раз видела их живыми. Когда они уходили в ресторан, чтобы встретиться с Лориным отцом.

Вот он — последний кусочек мозаики, причина визита Дины и Артура в китайский квартал. Они не собирались ужинать, они хотели поговорить с Джеймсом Фаном о его пропавшей дочери. Беседу прервали выстрелы — кровавое убийство, которое в итоге повесили на несчастного иммигранта.

— Полиция настойчиво утверждала, что это суицид-убийство, — продолжала Сьюзан. — Они говорили, что мама с Артуром просто оказались в неудачном месте в неудачное время. Кулон так и не нашли, поэтому у меня не было доказательства. Больше мне не к кому было обратиться. Я все время думала о возможной связи. О связи между Лорой и этой стрельбой. А тут еще и Марк. В те выходные он был дома вместе с нами, поэтому знал, что происходит.

— Он позвонил Патрику. Сказал, что ваша мама и Артур собираются в Чайна-таун.

— Не сомневаюсь, что именно так он и сделал. Но только на похоронах я смогла сопоставить все это. Понять, что мой отец и Марк работали вместе. Без кулона я ничего не могла доказать. Вся власть была в папиных руках, а я прекрасно знала: он запросто может сделать так, чтобы я исчезла.

— Поэтому вы исчезли сами.

— Заранее я ничего не планировала. Мы вместе с классом шли по бостонской Тропе Свободы. — Сьюзан печально усмехнулась. — И вдруг я подумала, что тоже хочу быть свободна! Что пора действовать. Я улизнула от учителей. Пробежав несколько кварталов, я стала думать, как сбить всех с толку. Я бросила свои рюкзак и документы в одном из переулков. У меня было достаточно денег, чтобы купить автобусный билет на север. Я не знала, куда мне ехать, просто понимала, что нужно бежать от отца. Когда я приехала в Мэн и вышла из автобуса, у меня вдруг появилось ощущение, что… — Она вздохнула. — Что я оказалась дома.

— И вы остались здесь.

— Я поступила на работу — стала убирать домики для туристов. И познакомилась со своим мужем Джо. Это настоящий подарок судьбы — найти человека, который любит меня. Поддерживает меня, несмотря ни на что. — Она сделала глубокий вдох и подняла голову. Села прямо. — Здесь я перекроила свою жизнь. Родила детей. Вместе с Джо мы построили эти домики. Основали дело. Я решила, что буду счастлива, если спрячусь здесь навсегда.

С озера донесся смех — по пирсу мчались Уилл и его сестра, одетые в купальные костюмы. Оба спрыгнули вниз, и смех превратился в визг — это ребятишки погрузились в холодную воду. Поднявшись с кресла, Сьюзан пристально посмотрела на плескавшихся в озере детей.

— Саманте девять лет. Мне было столько же, когда все началось. Когда отец впервые пришел в мою спальню. — Сьюзан стояла спиной к Джейн, словно ей было невыносимо показывать свое лицо. — Кажется, что о поругании можно забыть, но это не так. Прошлое всегда рядом, оно всегда поджидает тебя в ночных кошмарах. Оно показывается внезапно, когда ты меньше всего думаешь о нем. Когда вдруг почувствуешь запах джина и сигар. Или услышишь, как скрипнула ночью дверь твоей спальни. Саманте исполнилось девять, и кошмары усилились, потому что я видела себя в этом же возрасте. Наивную и еще нетронутую. Я подумала о том, что он сделал со мной и что мог сотворить с Лорой. И стала размышлять: а вдруг были и другие девочки, жертвы, о которых я знать не знала? Однако я не представляла, как его уничтожить, как сделать это самостоятельно. На это у меня не хватало мужества.

Уилл и Саманта снова вылезли на пирс и, смеясь, принялись вытираться. Сьюзан прижала руку к стеклу, словно хотела набраться мужества от своих детей.

— Потом тридцатого марта я открыла «Бостон глоуб», — снова заговорила она.

— Вы увидели объявление Айрис Фан. О массовом убийстве в «Красном фениксе».

— «Никто так и не сказал правду», — прошептала Сьюзан. — Таким было это объявление. И вдруг я поняла, что не одинока. Что кто-то еще ищет объяснений. Жаждет правосудия. — Она обернулась к Джейн. — Вот тогда я собралась с духом и позвонила детективу Ингерсоллу. Я знала его, потому что он расследовал массовое убийство в «Красном фениксе». Я рассказала ему о Лорином кулоне. О папе и Марке. Сообщила, что пропавших девочек могло быть больше.

— Так вот почему он стал расспрашивать об этих девочках, — поняла Джейн.

Эти расспросы поставили бывшего детектива под угрозу — до Патрика дошли слухи, что Ингерсолл собирает доказательства, связывающие его не только с исчезнувшими девочками, но и с массовым убийством в «Красном фениксе». Он наверняка решил, что это дело рук Айрис Фан, потому что объявление в «Бостон глоуб» разместила именно она. Эта женщина потеряла и дочь, и мужа. Убив Айрис и Ингерсолла, Патрик избавился бы от этой проблемы, поэтому он нанял профессионалов. Но даже хорошо обученные убийцы не поняли, с чем им придется столкнуться.

— Я страшно боялась, что отец может найти меня, — продолжала Сьюзан. — И попросила детектива Ингерсолла не говорить ничего такого, что могло бы вывести на меня. Он пообещал, что даже его дочь не узнает, чем он занимается.

— Ингерсолл сдержал свое слово. Мы даже не подозревали, что его наняли вы. Мы полагали, что это госпожа Фан.

— Он позвонил мне спустя несколько недель. Сказал, что нам необходимо встретиться, и приехал сюда. Сообщил, что определил почерк, и отыскал имена трех девочек, которые могли познакомиться со мной до того, как исчезли. Эти девочки участвовали в том же теннисном турнире, что и я, ездили в тот же музыкальный лагерь. Оказалось, что связь между ними и отцом — это я. Их выбрали из-за меня. — Сьюзан осеклась и снова откинулась на спинку кресла. — А я-то жила в покое и безопасности здесь, в Мэне, со своей маленькой дочкой. Жила и не знала, что были другие жертвы. Если бы во мне было больше смелости, я могла бы остановить все это давным-давно.

— Но это удалось остановить, Сьюзан. И вы сыграли в этом не последнюю роль.

Женщина посмотрела на Джейн, ее глаза блестели.

— Самую ничтожную роль. Детектив Ингерсолл погиб из-за этого. А остановили все — вы.

Я была не одна, подумала Джейн. Мне помогали.

— Мама? — Голос девочки послышался откуда-то снаружи, из темноты. За стеклом стояла Саманта, ее силуэт выделялся на фоне отраженного озером света. — Папа просил позвать тебя. Он не знает, пора ли вытаскивать пирог из духовки.

— Иду, дорогая моя. — Сьюзан поднялась. Распахнув стеклянную дверь, она обернулась и улыбнулась Джейн. — Ужин готов. Приходите, когда проголодаетесь, — пригласила женщина и вышла, а за ней, скрипнув, захлопнулась дверь.

С террасы Джейн было видно, как Сьюзан взяла Саманту за руку. Мать и дочь двинулись прочь вдоль кромки воды и вскоре растаяли в сумерках. Все это время они не отпускали рук.

39

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

ПРОВИНЦИЯ ФУЦЗЯНЬ, КИТАЙ

Мы с Беллой стоим перед могилой предков ее отца, а по двору разносится сладковатый аромат ладана. Это старинное кладбище. На протяжении по крайней мере тысячелетия представителей разных поколений семейства У хоронили именно здесь, а теперь и останки У Вэйминя присоединились к праху праотцев. Его измученной душе больше не нужно скитаться по миру духов, требуя справедливости. Здесь он наконец упокоится с миром.

Сумерки сгущаются, становясь ночью, а мы с Беллой зажигаем свечи и поклоняемся памяти ее отца. И вдруг я чувствую присутствие кого-то третьего. Я оборачиваюсь и вижу: во двор заходит какая-то фигура. Лица во мраке не разглядишь, но по бесшумному шагу и легкой грации движений я понимаю, что это сын У Вэйминя от первой жены, сын, который никогда не забывал отца и все время чтил его. Когда мужчина приближается к свечам, Белла кивает единокровному брату, а тот отвечает печальной улыбкой. Они оба так похожи — столь же тверды, сколь камень, служащий гробницей праху их отца. Теперь, когда они выполнили свой долг, мне интересно знать, что будет с ними дальше. Когда посвящаешь половину своей юности одной-единственной цели и в конце концов достигаешь ее, к чему еще стремиться?

Мужчина уважительно кивает мне.

— Сыфу, простите, что я опоздал. Мой рейс из Шанхая задержали из-за погоды.

Внимательно разглядывая его лицо при свете свечей, я вижу нечто большее, чем просто усталость и тревожные морщинки вокруг глаз.

— Какие-то сложности в Бостоне?

— Мне кажется, она знает. Я чувствую, как она наблюдает, как прощупывает меня. Ощущаю подозрение, когда она смотрит на меня.

— И что теперь будет?

Он тяжело вздыхает и пристально смотрит на горящие свечи.

— Я думаю… я надеюсь, что она понимает. Она написала мне блестящую рекомендацию. И хочет, чтобы я работал с ней по другому делу, касающемуся Чайна-тауна.

Я улыбаюсь Джонни Таню.

— Детектив Риццоли не так уж сильно отличается от нас. Возможно, она не согласна с тем, как именно мы добились своей цели, но, думаю, она понимает, почему мы это сделали. И одобряет нас.

Я подношу спичку к костровой яме и поджигаю лучину. Язычки пламени охватывают ее, словно хищные зубы, и мы скармливаем им священную бумагу ритуальных денег. Огонь пожирает купюры. Вверх уносится дым, несущий упокоение и достаток призракам наших близких.

Однако нам нужно сжечь еще кое-что.

Я достаю из мешочка маску. Серебристые шерстинки, отражающие свет костра, снова кажутся живыми, словно из тьмы выскочил дух самого Сунь Укуна. Однако маска безвольно свисает с моей руки — всего-навсего неживой объект из кожи и обезьяньего меха, истлевающий предмет реквизита, который я выкупила у китайской оперы много лет назад. Каждый из нас троих надевал ее. Мы поделили эту роль на всех. Я была в ней, когда защищалась от женщины-убийцы на крыше. Белла — когда спасала полицейскую. И наконец Джонни — когда выпускал пулю в висок Патрика Диона, замыкая круг смерти.

Я бросаю маску в огонь. Шерстинки тут же загораются. Я вдыхаю запах паленого меха и обуглившейся кожи. Яркая вспышка — и маска уничтожена, а Сунь Укун вернулся в мир духов, туда, где и положено быть Царю Обезьян. Однако он никогда не уходит слишком далеко — когда он очень нужен, каждый может обнаружить его в самом себе.

Пламя угасает, и все мы пристально смотрим в костровую яму, отыскивая в пылающих частичках пепла то, что хотим отыскать. Для Беллы и Джонни это одобрительная улыбка отца. Они выполнили свой дочерний и сыновний долг, и теперь их жизни принадлежат только им.

А что же я ищу в этом пепле? Я разглядываю лицо моей дочери Лоры, чьи останки десять недель назад обнаружили в имении Патрика Диона, в

одном из глухих, увитых плющом уголков. Я вижу лицо своего любимого мужа, по-прежнему молодое, и волосы его все так же черны, как в день нашей свадьбы. Моя дочь и мой муж не становятся старше, а я медлю на этой земле — мое здоровье рушится, волосы серебрит седина, и годы все сильнее прорезают морщины на лице. Но, старея, я с каждым годом становлюсь все ближе к Джеймсу и Лоре, к тому дню, когда мы снова будем вместе. А потому в сгущающейся тьме я шагаю безмятежно и бесстрашно.

Ведь я знаю — они будут ждать меня в конце пути.

Примечания

1

«Братья Брукс» (Brooks Brothers) — старейшая марка мужской одежды в США. Фирма основана в 1818 г. *(Здесь и далее, если не указано особо, — прим. перев.)*

2

Тонги (или правильно — туны) — тайные сообщества китайцев, живущих в США и Канаде, которые чаще всего имеют отношение к преступной деятельности. Дословно слово «тонг» (или «тун») переводится как «зал» или «место собраний».

3

Пайфан — резные орнаментированные ворота из камня или дерева, возводившиеся в Китае в честь правителей, героев, выдающихся событий. Вне Китая ворота пайфан — символ китайского квартала.

4

Курица гунбао — блюдо сычуаньской кухни, готовится из кусочков куриного филе, обжаренных с арахисом и перцем чили.

5

Тропа Свободы — дорожка, выложенная красным кирпичом, которая проходит мимо главных достопримечательностей Бостона, связанных с борьбой за независимость США. Ее длина — 4,5 км.

6

«Стэплз» (Staples) — американская сеть магазинов канцелярских товаров, основанная в 1986 г. Действует в 26 странах мира.

7

Тест Роршаха (также «Пятна или кляксы Роршаха») — психодиагностический тест для исследования личности, созданный в 1921 г. швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом (1884–1922). Испытуемый должен истолковать десять симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс.

8

АСРОП (AFIS — Automatic Fingerprint Identification System) — автоматическая система распознавания отпечатков пальцев.

9

«Черный циркуляр» (или циркуляр с черным уголком) предназначен для опознания обнаруженных трупов при помощи картотеки Интерпола.

10

На улице Шрёдер-плаза, в доме номер один, располагается штаб-квартира Бостонского полицейского управления. На полицейском жаргоне Бостонское ПУ именуется просто «Шрёдер-плаза». *(Прим. ред.)*

11

Нефритовый император (Юй-ди или Юй-хуан) — верховное божество даосского пантеона. Его изображают как бесстрастного мудреца, правящего небом и делами людей.

12

Джабба Хатт — персонаж фантастической киносаги Джорджа Лукаса «Звездные войны», руководитель крупнейшей преступной организации Галактики.

13

Лакросс — командная игра, в которой команды пытаются забить в ворота противника резиновый мяч. При этом они пользуются ногами и снарядом, напоминающим одновременно клюшку и ракетку. Изобретена американскими индейцами.

14

Артур Уэйли (1889–1966) — английский переводчик-ориенталист, синолог, кавалер Ордена Британской империи (1952). «Обезьяна» —

сокращенная и адаптированная английская версия классического китайского романа «Путешествие на Запад» (русский перевод Л. Рогачева, В. Колоколова, А. Адалис и И. Голубева, 1959), повествующего о похождениях Сунь Укуна и опубликованного в 1592 году без указания автора. Ныне принято считать, что роман принадлежит перу писателя и поэта У Чэнъэня (ок. 1500–1582). «Путешествие на Запад» («Обезьяна») обрел всемирное признание как один из лучших приключенческих романов в мировой литературе. Перевод Артура Уэйли (1942) публиковался под названиями «Приключения Бога Обезьян», «Обезьяна: китайский народный роман», «Приключения Обезьяны»; еще более короткая версия, предназначенная для детей, получила название «Милая Обезьяна». *(Прим. ред.)*

15

Перевод А. Рогачева.

16

Агнус Макгайвер, главный герой популярного американского приключенческого сериала «Секретный агент Макгайвер» (1985–1993), всегда имел при себе клейкую ленту. Правда, он использовал ее в мирных целях.